

ISSN 2500-3682

**СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

ПОЗНАНИЕ

№ 10 2018 (ОКТАБРЬ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
Д.К. Кирнарская

Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин

Верстка
А.В. Романов

Подписной индекс издания в каталоге агентства
«Пресса России» — 43288

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука: актуальные проблемы
теории и практики» обязательна!

Журнал отпечатан в типографии ООО «КОПИ-ПРИНТ»
тел./факс: +7 (495) 973-8296

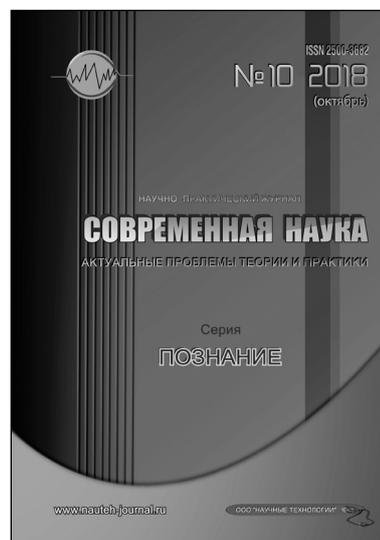
Подписано в печать 12.10.2018 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая
Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

Серия: Познание № 10 октябрь 2018 г

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(БАК - 09.00.00, 19.00.00, 24.00.00)

В НОМЕРЕ:

КУЛЬТУРОЛОГИЯ
ПСИХОЛОГИЯ
ФИЛОСОФИЯ

Издатель:
Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва,
Волгоградский пр-т, 116-1-10 Тел/факс: 8(495) 755-1913
e-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-65429 от 04.05.2016 г.

ISSN 2500-3682

9 772500 368003 >

Редакционный совет

Кирнарская Дина Константиновна — доктор искусствоведения, доктор псих. наук, профессор Российской академии музыки им. Гнесиных

Миндлин Юрий Борисович — к. экономических наук, доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Вислова Аминат Даняловна — доктор псих. наук, в.н.с. Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований

Воронина Наталья Ивановна — доктор философских наук, профессор Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева

Злотникова Татьяна Семеновна — доктор искусствоведения, профессор Ярославского государственного педагогического университета им. К. Ушинского

Иконникова Светлана Николаевна — доктор философских наук, профессор Санкт-Петербургского государственного института культуры

Кибальченко Ирина Александровна — доктор псих. наук, профессор Южного федерального университета

Кириллова Наталья Борисовна — доктор культурологии, профессор Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

Комиссаренко Светлана Сергеевна — доктор культурологии, доцент Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов

Корнилова Ольга Алексеевна — доктор псих. наук, доцент Самарского государственного института культуры

Коротких Вячеслав Иванович — доктор философских наук, профессор Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина

Кургузов Владимир Лукич — доктор культурологии, к.и.н., профессор Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления

Куруленко Элеонора Александровна — доктор культурологии, ректор Самарского государственного института культуры

Листвина Евгения Викторовна — доктор философских наук, профессор Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского

Махаматов Таир Махаматович — доктор философских наук, профессор Финансового университета при Правительстве РФ

Никольский Сергей Анатольевич — доктор философских наук, зав. сектором Института философии РАН

Овсяник Ольга Александровна — доктор псих. наук, доцент Российского экономического университета им. В.Г. Плеханова

Паршукова Галина Борисовна — доктор культурологии, к. пед. н., доцент Новосибирского государственного технического университета

Пономарева Галина Михайловна — доктор философских наук, профессор МГУ им. М.В.Ломоносова

Разлогов Кирилл Эмильевич — доктор искусствоведения, профессор ВГИКа

Садохин Александр Петрович — доктор культурологии, доцент РАНХиГС

Сгибнева Ольга Ивановна — доктор философских наук, профессор Волгоградского государственного университета

Серов Николай Викторович — доктор культурологии, действительный член Оптического общества им. С. Рождественского

Синягин Юрий Викторович — доктор псих. наук, профессор, заместитель директора «Высшая школа государственного управления» РАНХиГС при Президенте РФ

Сиухова Аминет Магаметовна — доктор культурологии, доцент Майкопского государственного технологического университета

Соловьева Светлана Владимировна — доктор философских наук, доцент Самарского государственного института культуры

Тихонова Анна Юрьевна — доктор культурологии, доцент Ульяновского государственного педагогического университета им. И. Н. Ульянова

Фадеева Ирина Евгеньевна — доктор культурологии, профессор Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина

Хренов Николай Андреевич — доктор философских наук, профессор Государственного института искусствознания Министерства культуры РФ, профессор Всероссийского государственного института кинематографии имени С. А. Герасимова

Черноризов Александр Михайлович — доктор псих. наук, профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова

Экштут Семен Аркадьевич — доктор философских наук, профессор, руководитель Центра истории искусств и культуры Института всеобщей истории РАН

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Зыкин А. В.** — Анимизм, соотношение природного и культурного в мировоззрении тувинцев
Zykin A. — Animism, the ratio of natural and cultural in the worldview of the Tuvans 4

ПСИХОЛОГИЯ

- Евтушенко Е. А., Карнаухов В. А.** — Особенности применения сотрудниками ОВД механизмов защитно-своблающего поведения в служебной деятельности
Yevtushenko Y., Karnaukhov V. — Features of application by police officers of mechanisms of protective and coping behavior in activity. 9

- Захаревская Е. А.** — Экспериментальное исследование взаимосвязи индивидуально-личностных особенностей и почерка как комплексного психомоторного навыка
Zakharevskaya E. — Experimental study of the relationship between individual and personal characteristics and handwriting as a complex psychomotor skill 16

- Кильдишев А. В.** — Психологические особенности ценностно – смысловых факторов личности преподавателя гуманитарного колледжа
Kildishev A. — Psychological aspects of axiological personality factors of an instructor at a college for humanities 22

- Маргарян В. Г.** — Методологические аспекты моделирования боевых ситуаций в реальных условиях
Margaryan V. — The methodological aspects of simulating combat situations in real conditions 26

- Назаревич О. С., Тутюева И. А.** — Деятельность психолога по развитию сенсомоторики детей раннего возраста с ограниченными возможностями здоровья
Nazarewicz O., Tutueva I. — The activity of a psychologist on the development of sensorimotorics in young children with disabilities 29

- Непомнящий А. В., Домбрин И. М.** — Определить бытие или уйти в небытие: перспективы технокультуры
Nepomnyashchiy A., Dombrin I. — To define life or to fall into oblivion: tekhnocultura's prospects 34

- Чех Ю. Ю., Филиппченкова С. И.** — Исследование когнитивного ресурса и доминирующего стиля управления современных женщин-руководителей
Chekh Ju., Filippchenkova S. — Research of the cognitive resource and the dominating management style of the modern female heads 41

- Яковлева С. Л.** — Влияние формирующего эксперимента на развитие нравственных качеств курсантов образовательных организаций ФСИН России
Yakovleva S. — Influence of the forming experiment on the development of the moral qualities of cadets of educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia 46

ФИЛОСОФИЯ

- Бушкова А. Ю.** — Религиозные факторы разрушения российской государственности: пути противодействия
Bushkova A. — Religious factors of the destruction of the Russian state: the ways of co-operation. 49

- Журавлева М. А.** — Философский анализ полемики А. А. Богданова с В. И. Лениным по теории эмпириомонизма
Zhuravleva M. — Philosophical analysis of A. Bogdanov's polemics with V. I. Lenin on the theory of empiriomonism 54

- Кравченко В. И.** — Демократия в аспектах политической философии
Kravchenko V. — Democracy in the aspects of political philosophy 58

- Мезенцев Е. А., Владимирова Н. В.** — Глобализация и механизмы культурной экспансии
Mezentsev E., Vladimirova N. — Globalization and mechanisms of cultural expansion 64

- Пожарский С. Д.** — Становление ритмологии как науки в эпоху античности
Pozharsky S. — The formation of rhythmology as a science in the epoch of antiquity 68

- Светлов В. А., Сидоров Н. М.** — Модальный шестнадцатиугольник
Svetlov V., Sidorov N. — Modal shestnadcatiletim 75

ИНФОРМАЦИЯ

- Наши авторы. Our Authors. 79

- Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале 80

АНИМИЗМ, СООТНОШЕНИЕ ПРИРОДНОГО И КУЛЬТУРНОГО В МИРОВОЗЗРЕНИИ ТУВИНЦЕВ

ANIMISM, THE RATIO OF NATURAL AND CULTURAL IN THE WORLDVIEW OF THE TUVANS

A. Zykin

Summary. The presented work is devoted to the study of culture and people's self-awareness of the indigenous South-Siberian ethnos and is a continuation of a series of previous works devoted to other peoples of this region, the specificity of their language, cultural identity and the distinctive features of the processes they undergo.

The work focuses on the issue of animism, the ratio of natural and cultural in the worldview of the Tuvans.

Keywords: culture, national identity, ethnicity, spirits, animism, environmental consciousness, metareligion consciousness.

Зыкин Алексей Владимирович

К.филол.н., доцент, Санкт-Петербургский государственный аграрный университет
zykinalex@mail.ru

Аннотация. Представленная работа посвящена исследованию культуры и народного самосознания коренного южно-сибирского этноса и является продолжением серии предшествующих работ, посвященных другим народам этого региона, специфике их языка, культурному своеобразие и отличительным чертам процессов, которым они подвергаются.

В работе основное внимание уделено вопросу анимизма, соотношения природного и культурного в мировоззрении тувинцев.

Ключевые слова: культура, народное самосознание, этнос, духи, анимизм, природоохранное сознание, мифорелигиозное сознание.

Представленная работа посвящена исследованию анимизма, соотношению культурного и природного в культуре и народном самосознании коренного южно-сибирского этноса и является продолжением серии предшествующих работ, посвященных другим народам этого региона, специфике их языка, культурному своеобразие и отличительным чертам процессов, которым они подвергаются [2, с. 118–124; 3, с. 7–10; 4, с. 114–119, 5, с. 7–12; 6, с. 187–190; 7, с. 387–399; 8, с. 17–20; 9, с. 15–20].

Традиционная тувинская духовная культура, равно как и культуры иных южно-сибирских коренных народностей, неотрывно связана с материальной. Она простирается из нее и является ее логическим продолжением. В начале XX столетия в Туве уже существовало 3 хозяйственно-культурных типа. Большинство тувинцев тогда жили как кочевники-скотоводы, занимались разведением мелкого и крупного рогатого скота, держали коней, в некоторых областях также разводили яков и даже верблюдов. Главным жильем у них являлась юрта из войлока. Похожим образом жили и некоторые монголы, алтайцы, киргизы, буряты и иные этносы кочевников-скотоводов. Другая разновидность хозяйственно-культурных отношений свойственна представителям восточной части тувинского этноса. Их относят к категории таежных охотников-оленьеводов. В основе их хозяйственной жизни лежит охота и разведение оленей, а также собирательство и в последнюю очередь — ловля рыбы. Главным жильем служит чум. Последняя

разновидность хозяйственно-культурных отношений характерна для немногочисленного сообщества тувинцев, являющихся охотниками-скотоводами. Часть из них промышляла в основном охотой, а остальные выращивали скот на пастбищах (разводили коней и выращивали крупный рогатый скот). Проживали также в чумах [1, с. 8–9].

Стоит заметить, что преобладающим свойством тувинцев как народности является кочевой образ жизни в сочетании со скотоводством, а основным типом жилья — юрта с классическим расположением входа на востоке, который считается сакральной стороной для всех тюркских народностей. Юрта изображалась в тувинской культуре как мини-копия вселенной, обладавшая священным верхом и низом, зоной для знатных гостей и для обычных посетителей, мужской и женской зоной, а также входом, за пределами которого начинались владения злых духов.

Учитывая местоположение людей в мире, их близкими соседями всегда являлись духи, разделявшие на добрых и злых. Такое деление сопряжено со старинным верованием — анимизмом. Анимизм был детально исследован Э. Тайлором в его труде «Первобытная культура» [14]. В группу добрых духов входили истинные хозяева окружающей территории: таежной и горной местности, водоемов, лесов, огненной стихии и всего, что попадалось людям на глаза. Самыми всесильными духами в тувинской культуре, как и в иных древнейших

тюркских культурах, являются духи огня и воды. Огонь представляет собой 2-ую по значимости природную стихию, пользующуюся почтением тувинского этноса. Поэтому от любой еды и питья перед тем, как употребить их, нужно было сначала взять лучшую часть и кинуть её в пламя.

Хозяина земли причисляли к добрым духам, тем не менее, если прекратить проведение обрядов — тагылга (ритуал освящения территории) и перестать приносить жертвы, этот дух мог начать вредить людям. Существовало 2 альтернативных образа данного духа: старик с белоснежной бородой либо привлекательная юная девушка в белоснежном платье, едущая верхом на белом жеребце. Например, хозяйка высочайшей тувинской горы Монгун-Тайга изображалась народом в виде девушки, едущей верхом на белоснежном жеребце и проводящей свободное время за игрой в белые камни с хозяином соседней возвышенности — Кызыл-баштыг [12]. Стоит подчеркнуть и особенное отношение этого этноса к медведю, которого считают предком человечества, хозяином земель и водоемов, заступником слабых. Тут можно заметить очевидное влияние тотемистических взглядов. У Н.Ф. Катанова написано, что медведь первоначально был человеком, однако чрезмерно пристрастился к алкоголю и в наказание за собственную леность был превращен в животное. В еще одной легенде рассказывается, что в древности существовали двое супругов, одевших шубы наизнанку и начавших вылизывать друг друга с намерением превратиться в эрликов (бесов), и за такое деяние Эрлик-хан (дьявол) сделал их медведями и изгнал на землю [10, с. 3].

Тематика злых духов фактически не изучена в современном тувиноведении, единственным источником остаются труды, написанные российскими путешественниками XIX столетия и данные, накопленные А.К. Кужугетом в ходе экспедиций в этот регион. Неведомы пределы их влияния, как они выглядят, в каких отношениях находятся с людьми, почему появились, какое положение и значимость имеют в тувинском мировоззрении — практически идеальной системе, лишенной всего ненужного и малозначимого.

Приведем краткую характеристику главных духов.

1. Аза, в соответствии с заметками Н.Ф. Катанова, может показываться людям в виде человека, лисы либо смерча [11].

Это злой дух, чьими отличительными чертами является голова козы и копыта вместо кистей и ступней. Его можно было заметить исключительно у лучших шаманов в процессе камлания — подмышками или со спины, прикрыв один глаз. Аза мог атаковать людей, разрывая

на них одежду. В заметках Ф. Кона написано, что заболевания насылаются бесами «аза», но помимо них существует и иная нечистая сила, к примеру, «кайбын-ку», заставляющие заболевших страдать и агонизировать [15, с. 31].

2. О возникновении духа албыс Н.Ф. Катанов написал, что в былые времена это была девушка, не хотевшая идти замуж. Проживает албыс там, где много песка и камней, имеет супруга и дочку, ее крик похож на бляение козы, она пакостит странствующим мужчинам, показываясь им в виде красивой женщины, а путникам — в виде привлекательного мужчины. Спереди албыс выглядит вполне по-человечески, но сзади у нее нет кожи, и ее внушительности оголены [15, с. 127].

3. Шулбус является одноглазым и обладает внушительным носом, расположенным на лбу. Проживает он в глубочайших пещерах либо под горой, имеющей вход с обратной стороны. Он может принимать облик как мужчины, так и женщины, и вредит людям противоположного пола либо живности. Как правило, он умерщвляет их. Также он может склонять людей к душегубству и всегда управляет действиями убийц. Чаще всего, шулбус выглядит как безобразная женщина, нередко только с одним глазом, однако порой она превращается в красавицу и привлекает путников, одурачивая их и насылая на них беду. Шулбус поддерживает связь с иными злыми духами, для общения с которыми он превращается в серо-синего волка; для этого он, как правило, обваливается в золе, а бояться ему нужно (священного) огня [13, с. 31].

4. Бук — это бес, вселяющийся в людей и не способный жить самостоятельно. Можно даже столкнуться с семьей «пуктэр», все члены которой одержимы этой нечистой силой. Одержимость можно опознать по разнообразным внешним признакам: отек нижних конечностей без причины говорит о том, что в человеке поселился пук; если кто-то болеет водянкой, и лекарственные средства лам бессильны, это свидетельствует об одержимости; смерть нескольких членов семьи кряду — тоже вина пука [15, с. 126]. Этот дух считается в некотором роде «оборотнем» [15, с. 75–76].

В преданиях, мифах и сказаниях попадаются и иные герои демонологии тувинцев: чылбыга и мангыс. Чылбыга — основная ее черта состоит в способности высосать всю кровь из жертвы и проглотить человека целиком. Как правило, она нападает на детей и юных девушек. Жизнь ее мало отличается от человеческой, у нее нередко есть семья, собственное потомство, а обитает она в юрте либо выкопанной землянке. Снаружи чылбыга всегда уродлива: длина ушей такова, что позволяет использовать их как настил и покрывало; груди тоже крайне длинные, так

что чылбыга может забрасывать их за спину. Для обмана намеченных жертв она использует стереотипную формулировку: «Если лежу, никак не могу подняться, а если стою, не могу прилечь» [13, с. 31]. Мангыс — это гигант, который, исходя из собственных габаритов, необыкновенно силен и способен проглатывать табуны животных и множество людей. Он тоже, по сути, ведет вполне человеческий образ жизни, берет в супруги обычных женщин и способен делать всё, что полагается силачу: охотиться, сражаться, стрелять. Порой он многоголовый, а взамен ногтей у него лезвия либо напильники, из-за чего над ним сложно одержать победу в поединке, и получается это только в случае, если соперник разрушит его жизненный дух (то есть одну из душ), находящийся вне тела великана [13, с. 32].

Защитить от злых духов, обезоружив их, может только шаман с помощью особого камлания. В прежние времена тувинцы, равно как и их тюркские прародители, считали природные объекты одушевленными, обожествляли окружающий мир и сформировали собственную систему отношений с ним. С малых лет дети принимали участие в совершаемых ритуалах и со временем, без поучений самостоятельно разбирались в назначении выполняемых обрядов — коммуникация с природой. В результате, посредством родного языка, фольклорных традиций и ритуалов у детей со временем возвращалось мифологическое сознание, являющееся неотъемлемой частью религиозных верований и народной экологии. Год от года оно лишь усиливалось, но не посредством усиления запретов, а через любовь к природе — определенной территории, находящимся вокруг горам, речкам, ручьям и озерам.

Также необходимо уделить внимание вопросу соотношения природного и культурного в мировоззрении тувинцев, в частности, культуре природопользования. У тувинского народа существует определенный свод правил, предусматривающих природоохранное сознание и особое поведение. К примеру, раньше каждый год часть повзрослевших оленей освобождали, давая им присоединиться к диким сородичам; в период осенних перекочевок забирали не всех оленей в низину, а лишь столько голов, сколько требовалось для нормальной жизнедеятельности, бросив оставшихся без надзора в горах на самостоятельный выпас [12]. Благодаря этому происходило непрерывное обновление стада. Также были предусмотрены неприкосновенные зоны (заповедники, рассадники) для зверей, чье мясо употреблялось в пищу, а шкуры использовались для оплаты податей. В результате по прошествии 10–20 лет появляется огромный участок нетронутой территории, являющийся рассадником для зверей и защищающий местную природу от варварского уничтожения [12].

В разное время года было принято охотиться на разных животных, при этом использовались различные способы. Для удовлетворения собственных потребностей охотники в основном предпочитали парнокопытных, существенно реже — медведя, поскольку он был тотемным животным. На рубеже XIX и XX вв. местные жители были неотрывно связаны с окружающей природой и полагали себя ее неотъемлемой частью, не старались подчинить ее. Обычаи предписывали относиться к природе бережливо и трепетно. Неспроста тувинские старожилы, хорошо знающие фольклор, нередко повторяют фразу: «Так было всегда и так должно быть вечно». Также обычаи требовали забирать у природы ровно сколько, сколько нужно для жизнедеятельности, и не больше. В тувинском народе никогда не была в ходу привычка делать серьезные заготовки про запас. Охотники непременно разделяли добычу с прочими обитателями *аала*, не принимавшими участие в охоте. Тувинцы не практиковали охоту во время расплода зверей и всегда во всем соблюдали меру, бережно относясь к дарам природы.

В традиционном обществе придумывались сказания, мифы и легенды, и передавались из уст в уста. Люди, которые это делали, сами жили в мифологизированном мире, вбирая в себя опыт предшествующих поколений. Через мифологию разъяснялись разные явления окружающей природы. Например, гром и молнии вырабатывал большой дракон Улу, проживающий на небосводе. Звезды тоже очеловечивались: наиболее знаменитой является Большая Медведица, называемая тувинцами «Чеди-хаан», что переводится как «7 ханов». Это семейство братьев, не сумевших разделить наследство, ввязавшихся из-за него в войну и перенесшихся на небеса в качестве звезд. Мифы являются не только культурным достоянием народа, но и способом познания мира, инструментом запоминания полученного жизненного опыта, его сохранения и передачи между поколениями.

Общепринятым считается факт, что традиционное мифологизированное миропонимание и мироощущение отличается цельностью, а также синкретизмом эмоций и разума, образности и логики, нравственности и прагматизма. Весьма тяжело, практически невозможно разграничить мифологию и религиозные верования. Множество специалистов полагают, что легенды древности первоначально являлись формой религии. К примеру, Л.Я. Штернберг различал 3 этапа формирования древней религии:

- ◆ вера в одушевленный характер окружающей природы (аниматизм);
- ◆ вера в существование духов и божества;
- ◆ вера в наличие у каждого человека души как особенной бестелесной сущности, способной отсоединяться от тела и жить после его кончины (анимизм) [16].

Мы согласны с данным мнением, тем не менее, относительно мифорелигиозного сознания тувинцев необходимо заметить, что все 3 этапа формирования религии, описанные Л.Я. Штернбергом, у тувинского народа оставались взаимосвязанными и неизменными вплоть до XX столетия. Отталкиваясь от общепризнанного утверждения, что истоки религии находятся в мифологии, а сама она сберегла множество признаков последней, стоит подчеркнуть, что ритуалы различных вероисповеданий в Туве, выполнявшиеся не только лидерами религиозных общин, но и шаманами, а существенно позже и ламами, не вступали в конфликт и гармонично сочетались.

Отсюда следует, что мифологическое сознание представляет собой единую концепцию жизнеустройства. Все традиционные культуры, включая тувинскую, не были нацелены на переустройство мира, подчинение природы человеку, что является и основной чертой общества тувинцев. Мифология формировала необычную реальность, в которой индивид всегда неразрывно связан с миром. Люди, жившие в условиях традиционного общества, имели дело лишь с миром, являвшимся плодом их фантазии, а система знаний о нем передавалась между поколениями. Для объяснения разных природных процессов тувинская культура придумывала либо заимствовала у иных этносов божества и духов. Максимальным могуществом отличались два божества: Курбусту (происходит от иранского Ахурамазде) — повелитель небесного мира и светлых сил; Эрлик-хан — властитель подземного мира. Оба они и по сей день

являются предметом поклонения со стороны шаманов. Также в тувинской культуре существует множество добрых и злых духов. Тувинцы всегда существовали в гармонии с окружающим миром, однако не в общепринятом смысле, особенно они старались не портить отношения с духами — истинными повелителями земель, для чего им делали жертвоприношения, а в обмен просили удачи.

Мифология создавала пространство «личного мира» тувинского народа, устанавливая его пределы. В мифах за каждым из духов закреплялись особые функции, также они регулировали групповое мировосприятие, а в определенных ситуациях и поведение членов сообщества. Мифы содействовали развитию системы ценностей и правил поведения тувинского этноса.

В завершение подчеркнем, что устойчивость культуры обуславливается, в основном, спецификой функционирования свойственной ей иерархии ценностей. Такое положение свойственно как культурам наций, так и культурам этносов. Перемены в иерархии ценностей ведут к глубокому преобразованию культуры, однако полная смена системы ценностей чревата смертью культуры либо возникновением на ее месте совершенно новой и чужеродной культуры. Для нынешнего этапа человеческого развития характерна необыкновенная динамичность. Несмотря на культурное многообразие, смена системы ценностей всегда имеет определенные особенности, для обнаружения которых необходимо изучать структуру культуры и ее код.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вайнштейн С. И. Мир кочевников Центра Азии. — М., 1991. — С. 8–9.
2. Зыкин А. В. К вопросу о выравнивании парадигмы в модус-диктумных полипредикативных конструкциях с коннектором-аккузативом в шорском языке // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. — 2013. Т. 1. — С. 118–124.
3. Зыкин А. В. Социально-философский анализ традиционной культуры малых народов Сибири в сопоставлении с русской // Известия Санкт-Петербургского государственного аграрного университета. — 2015. — № 40. — С. 7–10.
4. Зыкин А. В. Анализ этнокультурной идентичности и этноидентификации коренных народов Южной Сибири // Международный научно-исследовательский журнал. — 2016. № 7 (49) — С. 114–119.
5. Зыкин А. В. О некоторых особенностях в понимании мироустройства шорцев: социально-философский анализ // Успехи современной науки. — 2017. № 1. Т. 2. — С. 7–12.
6. Зыкин А. В. К вопросу о национальной идее шорского этноса // Успехи современной науки и образования. — 2017. № 4 Т. 6 — С. 187–190.
7. Зыкин А. В. Влияние билингвизма на состояние языковых систем русского и тюркских языков Южной Сибири // Общественные науки. — 2016. № 2. — С. 387–399.
8. Зыкин А. В. Культура и этническое самосознание шорцев в конце XX — начале XXI веков // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: познание. 2018. № 3 (78). С. 17–20.
9. Зыкин А. В. Культурное своеобразие и этническое самосознание хакасов // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: познание. 2018. № 4. С. 15–20.
10. Катанов Н. Ф. Среди тюркских племен // Изв. Импер. рус. геогр. Общества. — СПб., 1893. Т. 29. — С. 3.
11. Катанов Н. Ф. Очерки Урянхайской земли. — Рукопись хранится в архиве Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). — К-У. Оп. 1. Д. 526. — Запись от 2 мая.
12. Рукописный фонд Тувинского института гуманитарных исследований. РФТИГИ.-Д. 1116. Л.3.

13. Сказки и предания алтайских тувинцев / Собр., Э. Таубе. — М.: Изд. фирма «Вост. лит.», 1994. — 380 с.
14. Тайлор Э. Б. Первобытная культура. — М.: Политиздат, 1989. — 527 с.
15. Традиционная культура тувинцев глазами иностранцев (конец XIX-начало XX века). — Кызыл: Тувин. кн. изд-во, 2003. — 223 с.
16. Штернберг Л. Я. Первобытная религия в свете этнографии. Исследования, статьи, лекции. — Л.: Изд-во Института народов Севера — М., 1936. — 573 с.

© Зыкин Алексей Владимирович (zykinalex@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Санкт-Петербургский государственный аграрный университет

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ СОТРУДНИКАМИ ОВД МЕХАНИЗМОВ ЗАЩИТНО-СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ В СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

FEATURES OF APPLICATION BY POLICE OFFICERS OF MECHANISMS OF PROTECTIVE AND COPING BEHAVIOR IN ACTIVITY

**Ye. Yevtushenko
V. Karnaukhov**

Summary. The article is devoted to the use of strategies of protective and coping behavior of police officers in everyday situations arising in the course of work. Special attention is paid to the degree of their adaptability and intensity in the context of the rationality of their application in the context of work. The results clarify the overall view of protective and coping behavior of employees and find practical application in the provision of psychological support.

Keywords: psychology of law enforcement service, coping with stress, police officers, mechanisms of psychological protection, coping strategies.

Евтушенко Евгений Анатольевич

Преподаватель-исследователь, Белгородский государственный национальный исследовательский университет; психолог, Управление по работе с личным составом Управления Министерства Внутренних Дел России по Белгородской области
erg3337731@mail.ru

Карнаухов Владимир Александрович

К.псх.н., доцент, Белгородский государственный национальный исследовательский университет
karnauhov_va@rbcmail.ru

Аннотация. В представленной статье рассматриваются вопросы использования сотрудниками полиции стратегий защитного и совладающего поведения в повседневных ситуациях, возникающих в процессе несения службы. При этом особое внимание уделяется рассмотрению степени их адаптивности и напряжённости в контексте целесообразности применения в условиях служебной деятельности. Полученные результаты проясняют общую картину защитно-совладающего поведения сотрудников и находят практическое применение при оказании психологической помощи личному составу.

Ключевые слова: психология служебной деятельности, совладание со стрессом, сотрудники ОВД, механизмы психологической защиты, стратегии совладающего поведения.

Согласно имеющимся в рамках психологии служебной деятельности исследованиям [6; 7; 8], психологами было установлено, что служба сотрудников ОВД представляет собой непрерывную череду стрессовых событий и напряжённых ситуаций, которыми целиком наполнена их деятельность. То, что в других видах профессиональной деятельности свойственно лишь «аварийным ситуациям», в работе сотрудников ОВД является повседневным и обыденным.

Успешно преодолевать неблагоприятные средовые воздействия, длительное время поддерживать высокую работоспособность и при этом качественно исполнять служебные обязанности сотрудникам полиции помогает умение грамотно нейтрализовывать поступающие стрессоры путём адекватного применения механизмов защитно-совладающего поведения [1; 3]. Однако, как показывает практика, далеко не всегда выбор стратегий защитно-совладающего поведения сделанный сотрудником, оказывается до конца адекватным сложившимся обстоятельствам и подходящим его индивидуально-психологическим особенностям. Поэтому, изучив имеющиеся исследования [2; 5; 7], и установив степень

разработанности указанной проблемы, констатируем необходимость более детального рассмотрения данного вопроса. В связи с чем, в рамках заявленной статьи, постараемся восполнить данный пробел и изучить особенности механизмов защитно-совладающего поведения, используемых сотрудниками в процессе служебной деятельности.

Проанализировав литературу по рассматриваемой проблеме, было сделано предположение о частоте применения и степени напряжённости механизмов защитно-совладающего поведения в процессе служебной деятельности. Согласно предположению, сотрудники полиции наиболее часто прибегают к использованию стратегий совладающего поведения ориентированных на активное совладание с проблемой, а так же получение инструментальной поддержки со стороны сослуживцев. Наименее популярными стратегиями совладания в их среде могут быть стратегии, связанные с уходом от проблемы, планированием деятельности, поиском эмоциональной поддержки, а также использованием различного рода «успокоительных». Говоря о степени напряжённости

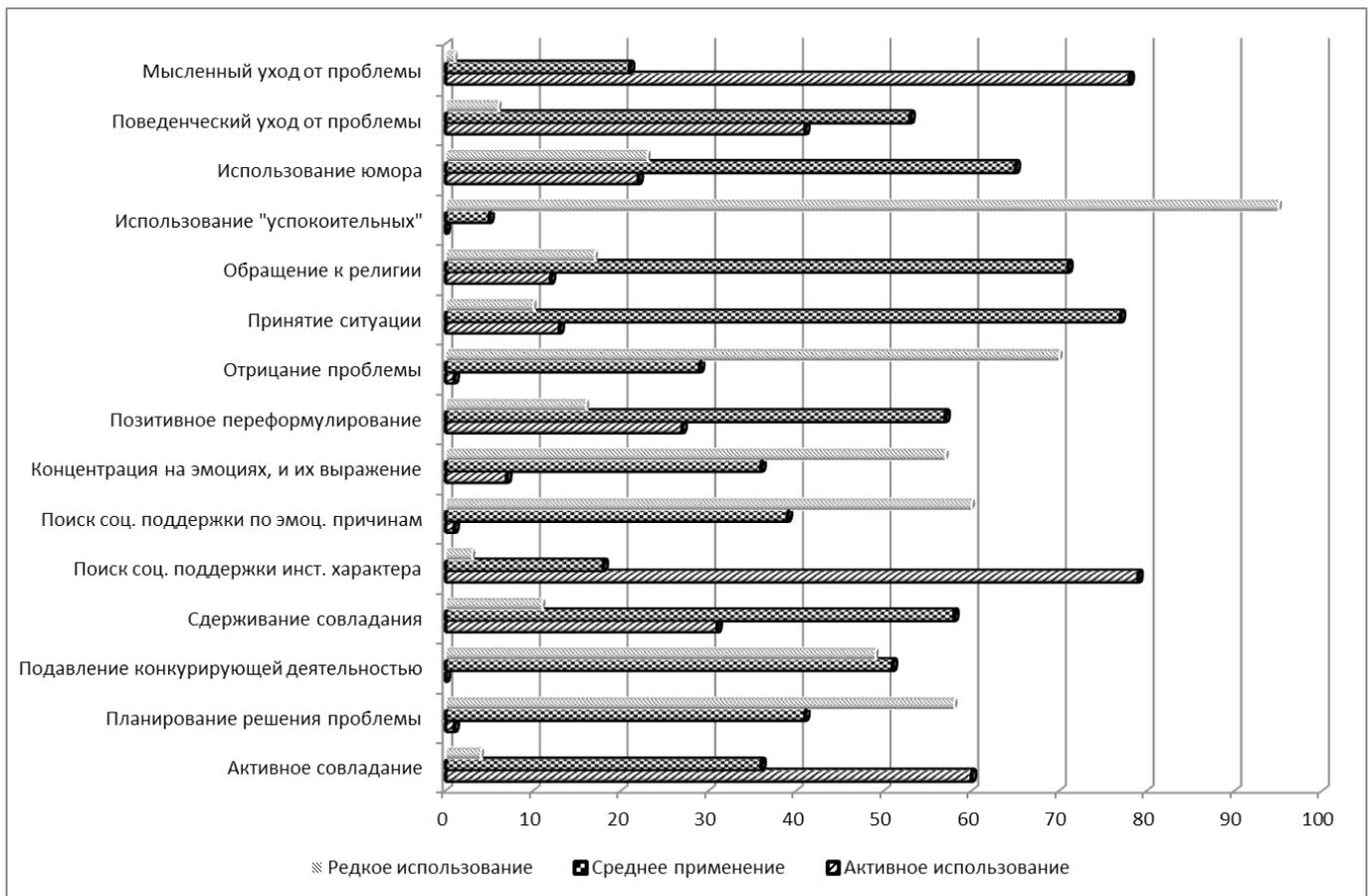

Рис. 1. Частота применения сотрудниками механизмов совладающего поведения (в %)

защитно-совладающего поведения можно предположить, что наиболее высокая степень напряжённости приходится на использование сотрудниками такого механизма совладания как «планирование решения проблемы». Низкая степень напряжённости защитного поведения возможна при применении таких механизмов психологической защиты как «регрессия» и «замещение», а также такой стратегии совладания как «принятие ответственности».

Для проверки выдвинутого предположения применялись следующие методики: опросник совладания со стрессом К. Карвера, М. Шейера и Д. Вейнтрауба (в адаптации Е. И. Рассказовой, Т. О. Гордеевой и Е. Н. Осина); методика изучения механизмов психологической защиты «индекс жизненного стиля» Р. Плутчика, Г. Киллермана, Х. Р. Конте (в адаптации Л. И. Вассермана, О. Ф. Ерышева, Е. Б. Клубовой); методика изучения способов совладающего поведения Р. Лазаруса и С. Фолкмана (в адаптации Л. И. Вассермана).

Целью проводимого исследования вступило изучение особенностей защитно-совладающего поведения

сотрудников ОВД. Реализуя данную цель, для начала, займёмся рассмотрением вопроса об определении наиболее популярных и интенсивно применяемых стратегий совладающего поведения. После чего проясним вопрос об уровне адаптивности применения отдельных стратегий совладающего поведения, а так же степени напряжённости используемых сотрудниками механизмов психологической защиты.

Результаты, представленные на рис. 1, позволяют говорить о предпочтениях сотрудников по применению ими разных видов совладающего поведения, частоте их использования. Так, в 20% случаев наблюдается высокая выраженность активного применения сотрудниками целого ряда механизмов совладания. В 47% случаев регистрируется тенденция по преобладанию умеренного обращения сотрудников к копинг стратегиям. Причём в 7% случаев из них отмечается практически равное значение выраженности как редкого, так и умеренного использования копинг механизмов. В оставшихся 33% случаев можно констатировать о доминировании среди сотрудников редкого применения тех или иных механизмов копинг поведения.

Итак, из представленного выше рисунка видно, что наиболее интенсивно сотрудники применяют стратегии поиска социальной поддержки инструментального характера (78%) и мысленного ухода от проблемы (78%). Из чего следует, что четверо из пяти сотрудников полиции в процессе совладания со стрессом для отвлечения от негативных мыслей, связанных с проблемой, могут использовать сон и фантазирование как возможные варианты ухода от проблемной ситуации. Кроме того, в качестве оптимизации ситуации сотрудники не прочь принять помощь от своих сослуживцев в виде полезной информации или дельного совета по спорным моментам. Помимо этого, трое из пяти сотрудников (60%) отдадут предпочтение использованию активного и целенаправленного совладания с проблемой, проявляющегося в динамичном и энергичном поведении по нахождению выхода из сложившейся ситуации.

Заметное превалирование среднего уровня выраженности таких механизмов совладания как: «обращение к религии», «позитивное переформулирование», «сдерживание совладания», «поведенческий уход от проблемы», «использование юмора» и «принятие ситуации» говорит нам о относительно не высокой успешности среди сотрудников ряда стратегий, находящихся в умеренном применении некоторых когнитивных, поведенческих и эмоциональных действий. Данные действия могут проявляться в попытках переосмыслить стрессовую ситуацию в позитивном ключе, принять реальность произошедшей ситуации, отказаться от достижения поставленной цели, смягчить ситуацию использованием юмора, прибегнуть к помощи всевышних сил, а также продолжить ожидать подходящего для действий момента, воздерживаясь от скоропостижных действий.

Почти равное значение умеренной степени выраженности (51%) и редкого использования (49%) стратегии подавления стрессовой ситуации конкурирующей деятельностью указывает на относительно низкую востребованность избегания стресса посредством перевода активности на иные виды деятельности в ущерб основной проблемной ситуации. Данное обстоятельство может быть связано с отсутствием желания расходовать лишнюю энергию там, где этого особо не требуется, и готовностью направлять её лишь в нужное русло.

Перейдя к копинг механизмам, наименее редко используемым сотрудниками в повседневной деятельности, сразу обратим внимание на абсолютного лидера в данной категории (95%) — стратегию, сводящуюся к применению сотрудниками разного рода «успокоительных», а именно лекарственных средств, либо алкоголя, как способ улучшения их самочувствия. Чрезмерно низкую популярность данной стратегии можно объяснить социальной неприемлемостью подобного пове-

дения, а так же спецификой деятельности сотрудников, требующей от них максимальной собранности и повышенной работоспособности. Помимо использования указанной выше стратегии также обозначим такой довольно редко применяемый механизм как «отрицание» (70%). На этот счёт предположим, что его низкая популярность связана с высокой изменчивостью деятельности сотрудников, что в совокупности пагубно сказывается на их общем психологическом настрое.

Помимо обозначенных выше стратегий относительно высокий процент редкого применения приходится на следующие механизмы: «концентрация на эмоциях и их активное выражение» (57%), «планирование» (58%), «поиск социальной поддержки по эмоциональным причинам» (60%). Получается, что трое из пяти сотрудников в стрессовой ситуации вряд ли надеются на возможность психологической и моральной поддержки со стороны сослуживцев. Это может быть связано с тем, что у каждого из сотрудников может присутствовать достаточное число собственных трудностей, а имеющая место ограниченность во времени просто не позволит ему параллельно разбору своих проблем оказывать содействие сослуживцам в решении их собственных затруднений. В связи с банальной нехваткой времени так же маловероятно, что сотрудники будут оттачивать конкретные стратегии поведения для каждой проблемной ситуации, а так же прикладывать чрезмерные усилия на обдумывание правильности применяемых ими действий в отношении определённой ситуации. Кроме того, как показывают полученные результаты, акцентирование внимания на неприятных эмоциях и излишнее выражение чувств так же не является востребованным способом борьбы со стрессом, что закономерно объясняется спецификой службы и личностными качествами сотрудников, сознательно подавляющих у себя проявление излишней эмоциональности.

После того как были разобраны наиболее крайние значения показателей копинг поведения сотрудников, перейдём к проведению анализа степени их адекватности в контексте применения в служебной деятельности. Результаты, приведённые на рис. 2, позволяют говорить о степени адаптивности применяемых сотрудниками механизмов совладающего поведения.

Проанализировав полученные данные, можно утверждать, что наиболее адаптивный вариант копинг поведения приходится на применение сотрудниками стратегии «принятия ответственности» (61%). Так, у троих из пяти сотрудников можно отметить низкий уровень напряжённости данного копинга, что указывает на то, что они с успехом признают свою роль в формировании проблем и несут ответственность за её разрешение. Они стремятся к пониманию собственной роли в возникно-

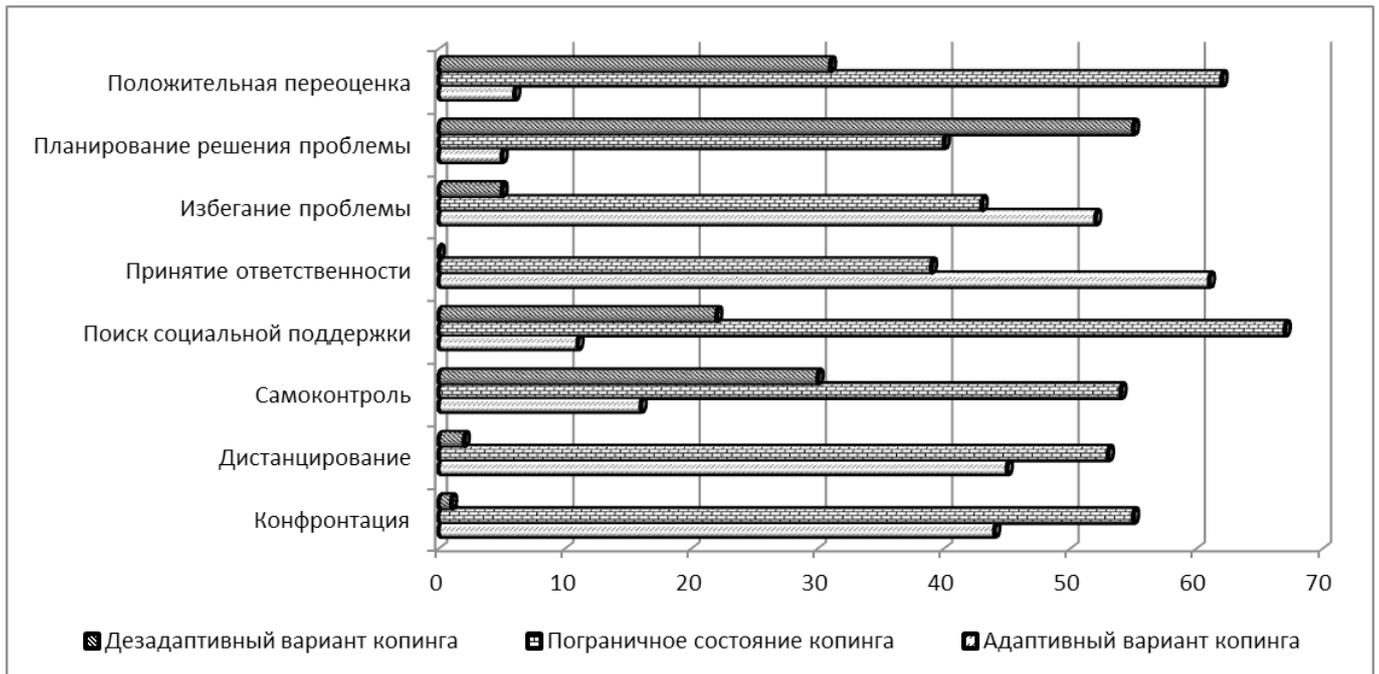

Рис. 2. Степень адаптивности применяемых сотрудниками стратегий совладающего поведения (в %)

вении трудностей, а также проявляют готовность анализировать своё поведение и искать их причины в личных недостатках и ошибках.

Относительно высокий процент адаптивности (52%) наблюдается при использовании сотрудниками стратегии «избегания проблемы». Данное обстоятельство указывает на применение ими положительной стороны указанного механизма в части возможности быстрого снижения эмоционального напряжения в острых стрессовых ситуациях, в особенности в краткосрочной перспективе. Это стало возможным вследствие специфичности особенностей служебной деятельности, так как встречаемость стрессовых событий довольно велика, сотрудники приспособились ориентироваться в них, и находить оптимальный выход с минимальным для себя ущербом.

Примерно равные значения среднего и высокого адаптационного потенциала в использовании стратегий «дистанцирования» (53% и 45%) и «конфронтации» (55% и 44%) говорят нам об относительно адаптивном варианте употребления данных копинг стратегий. Использование дистанцирования служит сотрудникам подспорьем в преодолении отрицательных переживаний, возникающих вследствие переживаемого ими стресса. Это происходит за счёт сокращения степени её значимости, а также эмоциональной вовлечённости сотрудников в проблему. Вместе с тем возрастает возможность износа собственных переживаний, что делает сотрудников

эмоционально более холодными и чёткими. Применение механизма конфронтации помогает сотрудникам справиться с тревогой в стрессогенных условиях, а также способствует активному противодействию возникающим трудностям. Вместе с тем возникает вероятность недостаточной целенаправленности и рациональной обоснованности поведения, неоправданного упорства, а так же некоторые сложности в коррекции стратегий поведения и прогнозирования их конечного результата.

Заметная выраженность пограничного состояния таких копинг механизмов как: «самоконтроль» (54%), «положительная переоценка» (62%) и «поиск социальной поддержки» (67%) указывает на превалирование среднего адаптационного потенциала у большинства сотрудников применяющих указанные стратегии. Данное обстоятельство проявляется в том, что сотрудники не так часто используют социальные ресурсы для разрешения стрессовой ситуации, не отличаются готовностью к её положительному переосмыслению и довольно часто испытывают затруднения в выражении собственных переживаний в связи со стрессовой ситуацией.

Относительно неадаптивный характер применения носит использование сотрудниками такой стратегии совладания как «планирование решения проблемы» (55%), что в свою очередь находит выход в чрезмерно рациональном и недостаточно интуитивном поведении. Данное обстоятельство мешает целенаправленному анализу проблемной ситуации, что в свою очередь снижает

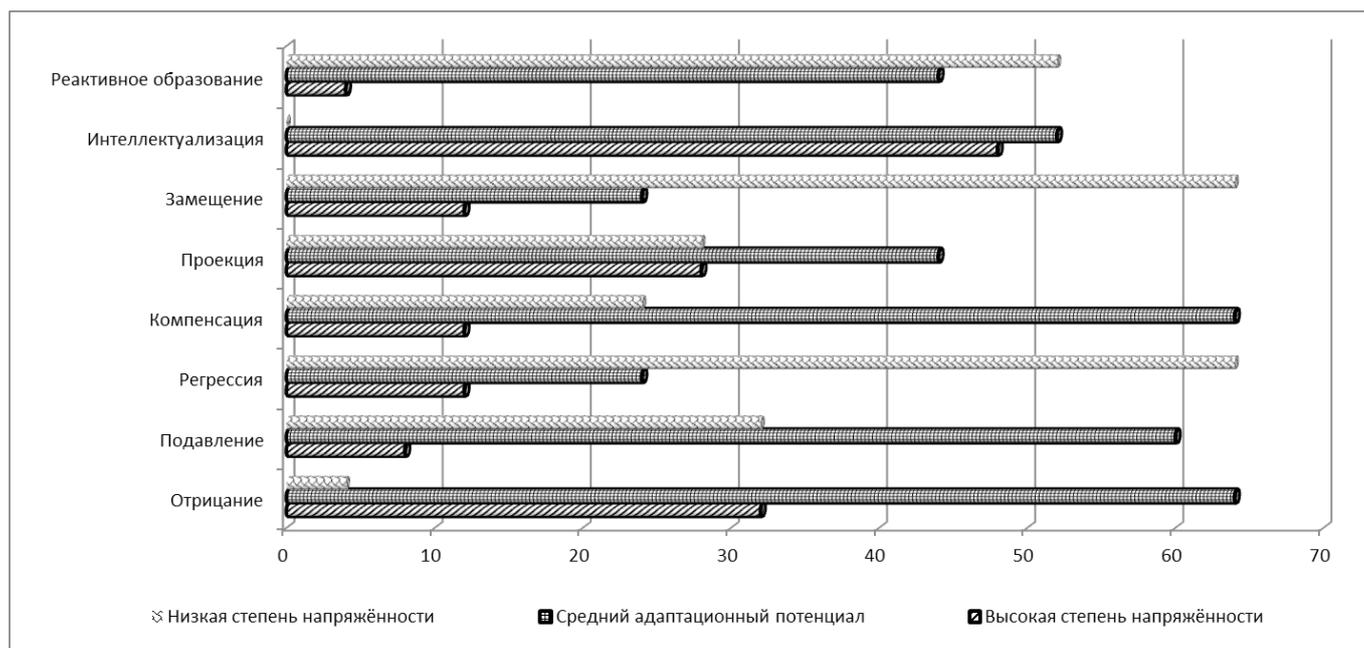

Рис. 3. Степень напряженности механизмов защитного поведения у сотрудников ОВД (в %)

возможность конструктивного разрешения трудностей. Таким образом, выходит, что для увеличения эффективности применяемых действий сотрудникам необходим всесторонний учёт объективных условий и имеющихся в их распоряжении ресурсов, а так же усиление доли инициативности в предпринимаемых действиях.

После рассмотрения степени адаптивности механизмов совладающего поведения перейдём к установлению выраженности адаптационного потенциала стратегий защитного поведения используемых сотрудниками в служебной деятельности. Данные, приведённые на рис. 3, позволяют говорить о степени напряженности адаптационного потенциала. Проанализировав полученные результаты, можно утверждать, что в целом регистрируется низкая (в 38% случаев), либо умеренная (в 62% случаев) степень напряженности механизмов защитного поведения. Конечно, защитные механизмы в большинстве случаев выражаются в менее конструктивных по сравнению со стратегиями совладания формах, однако при относительно низком уровне напряженности и умеренном применении они могут способствовать некоторому смягчению сложившейся ситуации.

При более подробном исследовании применяемых сотрудниками защитных механизмов, можно отметить, что наиболее высокий адаптационный потенциал приходится на такие стратегии психологической защиты как «замещение» (64%) и «регрессия» (64%). Также сравни-

тельно низкая степень напряженности регистрируется при применении сотрудниками механизма «реактивное образование» (52%).

Используя стратегию «реактивное образование», сотрудники неосознанно преобразуют свои внутренние побуждения в их субъективную противоположность, проявляющуюся в чём-то социально одобряемом, что блокирует выражение недопустимых чувств, мыслей и поступков. Руководствуясь стратегией «замещение» сотрудники содействуют осуществлению разрядки подавленных эмоций, обычно направляемых либо на более доступные объекты, либо на объекты, представляющие минимальную опасность. Прибегая к использованию механизма «регрессия», сотрудники, испытавшие на себе действие фрустрации, смягчают сложившуюся ситуацию путём замены решения субъективно сложных задач на относительно простые.

Значительное превалирование среднего адаптационного потенциала таких стратегий психологической защиты как: «вытеснение» (60%), «отрицание» (64%) и «компенсация» (64%), указывает на пограничный уровень применения данных защитных механизмов. Руководствуясь стратегией «вытеснение» сотрудники избавляются от неприемлемых побуждений, приводящих к внутренней тревоге и снижающих привлекательность личности, как в собственных глазах, так и в глазах окружающих. Обращение сотрудников к механизму «компенсация» находит выход в замене какого-либо явного,

либо вымышленного недостатка определённым достоинством, чаще всего срисованным с более успешных сослуживцев. Механизм «отрицание» отчасти схож с механизмом «вытеснение», и проявляется в отказе от восприятия тревожных и расходящихся с собственными установками обстоятельств, угрожающих социальному престижу и самоуважению сотрудника.

Относительно равное значение средней (52%) и высокой (48%) степени напряжённости механизма «рационализация» указывает на сравнительно не высокий уровень адаптивности данного защитного механизма в среде сотрудников. Используя механизм «рационализация» сотрудники выборочно удаляют из сознания определённую часть информации, оставшуюся впоследствии информацию, они несколько перестраивают, после чего предъявляют её в выгодном для себя свете. При частом применении данного механизма, сотруднику следует помнить об основном недостатке, проявляющимся в снижении значимости утраченного для себя опыта, взамен его вероятного осмысления и принятия к сведению.

Таким образом, проведя анализ особенностей защитно-совладающего поведения сотрудников полиции можно сказать, что сотрудники с успехом признают свою роль в возникновении проблем и несут ответственность за её разрешение. При возникновении стрессовых ситуаций они энергично и целенаправленно ищут выход из сложившихся обстоятельств. Вместе с тем они не прочь получить помощь, совет или полезную информацию от своего близлежащего социального окружения. В тоже время им не чуждо и мысленное отвлечение от неприятных мыслей и чувств, связанных с проблемой. Не всегда полезную службу им может сыграть их чрезмерно рациональное и недостаточно интуитивное поведение, довольно часто имеющее место в их деятельности. В ситуациях особо сложных, когда способы совладающего поведения исчерпывают себя они в адекватной мере прибегают к психологической защите. Она может выражаться в целенаправленной подмене поведения и чувств диаметрально противоположными, но социально одобряемыми формами, временному переносу реакции с недоступного объекта на доступ-

ный, замене неприемлемого действия на приемлемое, а так же замещению решения субъективно более сложных задач на относительно простые.

Подведя итог проведённого исследования можно сказать, что наиболее часто применяемыми стратегиями совладания в среде сотрудников ОВД являются стратегии: «мысленный уход от проблемы», «поиск социальной поддержки инструментального характера», а также «активное совладание». Наименее редко используемыми стратегиями являются стратегии: «отрицание проблемы», «использование «успокоительных», «планирование», «концентрация на эмоциях, и их активное выражение», а так же «поиск социальной поддержки по эмоциональным причинам». Стратегиями с наименьшей степенью напряжённости выступают стратегии «замещение», «регрессия» и «принятие ответственности». Стратегией с наибольшей степенью напряжённости является стратегия «планирование решения проблемы». Таким образом, можно утверждать, что изначально заявленное предположение о степени напряжённости механизмов защитно-совладающего поведения и частоте их применения в процессе служебной деятельности находит своё подтверждение в процессе проведения исследования.

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения психологом ОВД полученных результатов в служебной деятельности. Прояснив общую картину использования сотрудниками полиции механизмов защитно-совладающего поведения, и обратив при этом особое внимание на степень их напряжённости и адаптивности, становится возможным проведение работы по психологическому просвещению сотрудников. Расширение их знаний о защитно-совладающем поведении, признаках его эффективности, и барьерах в его конструктивном использовании способствует конструктивному применению механизмов защитно-совладающего поведения. Зная полученные закономерности и применяя данные знания в служебной деятельности, сотрудники, смогут грамотно преодолевать неблагоприятные средовые воздействия и эффективно осуществлять профессиональную деятельность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Евтушенко Е. А., Карнаухов В. А. Специфика защитно-совладающего поведения личности, и его взаимосвязь с психологическим здоровьем человека // Психология и педагогика XXI века: теория, практика и перспективы: материалы V междунар. научн.-практ. конф. / под общ. ред. О. Н. Широков, С. Г. Краснова, С. П. Руссков. Чебоксары: ЦНС Интерактив плюс, 2017. С. 78–84.
2. Корехова М. В., Новикова И. А., Соловьёв А. Г. Профилактика организационного стресса у сотрудников правоохранительных органов // Экология человека. 2015. №8. С. 3–9.
3. Корытова Г. С., Ерёмина Ю. А. Защитно-совладающее поведение: ретроспективная реконструкция понятия // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2015. № 3 (156). С. 42–48.

4. Крюкова Т. Л. Психология совладающего поведения. — Кострома: Изд-во КГУ им. Н. А. Некрасова, 2004. — 354 с.
5. Молчанова Е. Ю. Стратегии совладающего поведения и критерии психического здоровья сотрудников органов внутренних дел // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2016. N2 (32). С. 205–207.
6. Перков А. А. Копинг-стратегии поведения сотрудников Госавтоинспекции в условиях стресса // Наука и практика. 2015. N4 (65). С. 145–147.
7. Рогачёв В. А., Коноплева И. Н. Взаимосвязь копинг-стратегий и личностных ресурсов стресс-преодолевающего поведения сотрудников правоохранительных органов [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России: электрон. научн. журн. 2015. — N2 (31). URL: <http://mprj.ru/> (дата обращения: 07.01.2018).
8. Хадиков Р. Ш. Особенности поведения сотрудника полиции в экстремальной ситуации // Общество: политика, экономика, право. 2016. N5. С. 138–140.

© Евтушенко Евгений Анатольевич (erg3337731@mail.ru), Карнаухов Владимир Александрович (karnauhov_va@rbcsmail.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ ИНДИВИДНО-ЛИЧНОСТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ И ПОЧЕРКА КАК КОМПЛЕКСНОГО ПСИХОМОТОРНОГО НАВЫКА

EXPERIMENTAL STUDY OF THE RELATIONSHIP BETWEEN INDIVIDUAL AND PERSONAL CHARACTERISTICS AND HANDWRITING AS A COMPLEX PSYCHOMOTOR SKILL

E. Zakharevskaya

Summary. In modern psychological science and practice, great importance is given to polyscientific research, which makes it possible to discover and uncover patterns and principles of the formation of psychic phenomena of various types. In line with this trend, a series of experiments is unfolding, aimed at revealing the relationship between psychomotor and individual-personal properties with common and particular properties of handwriting. The presented article contains a brief review of the theoretical base of the research, including handwriting diagnostics, psychophysiology, personality psychology, psychology of general abilities and psychodiagnostics; and also developed a theoretical model that determined the content and direction of the experimental part of the work. The relationship between individual and personal characteristics and handwriting is planned to be substantiated in a series of experiments. The article contains the results of the first psychomotor probes that determine the further directions of scientific research.

Keywords: properties of handwriting, complex psychomotor skill, individual-personality characteristics, level organization of personality.

Захаревская Екатерина Алексеевна

Психолог, Академия Управления МВД России
Аспирант, Российский новый университет500
ekaterina@mail.ru

Аннотация. В современной психологической науке и практике важное значение уделяется полинаучным исследованиям, позволяющим обнаружить и раскрыть закономерности и принципы формирования психических феноменов разного типа. В русле этой тенденции разворачивается серия экспериментов, нацеленная на выявление взаимосвязи психомоторных и индивидуально-личностных свойств с общими и частными свойствами почерка. Представленная статья содержит краткий обзор теоретической базы исследования, включающей в себя почерковедческую диагностику, психофизиологию, психологию личности, психологию общих способностей и психодиагностику; а также разработанную теоретическую модель, определившую содержание и направление экспериментальной части работы. Взаимосвязь индивидуально-личностных особенностей и почерка планируется обосновать в серии экспериментов. Статья содержит результаты первых психомоторных проб, определяющих дальнейшие направления научных изысканий.

Ключевые слова: свойства почерка, комплексный психомоторный навык, индивидуально-личностные особенности, уроневая организация личности.

Введение

Развитие психологии как науки и практики познания человека всегда сопровождалось поиском простых и доступных методов диагностики личности и прогнозирования ее поведения, как в условиях воздействия различных внешних факторов, так и в отношении дальнейшей профессиональной успешности. В этом отношении анализ почерка привлекал исследователей возможностью проводить диагностику без участия самого испытуемого, а также возможностью подтвердить или опровергнуть полученные выводы результатами других методов, в т.ч. биографических. Изучение почерка как экстериоризированного продукта психических процессов различного уровня основано на современных взглядах на почерк как комплексный психомоторный навык.

Так, Дягтерева О.Л. определяет почерк как «зафиксированную в рукописи систему привычных движений, в основе формирования которой лежит письменно-двигательный навык» [3]. Таким образом, автор обозначает необходимость изучения механизмов и закономерностей формирования письменно-двигательных навыков как одного из наиболее сложных видов психомоторной активности личности.

В понимании Зуева-Инсарова Д. М. письмо есть проекция сознания в форме определенного рода фиксированных движений (Зуев-Инсаров Д. М., 1929). Автор выразил в своем определении взгляды исследователей, относящихся к графологическому направлению изучения почерка, согласно которому особенности почерка в большей степени определяются подсознательными процессами, чем моторными функциями [6]. При вос-

произведении сложных графических навыков человек не в состоянии контролировать мелкие особенности почерка, в которых и проявляются личностные и психофизиологические особенности индивида.

Помимо базовых свойств личности в почерке, как результате психомоторных движений пальцев, находят отражение относительно устойчивые психические состояния, которые имеют ситуационный характер. Электромагнитные импульсы, которые управляют двигательной активностью личности, являются в т.ч. результатом переживаний, настроений и других психологических характеристик, влияние которых человек испытывает на себе непосредственно во время письма (Глебов А.М., 2016).

В рамках графологии нашли объяснение различные гипотезы о связи особенностей почерка и различных личностных свойств.

Так, Гольдберг И. обосновывает в своих работах связь между свойствами почерка и агрессивностью личности (Гольдберг И.И., 2009). Диагностическими признаками этого свойства, по мнению современных авторов, являются плотность почерка, степень нажима, интенсивность использования пространства листа, угловатость и заостренность почерка (Зуев-Инсаров Д.М., 1992, Моргенштерн И.Ф., 2006, Челикина В.А., 2014).

В работах А.А. Куприяновой с соавт. экспериментально установлена зависимость между признаками почерка и таким психическим свойством личности, как депрессивность (Куприянова А.А., Манилкин Н.В., Седова Е.Л., 2011). Изучение взаимосвязи почерка и личностных свойств, обусловленных эмоциональными механизмами, имеет жесткую психофизиологическую детерминацию. Так, в основе депрессивных состояний лежит эмоция печали, которая имеет биологически приспособительное значение, вызывая торможение поведения и охраняя организм от чрезмерного расходования ресурсов (Данилова И.П., 2000). Наличие психофизиологических механизмов психических состояний открывает возможности к изучению их проявлений через признаки почерка, т.е. такие его проявления, как низкий темп письма, неравномерность почерка, наличие больших интервалов в тексте, дрожащие штрихи и т.д. (Гольдберг И.И., 2008; Лабо М.Г., 2008 и др.). Общий психофизиологический фон депрессии связан с общей замедленностью движений, ослабленной волевой регуляцией, быстрой утомляемостью, что влияет на весь функционально-динамический комплекс навыков письма. Этот тезис нашел подтверждение в работах А.А. Куприяновой, доказавшей наличие влияния эмоционального состояния депрессии на процесс письма и обнаружившего устойчивые статистически значимые связи между депрессивностью личности и признаками почерка [4].

Карпенко Д.А., Сотник Е.Л. экспериментально подтверждают наличие связи между состояниями аффекта и такими свойствами почерка, как неровный, импульсивный нажим и особенности написания прописных и заглавных букв (Карпенко Д.А., Сотник Е.Л., 2011).

В графологии представлено значительное количество работ, в которых фиксируется связь между чертами характера и особенностями написания букв, в т.ч. в подписи (Кравченко В.И., 2017). Подобные исследования имеют характер научной полемики в связи с выраженной субъективной составляющей, слабой аргументированностью и влиянием эмпирических знаний об объекте на интерпретацию результатов, особенно в биографических исследованиях (Гурышев К.С. и Новочадов В.В., 2002, Востриков Е., 2010, Бобовкин М.В., 2017). В этой связи остро стоит вопрос выявления научнообоснованных критериев оценки психических свойств и состояний личности, опирающихся на психофизиологические механизмы и закономерности процесса письма.

Таким образом, графология ориентирована на оценку и интерпретацию нестандартных, индивидуальных проявлений личности в почерке, т.е. особенностей, которые обусловлены «способностями или комплексами, особенностями мышления или мира чувств и т.д.» [3]. Но для изучения особенностей нужно владеть информацией о средних значениях, закономерностях и общих механизмах, отражающих связи между общими и частными признаками почерка и особенностями психомоторной активности.

Для нашего исследования особый интерес представляют работы отечественных ученых, изучавших связь типов ВНД с различными особенностями почерка. Так, Г.И. Борягин основным фактором, определяющим индивидуальные качества почерка, считал тип высшей нервной деятельности, как «внешнее условие формирования письменно-двигательного комплекса навыков» [2]. В концепции Е.В. Гурьянова установлена связь между силой нервных процессов и устойчивостью почерка, скоростью усвоения письменных навыков, темпов письма и подвижностью нервных процессов (Е.В. Гурьянов, 1952). Подобные исследования были продолжены в психофизиологических лабораториях, где устанавливалась обусловленность типов почерков (например, простые, упрощенные, усложненные) с двигательными способностями и возможностями пишущего [7].

Основываясь на идее о системной организации личности, целая группа исследователей в 90-х годах XX века под руководством Ю.Н. Погибка активно развивала направление о связи признаков почерка со свойствами личности (как социально-демографическими, так и психологическими характеристиками). Важнейшим вкладом

автора в развитие почерковедческой диагностики стало обоснование выдвинутых гипотез серией специально организованных экспериментов и методами математической статистики [7].

В современной практике почерковедческая диагностика решает целый ряд задач, связанных как с изучением устойчивых свойств личности исполнителя рукописи, так и сопровождающих процесс письма внешних и внутренних условий. Сегодня с помощью специальных автоматизированных программ можно установить необычные внутренние состояния испытуемых, наличие попыток намеренного изменения почерка, отнести исполнителя к той или иной социально-демографической категории (по полу, возрасту) или психологическому типу, определить временную давность рукописи и т.д. [1]

Таким образом, в современной литературе, прежде всего, в юридической психологии, активно противопоставляются понятия графологии и почерковедческой экспертизы и диагностики. На наш взгляд, не умоляя исторического вклада графологии в развитие науки и практики психодиагностики, важно осознавать, что современные исследования почерка возможны только с использованием экспериментальных, в т.ч. лабораторных методов, а также методов математической статистики, на которых основана почерковедческая экспертиза. Представленное автором исследование проводится в рамках почерковедческой диагностики, имеет комплексный характер и опирается на уже сложившиеся представления, знания, выявленные тенденции и закономерности в таких научных и практических направлениях психологии, как:

- ◆ психофизиология, в разрезе теории построения психомоторных движений, в т.ч. под влиянием стойких эмоциональных состояний. Основная идея заключается в том, что тонус или торможение работы отдельных групп мышц, вызванных эмоциональным фоном, становится источником различий и проявляется в своеобразии почерка;
- ◆ психология личности, психология общих способностей, теория деятельности, определяющие важнейшие постулаты современной психологии о связи личности и деятельности, процессах интериоризации и экстериоризации различных аспектов психической жизни человека;
- ◆ психодиагностика, определяющая ключевые принципы оценки и измерения индивидуально-психологических особенностей личности;
- ◆ судебное почерковедение, нацеленное на изучение письменно-двигательных навыков человека и разрабатывающее методы исследования почерка в целях решения задач судебно-почерковедческой экспертизы.

Таким образом, на основе анализа современных источников, сформирована методология исследования почерка как комплексного психомоторного навыка в его взаимосвязи с индивидуально-психологическими особенностями личности.

Цель исследования

Разработке модели взаимосвязи различных свойств почерка с особенностями личности в контексте уровней организации личности.

Гипотеза исследования, которая легла в основу организации эксперимента: почерк, который является одним из типичных примеров сложнокоординированной графической деятельности, связан с показателями моторной активности рук. В этой связи объективируются как устойчивые, так и ситуативные свойства и состояния личности.

Используемые методы и организация проведения эксперимента

Для изучения свойств и состояний личности использовался следующий пакет психодиагностических методов: Опросник Айзенка «EPQ», Опросник «Самочувствие-Активность-Настроение» (САН), Тест личностной и реактивной тревожности Спилбергера-Ханина, Методика определения стрессоустойчивости и социальной адаптации Холмса и Рея, «Опросник структуры темперамента (ОСТ) В.М. Русалова, Краткий ориентировочный тест (КОТ).

Для повышения надежности и статистической достоверности полученных результатов, а также анализа данных использовались сигналы, характеризующие состояние испытуемого по 4 основным направлениям: показания датчиков ЭЭГ, КПр, ФПГ, ЭКГ, вектор Z — параметры пиктографической деятельности, отражающие особенности моторных реакций при работе с графическим планшетом.

Изучение моторной активности рук осуществлялось при выполнении сложнокоординированной графической деятельности и моделировалось с помощью разработанного теста «Спираль со звуковым сигналом».

Изучение почерка планируется осуществить с помощью методики проведения почерковедческой экспертизы.

Экспериментальное исследование потребовало использования специального оборудования:

- ◆ регистрация физиологических сигналов осуществлялась с помощью профессионального комплекса программно — методического обе-

Рис. 1. Модель взаимосвязи признаков почерка с элементами многоуровневой структуры личности

спечения «Эгоскоп», специально предназначенного для проведения объективного психофизиологического тестирования

- ♦ для моделирования условий при выполнении сложнокоординированной графической деятельности использовался планшет WacomA4 Intuos, позволяющий осуществлять регистрацию и анализ параметров пиктографической деятельности испытуемого синхронно с полиграфическими сигналами.

Для формирования модели, определяющей содержание и организацию экспериментального исследования,

использовались общенаучные методы анализа, синтеза, абстрагирования и теоретического моделирования.

Результаты исследования

По мнению Бернштейна Н. А., индивидуальные черты личности человека не могут не отпечатываться в его почерке, но записаны они такими кодами, каких современная наука пока еще не в состоянии расшифровать и прочесть (Бернштейн Н. А., 1947).

Индивидуальный почерк отличается определенной совокупностью признаков, которые можно классици-

цировать по различным основаниям. Еще в первой половине XX в. советскими учеными сформулированы общие закономерности формирования навыка письма, а также разработана и утверждена унифицированная классификация признаков почерка [5]. Тем самым созданы предпосылки проведения новых экспериментальных исследований в почерковедении, в том числе и в диагностическом направлении.

На основе анализа имеющихся данных, нами представлена модель взаимосвязи признаков почерка с особенностями проявления моторной активности, в которой объективируются как устойчивые, так и ситуативные свойства и состояния личности.

Таким образом, в представленной модели признаки почерка являются результатом воздействия психофизиологических особенностей и типологических свойств нервной системы, опосредованных личностными свойствами человека. При этом необходимо различать ситуативные и устойчивые особенности почерка, которые возникают в ответ на воздействие внешней и внутренней ситуации развития и могут быть диагностированы через показатели психофизиологического состояния личности.

На данный момент получены промежуточные результаты экспериментального исследования, позволившие доказать первый уровень взаимосвязей и подтвердить гипотезу о том, что индивидуально-личностные особенности человека объективируются в специфике проявления моторной активности рук при выполнении сложнокоординированной графической деятельности в моделируемых условиях.

По первому этапу исследования сделаны следующие выводы:

- ◆ Психомоторные характеристики при выполнении сложнокоординированной графической деятельности позволяют получить достаточно объективные показатели психической деятельности человека.

- ◆ Выявлены релевантные показатели проявления моторной активности рук при выполнении сложнокоординированной графической деятельности.
- ◆ Установлены взаимосвязи между индивидуально-личностными особенностями человека и показателями моторной активности рук при выполнении сложнокоординированной графической деятельности.

Более подробное описание результатов первого этапа эксперимента представлено в отдельных научных статьях и докладах на научно-практических конференциях (Захаревская Е. А., 2015, 2017, 2018).

Сейчас ведется работа по дальнейшей валидации разработанной нами психомоторной пробы, уточнение и дополнение полученных данных о наличии связи между параметрами моторной активности рук, индивидуально-личностными особенностями человека и основными признаками почерка. Работа в этом направлении в перспективе позволит внести новые обоснования относительно возможностей использования почерковедческой диагностики как объективного метода психодиагностики индивидуально-психологических особенностей человека.

Заключение. Актуальность исследований в области диагностики личностных свойств и психических состояний исполнителя рукописи по почерку делает очевидным тот факт, что рассматриваемое направление почерковедческой диагностики нуждается в теоретическом и экспериментальном научном обосновании, а так же практическом освоении (Петрова С. И., 2016). Подобные диагностические инструменты позволяют решать широкий круг задач, связанных с профотбором, судебной почерковедческой экспертизой, прогнозированием поведения работника в разных условиях профессиональной деятельности и т.д. Таким образом, выявление закономерностей и механизмов почерка как способа объективации психических состояний и личностных свойств, представляет собой очень сложную задачу, имеющую выраженную практическую направленность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бобовкин М. В. Судебно-почерковедческая диагностика и графология: актуальные вопросы теории и практики // Правовая парадигма. 2017. Т. 16. № 3. С. 136–140.
2. Борягин Г. И. О научных основах советской графической экспертизы // Сб. работ по криминалистике (Графические исследования): НИИ МВД СССР, М., 1957. № 3.
3. Дяттерева О. Л. Возможности применения графологического анализа почерка при исследовании личности подозреваемого, обвиняемого и осужденного // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2017. № 1 (11), С. 8–10.
4. Куприянова А. А., Манилкин Н. В., Седова Е. Л. Экспериментальное установление зависимостей между признаками почерка и депрессивностью личности // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. 2011. № 1 (29). С. 136–140.
5. Манцветова А. И., Мельникова Э. Б., Орлова В. Ф. Изучение признаков в рукописях, выполненных высоковыработанным почерком с изменением темпа письма: Сб. науч. тр. Ташкент, 1961. Вып. 4.

6. Манцвeтoвa A. И., Oрлoвa B. Ф., Слaвyцкaя И. A. Тeорeтичecкe (ecтeствeннoнaучнe) oснoвы cудeбнoгo пoчeркoвeдeния. 2-e изд. М., 2006.
7. Пeтрoвa С. И. Диaгнoстикa пcиxoлoгичecкиx cвoйcтв пo пoчeркy (криминалистический, физиологический и психологический аспекты) // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 1–2, С. 222–232.

© Захаревская Екатерина Алексеевна (ekaterina@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Академия Управления МВД России

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЦЕННОСТНО — СМЫСЛОВЫХ ФАКТОРОВ ЛИЧНОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ГУМАНИТАРНОГО КОЛЛЕДЖА

PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF AXIOLOGICAL PERSONALITY FACTORS OF AN INSTRUCTOR AT A COLLEGE FOR HUMANITIES

A. Kildishev

Summary. The article highlights psychological aspects of axiological personality factors of an instructor at a college for humanities. It shows the results of studying life-purpose focus (methods of Leontiev D. A.) of instructors in three age groups: aged 20 to 29; aged 30; aged 31 and older. It provides results of studying professional identity of instructors at colleges for humanities (methods of N. E. Vodopianova).

Keywords: professional health, axiological aspects, professional self-determination, life-purpose focus, professional identity, emotional exhaustion, professional burnout.

Кильдишев Артём Вячеславович

Аспирант, ФГБОУ ВО Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург)
artjom1987@mail.ru

Аннотация. Статья освещает психологические особенности ценностно — смысловых факторов личности преподавателя гуманитарного колледжа. Представлены результаты исследования смысложизненных ориентаций (методика Леонтьева Д. А.) преподавателей трёх возрастных категорий: от 20 до 29 лет; 30 лет; 31 год и старше. Приведены результаты исследования профессиональной идентичности преподавателей гуманитарных колледжей (методика Н. Е. Водопьяновой).

Ключевые слова: профессиональное здоровье, ценностно — смысловые аспекты, профессиональное самоопределение, смысложизненные ориентации, профессиональная идентичность, эмоциональное истощение, профессиональное выгорание.

Введение

Мы считаем целесообразным делать особенный акцент на выявленные нами периоды профессионального становления личности, поскольку в основе гипотезы, возникшей в процессе исследования, в основу динамики развития профессиональной идентичности также заложен процесс смены жизненных ориентаций происходящий под влиянием не только накопления профессионального опыта, но и прохождения личностью определенных кризисов развития, в частности, кризиса 30-ти летнего возраста [7].

Так, первой проведенной методикой в части изучения динамики развития и изменения ценностно-смысловых факторов является тест Леонтьева Д. А., который мы будем проводить путем комплексных расчетов.

Суть обозначенного выше подхода заключается в том, что мы возьмем ранее изученные и выделенные нами периоды профессионального развития личности:

- ◆ от 20 до 29 лет;
- ◆ 30 лет;
- ◆ 31 год и старше.

Результаты исследования

Далее мы произведем расчеты как в части общего набранного балла каждым испытуемым, так и в части об-

щих баллов по каждому из обозначенных в рамках данной методики критериев и наглядно представим баланс каждой из пяти ориентаций в процентном соотношении для каждого из указанных выше периодов.

Так, для преподавателей в возрасте от 20 до 29 лет, баланс смысложизненных ориентаций может быть наглядно представлен в виде рисунка ниже.

Из представленных данных следует, что в период от 20 до 29 лет среди жизненных ориентаций преобладают шкалы «Процесс» (25,2%) и «Локус-Контроль Жизнь» (24,4%).

Согласно Леонтьеву Д. А. данные результаты говорят о том, что в данном возрасте смыслом жизни преподавателей является сама жизнь [2], а ориентация личности преподавателя гуманитарного колледжа, в первую очередь, идет именно на процесс в настоящем.

Однако стоит отметить, что на третьем месте в представленной иерархии стоит ориентированность на результат и, как следствие, целеустремленность.

По сути, данные факторы коррелируют с периодом развития преждевременной идентичности [4], когда личность в силу отсутствия опыта не может ориентироваться на прошлое и пытается обеспечить профессиональный рост за счет действий в настоящем.

Рис. 1 Преобладание смысложизненных ориентаций преподавателей от 20 до 29 лет

Рис. 2. Преобладание смысложизненных ориентаций преподавателей по достижении 30-ти летнего возраста

Далее, представим аналогичную диаграмму для преподавателей в возрасте 30-ти лет:

Представленная динамика говорит о существенном снижении показателей по шкалам «Локус-контроля Я» и «Локус-контроля Жизнь», но при этом резко возрастает ориентация на результат и на достижение поставленных целей.

Отметим, что именно в этот период ранее мы обозначили преобладание позитивной идентичности, что прямо соответствует выявленным результатам.

Теперь представим картину отражающую баланс ориентаций личности после 30-ти лет, а именно:

Из представленных данных видно, что после достижения 30-ти лет и вплоть до достижения преподавательским составом пенсионного возраста картина, в целом, существенно не меняется.

Вместе с тем, мы считаем, что все-таки должны проследиваться хоть какие-то изменения в картине профессиональных ориентаций личности на данном этапе, которые являются стимулом для перенасыщения про-

Рис. 3. Преобладание смыслоразностных ориентаций преподавателей после 30-ти лет

фессиональным опытом и, как следствие, для формирования псевдопозитивной идентичности.

Для интерпретации полученных данных отметим, что в процессе ранее проведенного теста «Смыслоразностные ориентации» Леонтьева Д. А. для респондентов старше 30-ти лет и достигших 30-ти лет нами не было выявлено смещения каких-либо акцентов в части профессиональных ориентаций [6].

Однако представленные данные говорят о том, что в пятерку значимых ценностей вошли «Высокие запросы» и «Здоровье», сместив на задний план «Развитие» и «Эффективность в делах».

В целом, данное смещение, по нашему мнению наиболее точно отражает переход к псевдопозитивной идентичности, когда нацеленность на результат замещается ростом потребностей и заботой о собственной личности.

Однако в рамках настоящего исследования с учетом очевидного смещения акцентов в части ориентаций и ценностей на фоне изменения профессиональной идентичности в пользу ее псевдопозитивности, считаем целесообразным также провести на нашей выборке методику Н.Е. Водопьяновой на предмет возможной подверженности личности профессиональным деформациям в процессе ее профессионального роста.

Результаты исследования

Так, в процессе описания данной методики мы указали, что интерпретация может быть произведена как с ак-

центом на общий интегральный показатель, так и с учетом выявления конкретных факторов или составных элементов, провоцирующих эмоциональное выгорание личности в определенные периоды ее профессионального развития.

Учитывая отсутствие градации испытуемых по гендерному признаку, мы предлагаем рассчитать средние значения по каждой из трех шкал с последующим выявлением наиболее значимого фактора влияющего на профессиональное выгорание в каждом из обозначенных нами периодов [7].

Согласно произведенным расчетам, в возрасте до 30-ти лет у испытуемых преобладают высокие показатели по шкале «Деперсонализация и цинизм», что можно интерпретировать как утрату доверия к окружающему миру и высокую степень зависимости от социальной среды, а также наличие негативизма, что, безусловно, негативно скажется на дальнейшем обучении воспитуемых [10].

В целом, полученные данные наиболее точно характеризуют данный период, ведь именно он отличается наличием преждевременной идентичности в силу заниженного биологического возраста, что было установлено в предыдущем параграфе, а также стремлением к достижению цели в условиях отсутствия достаточного опыта.

По достижении испытуемыми 30-ти лет показатели по шкале «Деперсонализация и цинизм» [9] остаются достаточно высокими, однако наблюдается выход на первый план результатов по шкале «Эмоциональное

истощение», что является следствием снижения эмоционального тонуса, наличием повышенной агрессии и ярко выраженной депрессии.

Очевидно, в данном случае речь идет о подверженности эмоциональному выгоранию тех испытуемых, которые не смогли достичь позитивной идентичности, что в рамках настоящего исследования составляет 30,2% от общего числа выборки.

Как следствие, результаты по испытуемым старше 30-ти лет показывают окончательное смещение акцентов в сторону угрозы от эмоционального истощения, что на фоне общих результатов выглядит, скорее, как закономерность.

Действительно, в условиях преобладания достаточного опыта, псевдопозитивной идентичности и наличия

завышенных запросов и ожиданий, на фоне роста стажа и возраста эмоциональное истощение является неизбежным.

В целом, проведенное исследование позволило выявить целый ряд представляющих интерес закономерностей и особенностей, однако в ходе интерпретации полученных данных мы не затрагивали дополнительный критерий, а именно профессиональный стаж преподавателей.

Вместе с тем, наиболее объективный учет данного фактора, а также выявление дополнительных корреляций и зависимостей по исследуемой теме возможно только с использованием методов математической статистики, что и будет описано далее с тем, чтобы представить наиболее объективные выводы в части проведенного нами исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдеева, Н. Н. Здоровье как ценность и предмет научного знания /
2. Н. Н. Авдеева, И. И. Ашмарин, Г. Б. Степанова // Мир психологии. 2017. -№ 1.-С. 68–75.
3. Баранов, А. А. Стрессоустойчивость и мастерство педагога / А. А. Баранов. -Ижевск: Изд-во Удмуртского ун-та, 2017. — 108 с.
4. Бодров, В. А. Информационный стресс / В. А. Бодров. М.: ПЕРСЭ, 2015. — 344 с.
5. Бондаревская, Е. В. Педагогическая культура как общественная и личная ценность// Педагогика. 2016. № 3. С. 37–43.
6. Боно, Э. Рождение новой идеи. О нешаблонном мышлении: Пер. с англ. /
7. Э. Боно; /Под общ. ред. О. К. Тихомирова. — М.: Прогресс, 2015. — 144с.
8. Зеер, Э. Ф. Психология профессий. Психология профессий: Учебное пособие для студентов узов. — 2-е изд., перераб., доп. — М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2014. — 336 с.
9. Зеличенко, А. И. Психология духовности. М. Издательство Трансперсонального Института 2016 г. — 400 с.
10. Кильдишев, А. В. Журнал «Проблемы современного педагогического образования», 2017. — 211–218 с.
11. Леонтьев, Д. А. Духовность, саморегуляция и ценности// Гуманитарные проблемы современной психологии (Изд. Таганрогского государственного радиотехнического университета, 2015, № 7. — С. 16–21
12. Маркова, А. К. Психология труда учителя / А. К. Маркова. — М.: Просвещение, 2017. — 192 с.

© Кильдишев Артём Вячеславович (artjom1987@mail.ru). Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Санкт-Петербургский государственный университет

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МОДЕЛИРОВАНИЯ БОЕВЫХ СИТУАЦИЙ В РЕАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ

THE METHODOLOGICAL ASPECTS OF SIMULATING COMBAT SITUATIONS IN REAL CONDITIONS

V. Margaryan

Summary. The problems of developing the method of simulating combat situations in real conditions as one of the components of the methodology of servicemen's psychological study in extreme situations of combat situation are considered. The regulations and necessary requirements to the medium of simulating combat situation and methodical approaches to its realization are presented.

Keywords: simulating; parameters of extreme conditions; requirements to the medium of simulating combat situation; psychological readiness for activity.

Маргарян Вазген Генрикович

*Д.псих.н., полковник, советник, Национальный исследовательский университет обороны МО РА; Доцент, Армянский Государственный Педагогический Университет им. Х. Абовяна
margaryanw@mail.ru*

Аннотация. Рассмотрены проблемы разработки метода моделирования боевых ситуаций в реальных условиях как одного из составляющих методологии психологического исследования военнослужащих в экстремальных ситуациях боевой обстановки. Представлены положения и необходимые требования к среде моделируемой экстремальной ситуации и методические подходы к ее реализации.

Ключевые слова: моделирование; параметры экстремальных условий; требования к среде моделируемой боевой ситуации; психологическая готовность к деятельности.

В настоящее время в ВС многих государств идет процесс пересмотра стратегических и тактических основ ведения боевых действий с учетом характера современных военных угроз [2, с. 75–77]. Безусловно, данный процесс подразумевает не только пересмотр основ ведения боевых действий, а также и принципов организации профессиональной и психологической подготовки военнослужащих [5].

Результаты анализа научной литературы показывают, что по сей день исследования профессиональной деятельности в достаточно стабильных условиях не позволяют исследователям выявлять необходимые закономерности для психологической подготовки специалистов к действиям в экстремальных ситуациях [7, с. 3].

С учетом новых реалий необходимым становится разработка новых программ психологического исследования эффективности и надежности профессиональной деятельности и, соответственно методологии их реализации в реальных условиях воздействия психогенных факторов.

Комплексное решение данной задачи представлено в одной из наших научных статей, где представлена методология психологического исследования, включающая ряд методик и технологию исследования. Одним из составляющих, в предложенной нами технологии исследования профессиональной деятельности военнослужащего, является моделирование экстремальных ситуаций боевой обстановки [5].

Моделирование в военном деле трактуется как метод военно-теоретического или военно-технического исследования объекта (явления, системы, процесса) путем создания и изучения его аналога (модели) с целью получения информации о реальной системе. Между реальной системой и ее моделью устанавливается определенное соответствие (аналогия) по тем признакам (факторам, свойствам), которые в той или иной мере должны быть обязательно учтены для достижения цели исследования [1, с. 799].

С этой точки зрения, для разработки метода моделирования экстремальных ситуаций боевой обстановки в реальных условиях, нами были проанализированы и уточнены:

- а) признаки, исходя из которых классифицируются экстремальные ситуации (степень внезапности; скорость распространения; характер) [3, с. 15–16],
- б) параметры, характеризующие выраженность экстремальности ситуации [6];
- в) составляющие психологической включенности человека в ситуацию [7, с. 25–26].

Следует отметить, что экстремальная ситуация есть условие, способствующее проявлению таких психических состояний, которые характеризуются динамической рассогласованностью между изменениями психических процессов и инерцией прошлого состояния и определяют изменения системы психической регуляции человека за счет максимальной мобилизации ресурсов его организма.

В классификационной схеме экстремальных видов деятельности боевая деятельность выделяется крайней выраженностью характеристик экстремальности. По степени опасности, напряжения духовных, психических и физических возможностей военнослужащего с этой деятельностью не может сравниться ни один другой вид деятельности. Это обосновывается парадоксальностью ситуации, в которой А. Г. Караяни (по В. В. Рубцову, С. Б. Малых, 2008) выделяет проявление следующих наиболее значимых факторов:

1. нормативно-заданная принудительная схема действий военнослужащего в боевой обстановке;
2. особая активность, направленность и непредсказуемость боевых факторов;
3. участие в жестоком насилии по отношению к противнику [6, с. 28–29].

При разработке метода моделирования экстремальных ситуаций боевой обстановки нами ситуация рассматривалась как системно-функциональная модель с учетом психологической включенности военнослужащего в ситуацию, принимая за основу те положения, которые представлены специалистами в психологической литературе. Например, Т. В. Рогачева, Г. В. Залевский и Т. Е. Левицкая включенность человека в ситуацию рассматривают как интегральное проявление следующих составляющих:

- ◆ понимание сложности ситуации;
- ◆ оценка значимости ситуации и мотивированность его активности в данной ситуации;
- ◆ мобилизованность всех энергетических ресурсов, необходимых для адекватного реагирования факторам среды;
- ◆ рациональность решений и действий, обуславливающие эффективность деятельности в ситуации;
- ◆ напряженное психическое состояние человека;
- ◆ умение использовать адекватные ситуации копинг-стратегии поведения [7, с. 25–26].

Участие в боевых действиях специалисты рассматривают как стрессовое событие исключительного характера, которое может вызвать общий дистресс практически у любого человека, что обусловлено комплексным влиянием ряда таких факторов, как:

1. осознаваемое чувство угрозы для жизни, страх смерти;
2. интенсивность совмещенных действий и дефицит времени, внезапность и неопределенность хода развития событий, новизна ситуации;
3. рельеф местности (Пушкарев и др., 2000 по [3, с. 405]).

Выше изложенные положения позволяют сформулировать необходимые требования к условиям среды

моделируемой экстремальной ситуации боевой обстановки. Некоторые проблемы, связанные с моделированием боевой ситуации нами были представлены в статье «К вопросу моделирования экстремальных условий боевой обстановки и психотехнических испытаний водителей военной автотехники» [4]. Они в дальнейшем были пересмотрены и дополнены в аспекте решения конкретных методических задач по обеспечению выполнения необходимых требований моделируемой среды в реальных условиях.

Следует отметить, что при моделировании экстремальной ситуации боевой обстановки реакция военнослужащего на опасность может иметь место лишь в том случае, если сложившаяся ситуация в своей основе комплексно имеет элементы неожиданности, внезапности и неопределенности; создает тактико-техническую преграду, препятствующую транспортному средству каким-либо передвижениям; является не идентичным каким-либо и когда-либо проигранным сценариям в аспекте прогнозирования возможного развития дальнейших событий и развязки ситуации [4].

При невыполнении какой-либо из требований к условиям среды говорить о возникшей опасной ситуации неуместно. Причем имитируемые психогенные факторы, обусловленные воздействием условного противника должны соответствовать следующим требованиям:

1. ведение условным противником интенсивного огня огнестрельным автоматическим оружием¹ из двух позиций из засады по движущейся цели (по ведущему автомобилю организованной военной автоколонны, перевозящий быстро воспламеняющуюся химическую жидкость²) при которой одновременно для ведущей военной автотехники (ВАТ) выполняются:

- ◆ внезапное исчезновение обзорности поля движения и происходящих действий для водителя (обеспечивается применением соленоидов и специально для этой цели приготовленной ткани);
- ◆ взрыв под трансмиссией ВАТ противотанковой мины (обеспечивается специально приготовленными камерами для взрыва заряда с кумулятив-

¹ По сценарию моделирования все добровольные участники эксперимента во время инструктирования информируются и наглядно видят, что магазины автоматов заправляются боевыми патронами для поражения шин управляемых колес ВАТ, однако затем, без ведома участников эксперимента, боевые патроны заменяются на холостые.

² Во время инструктажа участников эксперимента акцент делается на перевозимый груз в аспекте их быстрого воспламенения и сгорания. На самом деле это пластиковые 200 литровые бочки, наполненные водой. Для обеспечения специфического запаха, исходящего от бочек была применена обыкновенная ветошь, смоченная раствором сильно пахнущего, однако не вредного для здоровья химиката и, помещенная в сетчатый контейнер.

ным эффектом. Камеры прикрепляются под подножками кабины ВАТ);

- ◆ срабатывание специального прожектора, направленного в левую сторону лица (в левый глаз) водителя с ослепляющей функцией;
- ◆ срабатывание в кабине, на уровне левого уха водителя, звукового раздражителя (обеспечивается применением устройства для звукового сигнала, предназначенное для грузовой АТ);

2. имитируемые психогенные факторы, обуславливающие состояние сложившейся ситуации в аспекте ее субъективного отражения должны обеспечить для военнослужащего наличие:

- ◆ четкого осознания реальной угрозы, опасности воздействия боевых стрессоров в сложившейся обстановке;
- ◆ внезапности изменения ситуации (понимание того, что ситуация выходит за рамки запланированного эксперимента);
- ◆ ощущения необычности и неопределенности ситуации;
- ◆ такого состояния системы “военнослужащий-военная автотехника-среда”, когда осознается дефицит времени.

Для управления боевыми стрессорами в реальных условиях моделируемой обстановки и осуществления психотехнических испытаний военнослужащих нами было предложено специальное устройство, что позволило повысить достоверность экспериментальных данных путем фиксации временных характеристик действий в антропотехнической системе (начало воздействия психогенных факторов, начало и конец реагирования на них), а также ошибок в совмещенных действиях [4, с. 16-17].

Таким образом, системный подход к проблеме разработки метода моделирования экстремальной ситуации боевой обстановки позволяет исследовать эффективность и надежность профессиональной деятельности военнослужащих при воздействии психогенных факторов боевой обстановки в реальных условиях с выявлением совокупности тех психологических компонентов, которые формируют психологический комплекс, обуславливающий способность военного специалиста сохранять в экстремальных условиях психологическую готовность к профессиональной деятельности. Выявленные закономерности являются основой для разработки программ по специальной и целевой психологической подготовке специалистов с учетом новых реалий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Военный энциклопедический словарь. М., 2002, 1432 с.: ил. + 224 с. ил.
2. Макаренко С.И., Иванов М. С. Сетевая война — принципы, технологии, примеры и перспективы. Монография. — СПб.: Научное издание, 2018. — 898 с.
3. Малкина-Пых И. Г. Экстремальные ситуации. М., 2005. — 960 с.
4. Маргарян В.Г. К вопросу моделирования экстремальных условий боевой обстановки и психотехнических испытаний водителей военной автотехники. Материалы международной заочной научно-практической конференции. Часть II. (1 февраля 2010 г.) — Новосибирск: Изд. ЭНСКЕ, 2010. — 148 с.
5. Маргарян В. Г. К вопросу о методологическом обеспечении психологической подготовки военнослужащих в вооруженных силах Республики Армения // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии: сб. ст. по матер. XLVIII междунар. науч.-практ. конф. No 1(48). — Новосибирск: СибАК, 2015. — 90 с.
6. Психология экстремальных ситуаций. Под ред. В. В. Рубцова, С. Б. Малых. М., 2008. — 304 с.
7. Рогачева Т.В., Залевский Г. В., Левицкая Т. Е. Психология экстремальных ситуаций и состояний: учеб. пособие. — Томск: Издательский Дом ТГУ, 2015. — 276 с.

© Маргарян Вазген Генрикович (margaryanw@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПСИХОЛОГА ПО РАЗВИТИЮ СЕНСОМОТОРИКИ ДЕТЕЙ РАННЕГО ВОЗРАСТА С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ

THE ACTIVITY OF A PSYCHOLOGIST ON THE DEVELOPMENT OF SENSORIMOTORICS IN YOUNG CHILDREN WITH DISABILITIES

**O. Nazarewicz
I. Tutueva**

Summary. The article presents the results of a theoretical and applied research on the activities of a psychologist, including interactions with parents, on the sensorimotor development of young children with HIA, and describes a corrective-development program for this category of children.

Keywords: sensorimotor development, children of early age, limited health possibilities (HIA), psychomotor development, interaction of the psychologist with the parents of children with HIA.

Назаревич Оксана Сергеевна

*К.псх.н., доцент, Шадринский государственный педагогический институт
OSN24@mail.ru*

Тютюева Ирина Анатольевна

*К.псх.н., доцент, Шадринский государственный педагогический университет
medvedeva452010@mail.ru*

Аннотация. В статье представлены результаты теоретико-прикладного исследования деятельности психолога, в том числе взаимодействия с родителями, по сенсомоторному развитию детей раннего возраста с ОВЗ, описана коррекционно-развивающая программа для данной категории детей.

Ключевые слова: сенсомоторное развитие, дети раннего возраста, ограниченные возможности здоровья (ОВЗ), психомоторное развитие, взаимодействие психолога с родителями детей с ОВЗ.

На современном этапе развития образования проблема ранней помощи, в том числе детям с ОВЗ, продолжает оставаться актуальной и востребованной. Многие современные специалисты ранней помощи отмечают, что именно раннее вмешательство, коррекционно-развивающая деятельность специалистов с ребенком на этапе раннего детства способствует преодолению имеющихся у детей проблем психофизического развития, предупреждению возникновения вторичных нарушений в развитии.

Специалисты системы ранней помощи отмечают, что для детей с ОВЗ, контакт которых с окружающим миром сужен, неизмеримо возрастает роль семьи. Деятельность психолога с родителями, воспитывающими детей раннего возраста с ОВЗ нацелена на приобщения их к работе с ребенком через возможность личного участия в его развитии. Психолог обучает родителей ребенка с ОВЗ определенному набору специальных методических приемов, используемых в практике коррекционной педагогики. Реализация этой задачи предполагает проведение психологом индивидуальных занятий с ребенком, в которых участвует и его родитель [3, 5, 7, 9].

Ранний возраст является особым периодом для формирования органов и систем, и прежде всего функций мозга. Современные специалисты в области дефек-

тологии и психологии утверждают, что функции коры головного мозга не фиксированы наследственно, они развиваются в результате взаимодействия организма с окружающей средой. Ранний возраст является самым благоприятным для сенсомоторного воспитания, без которого невозможно формирование умственных способностей ребенка [2, 5, 7, 8].

Сенсомоторное развитие составляет фундамент общего умственного и психического развития человека, а полноценное восприятие мира — это база для успешного овладения многими видами деятельности. Поэтому развитие сенсорных функций имеет большое значение для всего последующего развития ребенка.

Работы Ф.А. Сохина, Н.П. Сакулиной, Н.Н. Поддьякова, С.Н. Николаевой, Л.А. Парамоновой, Г.А. Тумаковой, Т.В. Христовской, А.И. Максакова, О.С. Ушаковой, Е.М. Струниной, показали важность создания условий, обеспечивающих развитие у детей мелкой моторики рук и осязания, связанное с формированием познавательных интересов.

Большое значение в сенсомоторном развитии имеет обучение детей способам обследования предметов: наложению, прикладыванию, ощупыванию, группировке по цвету и форме вокруг образцов-эталонов, а также последовательному осмотру и описанию формы, вы-

полнению планомерных действий. Наиболее значимым в предметно-практической деятельности детей 2–3 лет является сенсомоторное развитие на уровне сенсорной и моторной стимуляции. Еще не зрелые анализаторные системы требуют моторного обеспечения и, наоборот, для обеспечения целенаправленного движения требуется сенсорная поддержка [2, 8].

Для Курганской области, как и для большинства регионов России, характерен высокий уровень детской инвалидности, обусловленный экологическими и социальными проблемами. Несмотря на существующие в области центры ранней помощи, потребность в услугах специалистов по диагностике и коррекции проблем раннего возраста остается крайне высокой.

Это ведет к необходимости увеличения служб ранней помощи, а также к расширению междисциплинарных услуг медицинского, социального, психолого-педагогического профиля детям раннего возраста с особыми потребностями и их семьям [9].

Целью нашего исследования стало теоретическое и практическое изучение особенностей взаимодействия психолога с родителями по сенсомоторному развитию детей раннего возраста с ОВЗ.

Экспериментальное исследование проводилось на базе ГБУ «Шадринский реабилитационный центр для детей и подростков с ограниченными возможностями». В эксперименте принимали участие 11 воспитанников в возрасте от двух до трех лет с различными отклонениями в развитии (синдромом Дауна, нарушениями опорно-двигательной системы, перинатальной энцефалопатией и ее последствиями), пять родителей (матери детей) и психолог группы ранней помощи «Мать и дитя».

Констатирующий эксперимент проводился поэтапно: на первом этапе мы изучали особенности взаимодействия психолога с родителями детей раннего возраста с ОВЗ по развитию сенсомоторики; на втором — особенности взаимодействия родителей и детей раннего возраста с ОВЗ по развитию сенсомоторных навыков; на третьем — особенности сенсомоторного развития детей раннего возраста с ОВЗ.

Для реализации данных задач нами использовались следующие методы:

- ◆ анализ текущей и отчетной документации психолога группы ранней помощи «Мать и дитя»;
- ◆ наблюдение за деятельностью психолога, родителями и детьми;
- ◆ экспериментальное исследование сенсомоторного развития испытуемых на основе использо-

вания карты сенсомоторного развития Э. Й. Кипхарда [7], опросников для родителей [1, 5, 9, 10];

- ◆ количественный и качественный анализ полученных результатов.

Анализ документации психолога группы ранней помощи, реабилитационных паспортов детей, наблюдение за взаимодействием психолога с родителями и детьми позволили нам прийти к заключению о необходимости дальнейшей разработки программы взаимодействия психолога с родителями.

Результаты структурированного наблюдения за детьми позволили нам выявить особенности испытуемых по следующим параметрам: работоспособность, темп деятельности, внешненаблюдаемые особенности поведения ребенка, развитие двигательной сферы, речевое развитие, эмоционально-аффективные особенности.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что у всех детей выражена сниженная работоспособность, фиксируется быстрое некомпенсируемое утомление при различных видах деятельности.

Для большинства детей характерно резкое снижение темпа деятельности, обусловленное утомлением (физическое или психическое), проявляющихся во всех сферах психической активности. У 60% испытуемых наблюдается неравномерность или колебание темпа деятельности.

У всех детей преобладает отвлекаемость при выполнении заданий. У 40% детей ярко выражены импульсивные реакции, импульсивное поведение. Это проявляется в резко меняющихся движениях, быстрой смене деятельности, неусидчивости.

При общих двигательных играх 70% детей успешно и скоординировано выполняют все задания. Бытовые моторные навыки сформированы частично: дети самостоятельно раздеваются, одеваются с небольшой помощью взрослого, застегивают пуговицы, едят ложкой, совместно со взрослыми убирают игрушки.

У 60% испытуемых нами зафиксирована сниженная речевая активность, наблюдается низкий нормативный уровень сформированности произвольной регуляции речевой деятельности. При вербальных ответах дети демонстрируют различные признаки недостаточной сформированности вербального компонента познавательной деятельности.

80% испытуемых демонстрировали повышенный фон настроения в различных ситуациях (в столовой, в группе, на прогулке).

Дети в коммуникативном плане имеют высокую активность, они стремятся к взаимодействию с другими детьми, демонстрируют общительность, жизнерадостность, низкий уровень конфликтности.

Наблюдая за взаимодействием родителей с детьми, мы фиксировали следующие параметры: проявление определенного отношения к ребенку, аффективный фон активности родителей, стиль осуществления социального контроля, способы осуществления социального контроля, способ вербального выражения социального контроля, использование педагогических приемов.

Полученные в результате наблюдения данные позволили нам выделить следующие особенности контактов родителей с детьми раннего возраста с ОВЗ:

- ◆ все родители заботились о комфорте и безопасности своего ребенка, при необходимости предлагали свою помощь, проявляли интерес к занятиям ребенка, старались создать доступную развивающую среду, использовали различные игры соответствующие возрасту и темпу развития ребенка, на занятиях часто проявляли одобрение поведения ребенка, в виде проявления нежности (поглаживание по голове, плечу);
- ◆ родители не допускали, чтобы ребенок сидел без дела или речевого оформления деятельности, не прерывали проявление активности, в случае если она неопасна и социально приемлема, предоставляли ребенку возможность выбирать и действовать с предметами самостоятельно;
- ◆ аффективный фон активности родителей в основном был нейтральным, это проявлялось в том, что родители редко проявляли положительные и отрицательные эмоции, при деятельности с ребенком, в способах контроля преобладали требовательный и нейтральный стили;
- ◆ чаще всего при совместной деятельности присутствовали: команды, выражение недовольства, помощь вопросами, просьбы, утверждение и позитивное подкрепление;
- ◆ преобладание утверждающего и вопросительного стилей ведения запретов, что проявлялось в таких фразах, как «Здесь так не делают», «Надо делать вот так», «Что надо сказать?»;
- ◆ использование в качестве основных педагогических приемов привлечение внимания к объектам окружения ребенка, расположение на уровне глаз ребенка или в поле зрения, вербальное объяснение, демонстрация желаемого поведения, внесение новизны в игру, проблемные ситуации.

Анализ полученных результатов свидетельствует о том, что взаимоотношение родителей и детей в раз-

ных жизненных ситуациях остается постоянным. Но при различных обстоятельствах, родители могут менять тактику поведения, стремясь улучшить условия для детей, ищут различные способы преодоления дефекта и создания развивающей среды.

Особенности сенсомоторного развития испытуемых исследовались нами на основе карт сенсомоторного развития Э.И. Кипхарда [7]. Данная методика позволяет определить особенности развития у ребенка таких показателей, как зрительное восприятие, мелкая моторика, крупная моторика, речь, слуховое восприятие. Заполнение таблиц дает возможность определить соответствие развития ребенка определенным возрастным нормативам и разработать в дальнейшем целенаправленную программу помощи ребенку. Таблицы заполнялись несколько раз, через одинаковые промежутки времени.

Количественный и качественный анализ полученных данных свидетельствует о том, что все испытуемые имеют различную степень отставания по какому-либо из параметров. Нами была выявлена положительная динамика в изменении исследуемых параметров у испытуемых, поскольку с детьми проводилась коррекционная работа специалистами группы ранней помощи. После проведения коррекционной работы 60% детей выполняли на 2 задания больше, чем в первой пробе, 20% детей справились со всеми заданиями и 20% детей остались на этом же уровне, выполнив такое же количество заданий, что и в первом обследовании.

Таким образом, анализ результатов констатирующего эксперимента показал, что для детей раннего возраста с ОВЗ характерно отставание от условных норм нормативного развития сенсомоторики по основным параметрам. У детей ограниченный опыт практической деятельности с предметами, бедный запас знаний об окружающем мире, нарушено сенсорное восприятие, пространственные представления.

Результаты проведенного констатирующего эксперимента позволили нам определить основные направления и содержание коррекционно-развивающей работы. Основной целью формирующего эксперимента стала разработка индивидуальных коррекционно-развивающих программ для испытуемых, проводимых в виде совместных занятий с родителями детей.

Коррекционно-развивающие программы включали в себя следующие направления:

- ◆ развитие и уточнение зрительного, тактильного и слухового восприятия;
- ◆ формирование представлений об основных сенсорных эталонах (цвета, формы, размера, величины, фактуры);

- ♦ развитие крупной и мелкой моторики.

Структура занятий предполагала акт включения в деятельность по коррекции проблем ребенка родителей (преимущественно мам). Психолог сначала показывал маме возможные варианты совместной или поочередной деятельности с ребенком, а затем предлагал попробовать повторить эти действия вслед за психологом. Кроме того, с родителями проводилась просветительская работа, направленная на повышение уровня психолого-педагогических знаний родителей об особенностях их детей (по результатам диагностического обследования), о возможных формах коррекционно-развивающей работы в условиях реабилитационного центра и семейного воспитания.

Каждая программа включала в себя около тридцати индивидуальных занятий, длительностью 20 минут, частотой три раза в неделю.

Коррекционно-развивающая работа с детьми проводилась поэтапно:

1. ориентировочный этап включал в себя три занятия и предполагал решение таких задач, как установление эмоционально — позитивного контакта с детьми и их родителями, развитие интереса к занятиям.

2. конструктивно — формирующий этап включал двадцать пять занятий и был направлен на развитие и уточнение зрительного восприятия, тактильного восприятия, чувства тяжести, термического чувства, чувства вкуса и обоняния, развитие и уточнение слухового восприятия, развития мелкой и крупной моторики.

3. закрепляющий этап — два занятия, предполагал обобщение и закрепление сформированных на предыдущих этапах представлений, знаний.

В каждую индивидуальную программу, в зависимости от выявленных специфических особенностей ребенка, мы включали:

- ♦ игры и упражнения на развитие мелкой моторики: пальчиковые игры, упражнения на сортировку мелких предметов на группы, развитие пальчикового и пинцетного захвата, работа с вкладышами, нанизывание мелких предметов на шнур или стержень [4,6, 10];
- ♦ моторные игры: развивающие умения бегать, прыгать, лазать;
- ♦ сенсорные игры и упражнения: развитие зрительного, слухового восприятия, обоняния, тактильно-вибрационной чувствительности [4,6];
- ♦ игры и упражнения на развитие познавательной сферы испытуемых (памяти, внимания);

- ♦ сюжетно-ролевые и сюжетные игры [6];
- ♦ элементы психогимнастики;
- ♦ техники выразительных движений.

Данные игры и упражнения мы подбирали на основе:

- ♦ разработок ИКП РАО по развитию движений «Шаг за шагом», «Ляля, прыг!», по эмоциональному развитию «Чмок, чмок»;
- ♦ комплексных занятий с детьми раннего возраста, разработанных Е.Е. Хомяковой, Т.М. Бондаренко, Т.Н. Грабенко, Т.Д. Зинкевич — Евстигнеевой, Ю.А. Разенковой;
- ♦ программ по развитию внимания и памяти детей от шести месяцев до трех лет О.С. Жуковой;
- ♦ Монтессори — материалов;
- ♦ материалов сенсорной комнаты («сенсорная черепаха», «сухой бассейн», «тактильная дорожка»).

Проведенное нами теоретико-прикладное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Ранний возраст наиболее важен для формирования сенсомоторного развития. Удовлетворение потребности сенсомоторного восприятия вызывает у ребенка положительные эмоции и интерес ко всему окружающему, а с возрастом превращается в познавательную деятельность. Сенсомоторное развитие ребенка раннего возраста с ОВЗ способствует его дальнейшему интеллектуальному развитию, овладению навыками ручной умелости, психоэмоциональному благополучию. Сенсомоторное развитие, с одной стороны, составляет фундамент общего умственного развития ребенка и в то же время имеет самостоятельное значение, так как полноценное восприятие является базовым для успешного овладения многими видами деятельности.

2. Семья ребенка раннего возраста с ОВЗ оказывает наиболее значимое влияние на развитие и коррекцию имеющегося у ребенка дефекта психофизического развития. Поэтому наиболее важной задачей в работе с родителями становится задача формирования системы теоретических знаний и практических навыков по преодолению проблем и трудностей в развитии ребенка в условиях семейного воспитания.

3. Взаимодействие психолога с родителями ребенка раннего возраста с ОВЗ по сенсомоторному развитию в рамках разработанной нами коррекционной программы будет способствовать значимому улучшению состояния ребенка, гармонизации детско-родительских отношений и как следствие — повышению уровня адаптационного потенциала ребенка и семьи в целом в социокультурную и образовательную среду.

ЛИТЕРАТУРА

1. Верещагина, Н. В. Дифференцированная диагностика ребенка раннего возраста [Текст] / Н. В. Верещагина // Дошкольная педагогика, 2010. — № 4. — с. 45–48.
2. Гербова В.В., Воспитание и развитие детей раннего возраста: Пособие для воспитателя дет. Сада [Текст] / В.В. Гербова, Р.Г. Казакова, И. М. Кононова и др.; — М.: Просвещение, 2000. — 224 с.
3. Григорьева, Л. Г. Дети с проблемами в развитии. [Текст] / Л. Г. Григорьева — М.: Академкнига, 2002. — 213 с.
4. Гудкова, Т. В. Сенсорная комната как средство развития детей с ограниченными возможностями здоровья [Текст] / Т. В. Гудкова // Воспитатель дошкольного образовательного учреждения. — 2013. — № 3. — С. 31–42.
5. Иванова, Е. А. Раннее домашнее сопровождение [Текст] / Е. А. Иванова. — СПб.: Речь, 2003. — 96 с.
6. Игровая терапия как метод интеграции и реабилитации [Текст]: Учебное пособие / Ответственный редактор и составитель С. В. Колкова. — М.: Права человека, 2001. — 88с.
7. Кипхард, Эрнст Й. Как развивается ваш ребенок? Таблицы сенсомоторного и социального развития: от рождения до 3-х лет [Текст] / Эрнст Й. Кипхард. — Изд. 3-е. — М.: Теревинф, 2012. — 112 с.
8. Краснощёкова Н. В. Развитие ощущений и восприятия у детей от младенчества до младшего школьного возраста. Игры, упражнения, тесты. [Текст] / Н. В. Краснощёкова — Ростов н/Д: Феникс, 2007.
9. Морозова Е.И., Новые подходы к организации помощи семьям, воспитывающим проблемных детей раннего возраста, [Текст] / Е. И. Морозова // Дефектология № 3–1998, — С. 49–57.
10. Смирнова, Е. О. Диагностика психического развития детей от рождения до 3 лет [Текст] / Е. О. Смирнова. — СПб.: Детство пресс, 2005. — 144 с.

© Назаревич Оксана Сергеевна (OSN24@mail.ru), Тютюева Ирина Анатольевна (medvedeva452010@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Шадринский государственный педагогический институт

ОПРЕДЕЛИТЬ БЫТИЕ ИЛИ УЙТИ В НЕБЫТИЕ: ПЕРСПЕКТИВЫ ТЕХНОКУЛЬТУРЫ¹

TO DEFINE LIFE OR TO FALL INTO OBLIVION: TECHNOCULTURA'S PROSPECTS

**A. Nepomnyashchiy
I. Dombrin**

Summary. Prospects of the technical culture created against the background of prevalence of rationality over higher stages of human consciousness development are considered in the article. Possible consequences of uncontrollable growth of a scope of artificial intelligence technologies, virtual reality and, in general, the information and communication technologies (ICT) are discussed. It is shown that the growth causes decrease in level of information and psychological safety of the personality and society, loss by them of the sovereignty condition providing updating of the free will principle. The common problem of lag of individual and collective consciousness development of ICT users from growth of opportunities of artificial intelligence is designated, taking into account the possibilities of shadow, extramental management of a people at large extend by the principle «life determines consciousness». In this regard are shown also a problem of delimitation of use of artificial intellectual systems in the sphere of human activity and the way of its decision by means of integral education. In conclusions two ways of technical culture development are proved: bringing to an intensification of human consciousness development to the level of an opportunity to define the life, or — to its kickback on the earlier stages of development, up to full self-destruction.

Keywords: consciousness, life, artificial intelligence, information and communication technologies, development, education, information and psychological safety.

Непомнящий Анатолий Владимирович

*Д.п.н., Институт компьютерных технологий
и информационной безопасности Южного федерального
университета (Таганрог)
pibgtsu@mail.ru*

Домбрин Игорь Михайлович

*Центр технического творчества г. Таганрога
(Таганрог)
dombrin@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются перспективы технокультуры, создаваемой на фоне преобладания рациональности над более высокими стадиями развития человеческого сознания. Обсуждаются возможные последствия неконтролируемого роста области применения технологий искусственного интеллекта, виртуальной реальности и, в целом, информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), что вызывает снижение уровня информационно-психологической безопасности личности и общества, утрату ими состояния суверенности, обеспечивающего актуализацию принципа свободы воли. Обозначена общая проблема отставания развития индивидуального и коллективного сознания большинства пользователей ИКТ от развития искусственного интеллекта, вследствие чего расширяются возможности теневого, неосознаваемого управления народными массами по принципу «бытие определяет сознание». В связи с этим показаны также проблема определения границ применения искусственных интеллектуальных систем в сфере человеческой активности и пути её решения средствами интегрального образования. В выводах обоснованы два варианта развития технокультуры, приводящие либо к интенсификации развития человеческого сознания до уровня возможности определять свое бытие, либо — к возврату на мифический и более низкие уровни развития сознания с риском для человека оказаться вообще в небытии.

Ключевые слова: сознание, бытие, искусственный интеллект, информационно-коммуникационные технологии, развитие, образование, информационно-психологическая безопасность.

Рационально мыслящий мир готов перейти к очередному этапу своей экспансии — широкому распространению технологий использования искусственного интеллекта (ИИ) и виртуальной реальности (VR). Как творения рациональной мысли, эти технологии, вместе с сопутствующими NBIC-технологиями (конвергенция нано-, био-, информационных и когнитивных технологий) и информационно-коммуникационными технологиями (ИКТ), изменяют экологию человека как вида, поскольку становятся все более значимой частью его

жизненного контекста, в связи с чем известные ученые считают ИИ самой большой угрозой для человечества [4, 5]. Говорят, что, принимая решения и вступая в отношения с людьми, ИИ должен нести моральную ответственность, но за что может отвечать не человек, а всего лишь результат творчества рационально мыслящих разработчиков — программно-аппаратный комплекс?

Как любой другой инструмент, ИИ, VR и другие плоды современных информационных технологий сами

¹ Статья публикуется при финансовой поддержке Научно-образовательного благотворительного фонда «Инновационное интегральное образование» www.integraledu.ru

по себе, нейтральны, т.е. изначально они не несут в себе ни добра, ни зла. Проблема заключается в том, в чьих руках это всё находится и для какой цели оно применяется. К. Саймак и многие другие давно уже высказывались, что проблема не в технологиях, а в их неразумном использовании. В частности, ИИ и ВР широко используются и в качестве информационного оружия, чему в современной истории есть множество примеров. С. Лем говорил об описанных им технологиях ВР как о технике суррогатного удовлетворения желаний, которой можно легко злоупотребить [8, с. 141]. Эти проблемы ярко проявляются в процессе разработки и внедрения гуманоидных роботов. Сценарии подкупа доверия реальны не только для фантастической литературы, через интернет с нами уже работают информационные агенты — боты.

В наиболее общем виде проблема использования и экспансии ИИ и ВР заключается в том, что, если у конкретного человека или целого сообщества только «бытие определяет сознание» (идея, которую продвигал К. Маркс в качестве единственно возможной с теневой целью облегчения задачи управления массами), а индивидуальное или коллективное сознание, в свою очередь, подпав под магию этой идеи, ни в коей мере не определяют их бытие, возникает ситуация возможности порабощения такого человека или целого сообщества другими людьми, стоящими на более высокой стадии интеллектуального развития, владеющими методологией изменения своего и чужого бытия силой своего сознания и средствами современных информационных технологий. При этом возникает иллюзия, что во всем виноваты технологии. Появляется мнение, что: «Технологии, изменяя окружающий мир, всегда «корректируют» самого человека, приспособлявая его к измененной среде обитания. Техносфера порабощает своего создателя, подчиняя его законам собственной эволюции ... Современный Запад, если можно так выразиться, заключил сделку с машинами — конструкциями, состоящими из запчастей и потенциалов, безжизненными по определению.» [12, с. 36].

Это, разумеется, эмоциональная, но все та же марксистская оценка происходящего (бытие определяет сознание), не приводящая к его пониманию. На самом деле всегда есть те, кто хочет править другими и всем миром, регламентируя бытие масс, а это легче всего сделать, опережая других в образовании и, как следствие, в разработке новых, недоступных для других технологий информационного, энергетического и, в целом, субстанционального воздействия. Запад не заключал сделку с машинами, он их создавал, стараясь не потерять в этом процессе лидирующих позиций, а значит и не потерять власть над другими. По существу — это война (несанкционированные действия в чужой системе), которую можно назвать информационно-технологической,

и которая всегда камуфлируется благими намерениями. Например, так называемое «трансгуманистическое» движение, под видом помощи немощным или инвалидам, идет по пути создания киборгов, а в перспективе искусственных существ с именем Человек. Планируется и осуществляется сращивание человека с машиной путем внедрения в человеческую плоть различного рода технических средств и введения в механические системы различных органов человека. Технологии позволяют человеку использовать разработанные инструменты уже не как органопроекции, а как часть самого себя: искусственные конечности, управляемые мыслью; усилители ума... Человек перестает непосредственно ощущать свой главный поведенческий инструмент — свое биологическое тело — форму своей проявленной жизни, не говоря уже о душе и духе.

Есть и более «смелые» проекты глубокого вмешательства в человека и сохранения его сознания в памяти компьютера, но это уже проявление глубокого невежества и психической патологии, поскольку нельзя заменить бесконечное (человеческое сознание) конечными средствами, а ИИ это всего лишь конечное средство осуществления логических операций в системе языка, имеющего конечный алфавит. В связи с этим и говорится, что «Компьютерные фанаты в лабораториях ИИ, которые считают сами себя всего лишь более сложными компьютерными программами и хотят загрузить себя в компьютер, должны поостеречься, ибо всем будет безразлично, если их потом выключат навеки». [20, с. 93].

В то же время на самом деле существует риск своего рода «саморазвития» ИИ, обретения им внешнего подобия человеческого «физического разума» [20] с непредсказуемыми последствиями. Когда вычислительное устройство коллективными усилиями разработчиков оборудования и программного обеспечения вырастет в своих функциях до сверхинтеллекта, он получает от коллективного сознания разработчиков аппаратных средств и программного обеспечения целый пакет так называемых суперспособностей. К ним относят следующие [6].

Усиление интеллекта (под которым понимается способность логических операций в системе того, или иного языка) до уровня, при котором в компьютер и его программное обеспечение (ПО) закладывается возможность «самосовершенствования» его интеллекта: от использования нечеткой логики, генетических алгоритмов и моделей нейронных сетей, до возможности расширения спектра используемых языков.

Стратегизация: в систему ИИ закладывается возможность выстраивать аналитически и стратегически приоритеты долгосрочных планов. Такой компьютер уже мо-

жет легко «перехитрить» человеческое существо с более низким интеллектом и недостаточно развитым умом.

Социальная манипуляция: машина, снабженная ИИ высокого уровня, становится «мастером» убеждения для многих людей.

Другие возможности включают кодирование и взлом баз данных, исследование возможностей технологий и способность работать в финансовых информационных системах для добычи денег.

Чтобы спрогнозировать возможные последствия такого технологического прогресса в сфере информационных технологий обмена данными, нужно учитывать, что такой ИИ по умолчанию будет не только в разы, но и на порядки превышать возможности естественного интеллекта (мышления в системе языка) обычного человека в каждой из этих областей, уже потому, что ИИ, создаваемый коллективным сознанием продвинутых разработчиков, может одновременно оперировать многими языками (звуковыми, цветовыми, математическими...), в том числе и неизвестными, и непостижимыми для обычного человека.

Всё это достаточно хорошо изучено заказчиками и разработчиками технологий, и, конечно же, теми личностями и их кланами, которые стремятся к безудержной экспансии, прекрасно понимая, что лидирующие позиции в мире можно сохранить только двумя путями: 1) развиваясь всесторонне, информационно и технологически быстрее других с помощью качественного образования; 2) тормозя или вообще обращая вспять средствами ущербного образования развитие тех, против кого направлены военные действия. Естественно, наибольший эффект отрыва от возможных атакуемых конкурентов получается при интеграции этих путей.

Ущербность образования в атакуемой стране легко достигается плавной заменой через агентов влияния, фонды и гранты смыслового значения понятия «образование» (образов знание и создание) с системы трансляции интегральных образов мира и мировых универсалий [9] на систему узкопрофильной профессиональной подготовки с сохранением всем привычных терминов: начальное образование, среднее образование, профессиональное образование, высшее образование... Таким образом само образование исчезает, остается только название, несущее совсем другой смысл, чего не замечают многие, считая, что все идет как и шло ранее, и нет повода для беспокойства. Государственная Дума принимает закон об образовании, а агенты влияния, получая от информационного противника сотни миллионов долларов на реформирование образования в России, спокойно превращают его в систему узкопрофильной

подготовки масс для своих нужд, постоянно внушая всем мысль о том, что образование только тогда хорошо, когда оно нужно бизнесу и когда в нем максимально используются современные ИКТ. На самом деле, ресурсное обеспечение образования, естественно, необходимо, для чего в стране деньги есть, потому как газа и нефти добывается и экспортируется сейчас достаточно для того, чтобы образование было нацелено, как это было в СССР, на воспитание творцов, а не «грамотных пользователей». Даже тогда денег на это хватало. Что касается применения ИКТ, то они полезны для ускорения приобретения и передачи знаний, но и только. Эти составляющие образовательного процесса сами по себе, будучи вспомогательными инструментами, не решают проблемы создания и трансляции интегральных образов мира. Последнее возможно только одним путем — от субъекта к субъекту. С помощью компьютера, телефона, видеокамеры и других средств ИКТ можно передать учащимся только двумерную модель формы объектов мира, которая, естественно, может выглядеть очень привлекательно. Но, никакими конечными средствами нельзя передать то бесконечное, что происходит в сознании этих объектов, в их отношениях с миром. А они все живые. Как писал Ф.И. Тютчев: «Не то, что мните вы Природа, не слепок не бездушный лик. В ней есть душа, в ней есть свобода, в ней есть Любовь, в ней есть язык».

В связи с этим отдельной проблемой является широкое применение информационных технологий якобы для целей обучения, а на самом деле — для отвлечения человека от его внешнего и внутреннего миров, т.е. замена в его сознании естественного жизненного контекста, реальности (мира вещей) и действительности в целом их цифровыми моделями [10]. Соблазнившись возможностями современных технологий в плане обеспечения комфорта в обыденной жизни, «среднестатистический» человек может легко забыть о своей природе, душе и духе, о Природе этого Мира вообще, о том, что такое настоящее образование, а главное не вспомнить в этой конкретной жизни о том, кто он, откуда и зачем он пришёл в эту конкретную жизнь в виде этой конкретной личности. Для такого человека компьютер, как инструмент внешнего программатора, может стать иллюзией друга или заклятого врага, может помочь в беде, а может добавить множество проблем, может помочь найти «единомышленников», а может привести к одиночеству. Живой мир действительности, в силу своего бесконечного многообразия и непостижимой сложности, становится для него непонятным, неприятным и даже страшным. Человек разучивается адаптироваться к действительности, к непосредственным человеческим отношениям. Его взаимоотношения с самим собой и с окружающей средой становятся такими же упрощенными, рациональными, искусственными, как и сам ИИ. Теряется психическое здоровье, вплоть до деструкции личности, как это

происходит, например, с хикикоморе [22]. Такой человек исчезает как представитель своего вида, как подобие Вселенной. Информационные технологии, в частности информационное и поведенческое оружие, позволяют постепенно и незаметно уменьшать его свободу воли (выбора) до нуля, блокируют абстрактно-логическое мышление, делают его биороботом, рабом владельцев технологий. И все это наступает в связи с исчезновением именно образования [2].

Как пишет А. Зиновьев о таких людях: «Весь бытовой аспект жизни западоидов (вид одежды, характер питания, обиходный язык, обстановка жилья, режим дня, виды развлечения, манера обращения с ближними, секс и все прочее) стал формироваться специалистами и специальными учреждениями и через телевидение, кино, литературу, газеты, лекции, рекламу навязываться тотально всему населению так, что избежать этого воздействия стало невозможно. В сочетании с упрощенным и шаблонным образованием это дало желаемый эффект стандартизации бытового поведения западоидов до такой степени, что их стало так же трудно индивидуализировать, как муравьев» [3, с. 340].

К сожалению, на самом деле сейчас, в связи с фактическим отсутствием препятствий для передачи информации в виде данных этот процесс превращения человеческих масс в социальных роботов уже зашел настолько далеко, что таких людей, пораженных информационным оружием и средствами высоких информационных технологий достаточно много в любой стране и не только на западе, но и на востоке, севере и юге.

Поскольку жизненный контекст человека является важнейшим фактором развития его сознания, именно он подвергается массивной оцифровке в процессе роботизации человека, дабы заменить в его сознании интегральные образы Мира действительности на совокупность её цифровых моделей, что приводит к колоссальному регрессу целого ряда функциональных систем мозга, переходящих в рудимент в связи с невосстановленностью. В связи с этим в плане сохранения именно человеческой жизни на Земле, первостепенной проблемой является определение границ применения искусственных интеллектуальных систем в сфере человеческой активности. Эти границы человеку невозможно определить на основе ущербного узкопрофильного образования, но он может их проявить до очевидности с позиции интегрального образования [9, 16, 17, 18], обеспечивающего подготовку универсальных специалистов [14] путем интегрального видения мировых универсалий — незыблемых законов и принципов мироздания, пронизывающих не только мироустройство в целом, но и устройство каждого человека, всё его существование.

С позиции мировых универсалий только и можно рассмотреть вопрос об определении границ использования ИИ, VR и других продуктов технокультуры, для чего необходимо учесть известные стадии развития ума, разума и интеллекта существ, имеющих на Земле человеческую форму существования и развития [17, 18]: архаический ум (собираательные сообщества), магический ум (зарождение идеи: «Нам не надо ждать милости от Природы, взять их у неё — наша задача»); мифический ум (власть мифа над сознанием и поведением); рациональный ум (в мире есть только то, что можно ощутить сенсорными системами или познать с помощью оргопроекции, как средств вспоможения ума); плюралистический ум (форм жизни множество и всё имеет право на жизнь); холистический ум (все в мире взаимосвязано и взаимозависимо) надличностный ум (исчезает иллюзия личности как Я); каузальный ум (видение причин происходящего); недвойственный ум (исчезает иллюзия дуальности мира)...

Обозначенная выше проблема существует, в основном, на первых четырех стадиях развития человеческого ума и сознания в целом, поскольку именно на этих уровнях развития сознания, ума, физического разума и интеллекта не все четыре «ока познания» [17] включены в процесс осознаваемого восприятия мира.

У «архаика» (состояние библейского Адама) прекрасно работают око тела, души и духа, вследствие чего он слит со своим жизненным миром, который дает ему все, что нужно для жизни, но древо познания ему недоступно, око ума ещё не родилось.

Маг обнаруживает в себе око ума, в связи с чем у него и возникает ложная идея о том, что он может управлять всем и брать от Природы любые милости, не ожидая, когда она их сама даст. При завершении освоения магической стадии маг видит ограничения своих возможностей.

Человек с мифическим сознанием уже понимает, что он не в силах управлять всем, что есть кто-то выше, кто управляет мирозданием. Отсюда в его сознании прорастает идея персонифицированного Бога, которому надо подчиняться по известным другим правилам и законам, а, следовательно, собственные очи души и духа оказываются ненужными, и со временем они переходят в рудимент, что ускоряется приемом алкоголя, табака, тяжелой пищи и т.п. Соединяющая с Миром весть (совесть) постепенно утрачивается. В финале этого процесса человек становится рационалистом и атеистом, поскольку почувствовать или увидеть Бога ему нечем. Очи души и духа для осознаваемого восприятия закрыты полностью, и в энергоинформационных обменах с Миром ему остается полагаться только на сенсорные и семантиче-

ские системы, с помощью которых воспринять сигналы Бога непосредственно — невозможно. В связи с этим и появляются всевозможные наставники на «путь истинный», позиционирующие себя в качестве «посредников» между Богом и мирянином. А меж тем Бог Сам предлагает человеку общаться на языке обстоятельств, но Его знаки рационалист (особенно начинающий) просто игнорирует, списывая все «совпадения» на результат стохастических процессов. Возникает устойчивая ситуация, в которой человек «не ведает, что творит», и от этого невежества и проистекает все зло и все его проблемы, на что и указывали мудрецы всех времен.

Каждая из первых четырех стадий развития являлась в свое время показателем нового этапа эволюционного развития человека, а через определенный исторический период, как это ни парадоксально, его тормозом, потому как человеку свойственна привязанность к тому, что им достигнуто и что привнесло в его жизнь новые возможности и своего рода «удобства». В то же время функциональная система мироздания непрерывно эволюционирует, и, если человек не переходит вместе с ней на более высокую стадию развития своего ума и разума, он неизбежно гибнет как функционально не соответствующий элемент системы, превращаясь по своему статусу в «злокачественное» образование. Не надо надеяться, что мы можем избежать действие Богом созданных законов — Его универсалий, но поверхностно мыслящий ум в возможность этого свято верит, все более привязываясь к достигнутому техноферному комфорту.

Так было всегда, и рациональность была освоена человеком не потому, что ему надоело быть архаиком и магом, а потому что нашими «воспитателями» были предприняты соответствующие задаче экстраординарные меры, о чем и гласит Первая книга Моисея «Бытие», Ветхого завета, согласно 9-му разделу которой «Ной начал возделывать землю и посадил виноградник; и выпил он вина, и опьянел, и лежал обнаженным в шатре своем. И увидел Хам, отец Ханаана, наготу отца своего, и выйдя рассказал двум братьям своим.», за что Ной проспавшись проклял Ханаана. Что же послужило поводом для проклятья?

В этом коротком отрывке содержится, на наш взгляд, ключ к пониманию метода, с помощью которого человек, не ведая, что творит, попал в условия жесткой необходимости развивать в себе око ума, разума и интеллекта, т.е. идти к рациональности через принятие мифа, ради своего выживания. Суть метода в том, что алкоголь, даже в ничтожных долях, сворачивает осознаваемую активность мозга, как интерфейса между телом и сознанием человека, до долей одного процента от возможно. Столь малый ресурс недостаточен для осознанного

восприятия мира оком души и духа. Эти очи познания немедленно закрываются для осознанности, и человек оказывается «нагим», утратившим свою психоэнергетическую и информационную защиту, в чем легко убедиться любому добросовестному исследователю с помощью метода газоразрядной визуализации психофизиологического состояния человека [7]. Это и было большой тайной, которой Хам, по простоте душевной, поделился со своими братьями, за что его сын и был проклят, дабы другим было неповадно обсуждать этот вопрос и распространять тайну дальше.

А дальше все пошло по плану. Не имея в своем арсенале основных средств интегрального видения мира (ока души и ока духа), человек вынужден был принимать многое «на веру». Так и начало развиваться мифическое сознание. Когда человек обрел достаточный уровень логического мышления, церковные мифы перестали его устраивать, тогда их и заменили в его сознании на мифы классической и неклассической науки. По сути ничего не изменилось. Среднестатистический рационалист — это человек с мифическим складом мышления, использующий свой интеллект для обоснования своего поведения и убеждения себя в том, что по каждому вопросу есть только два мнения — его и ошибочное. Застылая картина мира в представлениях человека — есть первый признак мифического состояния сознания, поскольку на самом деле мир все время изменяется.

Поскольку рациональность в человеке опирается на физический разум (фрагментатор мира) [20] и на его подсистему «интеллект», рационалист всегда стоит перед проблемой принятия любых решений, имеющей две стороны — недостаток необходимой для принятия решения информации и избыток мотивов [13]. Решение этой проблемы возможно только одним путем — актуализацией ока души и ока духа с опорой на достигнутую рациональность, дабы перейти в состояние ведания, в состояние понимания. Диссоциация от рациональности чревата, как показал К. Уилбер [18, 19], попаданием в состояние «до/над заблуждения», в котором феномены мифического сознания воспринимаются человеком как феномены сознания надрационального.

Необходимо отметить, что те же силы, которые вели нас к освоению рациональности, следуя эволюционному процессу, сейчас предпринимают огромные усилия, чтобы помочь человеку отказаться от применения упомянутых и неупомянутых средств угнетения ока души и ока духа, время которых уже истекло, и освоить надрациональные уровни развития сознания. Но человек в массе своей привязался к рациональности, к иллюзии технокультурного комфорта, поэтому рациональность и тормозит его дальнейшее развитие.

Из рассмотренного следует и ответ на вопрос о границах использования систем ИИ, VR и других современных средств ИКТ. Если использование этих средств затормаживает актуализацию собственных возможностей человека, особенно актуализацию ока души и ока духа, от их применения следует отказаться, дабы не отстать от эволюционного процесса и не уйти в небытие.

Подводя итоги данного анализа перспектив развития информационных технологий и технокультуры в целом, можно сделать следующие выводы.

Согласно этическим учениям человек создан по образу и подобию Бога и содержит в себе его «Искру», т.е. он, как и Бог,— творец. Но его сознание определяет его бытие в той степени, в которой у него проявляется эта Искра Божья — Божественная творческая сила, изменяющая мир. При единении индивидуальных сознаний в коллективное сознание (субъективное Мы), как отмечали многие, например В.И. Вернадский и Пьер Тейяр де Шарден [1, 11], творческие возможности человечества многократно возрастают. В силу этого человечество может создать себе любое будущее — от процветающего, до гибельного.

Любые органопроекции не только останавливают в человеке развитие того органа, проекцией которого они являются, но в преобладающем большинстве случаев запускают и процесс его регресса вплоть до рудиментарного состояния, из которого его вывести и заново актуализировать очень сложно, поскольку падение всегда легко, просто и не требует ресурсных затрат, а подъем требует мобилизации многих не только активных, но и потенциальных ресурсов, которые человеку далеко не всегда можно в себе открыть или обрести. Простейшим примером тому служит привязанность человека к ношению очков при давно и детально разработанной методологии восстановления зрения без очков.

Рациональное мировоззрение и рациональное мышление — это инструменты и соответствующие этапы эволюции человеческого сознания, человеческого духа, самого человека в целом как вида. Если допустить ситуацию, при которой инструменты мастера начинают управлять самим мастером, то последний перестает быть самим собой. Если такие инструменты как искусственный интеллект и средства виртуальной реальности начнут доминировать в области принятия решений, человек также превратится в массу своей в первобытное существо, двигаясь назад — от рациональности к мифическому сознанию и далее — к архаическому состоянию и мировоззрению в существенно ухудшенном с помощью технических средств его варианте по сравнению с архаическим сознанием аборигенов, у которых ока души и ока духа не подверглись редук-

ции средствами информационно-коммуникационных технологий.

Собственно, этот процесс мы уже наблюдаем, и он развивается очень активно: обыватели перестают мыслить и только повторяют мифы, транслируемые средствами массовой информации; на проблемные вопросы они ищут ответы с помощью СМИ или информационных систем широкого доступа, в которых научный или околонаучный миф всегда тяготеет к доминированию над действительностью; поведенческие штампы и стандарты ими также используются из тех же источников; интегральная система восприятия мира (око тела, око ума, око души, и око духа) за ненадобностью редуцирует до диады — «сенсорные системы + физический разум», что ускоряется применением алкоголя, табака, жевательной резинки, отупляющих звуковых ритмов и других легализованных психоактивных веществ.

При этом уровня развития рациональности «пользователей» вполне хватает, например, чтобы понять, что ребенку нельзя доверять управление автомобилем и другими средствами обеспечения бытового комфорта. Но этого уровня не хватает для того, чтобы оградить детей от смартфонов, которые предлагаются пользователям в качестве средств мобильной связи, а на самом деле чрезвычайно опасны для развития детей (да и многих взрослых), поскольку вытесняют из осознаваемых процессов ребенка, как и любого человека вообще, задачу интегрального восприятия мира и конкретной действительности, заменяя её на задачу восприятия и обработки цифровых моделей жизненного контекста в виде компьютерных игр или бесчисленных видеофрагментов, что приводит к катастрофической задержке развития в мозге подсистем интегрального мировосприятия. Этот процесс достаточно ясно иллюстрируется на примере истории появления и распространения в Японии, а затем и во всем мире, феномена «хикикоморе» [22].

Процесс регресса большинства из человеческого населения Земли может ускоряться в следствие того, что динамически развивающиеся информационные технологии и средства коммуникации разрабатываются коллективным сознанием высокого рационального и надрационального уровней, а попадают к пользователям, чье индивидуальное сознание существенно отстает в своем развитии от коллективного сознания разработчиков, в связи с чем набирает скорость процесс создания и массового применения информационных средств теневого воздействия на сознание человека, применяемых для упрощения управления социальными системами [15 и мн. др.].

Таким образом, современная человеческая цивилизация неукротимо приближается к точке бифуркации, ускоряемая на этом пути средствами современных

информационных технологий и, в особенности, средствами искусственного интеллекта и виртуальных реальностей. В этой точке нелинейного, скачкообразного перехода накопленного количества в новое качество человек уже не сможет радикально влиять на ход процесса в силу его скоротечности на фоне инерционности индивидуального мировоззрения. Нужно использовать настоящий момент для сложного выбора между иллюзией роботизированного, «благополучного», комфортного существования, неизбежно ведущего к регрессу осознанности, и острой необходимостью остаться в мировом эволюционном процессе путем ускорения интегрального саморазвития собственного сознания.

Естественная среда обитания в этом эволюционном процессе играет ключевую и незаменимую роль, поскольку она обладает практически не исследуемой средствами рационального познания многомерностью и, как следствие, уникальностью каждого её фрагмента и каждой ситуации. Нам остается только воспользоваться этим даром Природы и выстраивать свою жизнь и свое развитие не с позиции противодействия этому жизненному миру, а с позиции сотрудничества с ним, соблюдая его основные законы, выполняющие функции мировых универсалий, и следуя экологической этике [17. С. 220–221], дающей право на жизнь и сохранение своей цельности всему сущему.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста. М.: Наука, 1988.— 520 с.
2. Дугин А. Г. Конец образования, электронный ресурс: <https://rutube.ru/video/c46ea4c0d879a836f8fcb864be21682/>. 17 апр. 2009 г.
3. Зиновьев А. А. На пути к сверхобществу СПб.: Нева, 2004.— 608с.
4. Известные ученые и инвесторы предупредили об угрозах искусственного интеллекта // URL: <http://www.vedomosti.ru/technology/articles/2015/01/13/ugrozy-iskusstvennogo-razuma> 13 января 2015
5. Илон Маск: Разработка ИИ сродни призыву демонов URL: <https://hi-news.ru/technology/elon-mask-razrabotka-ii-srodni-prizyvu-demonov.html> 27 Октября 2014
6. Искусственный интеллект. Часть первая: путь к сверхинтеллекту URL: <https://hi-news.ru/research-development/iskusstvennyj-intellekt-chast-pervaya-put-k-sverxintellektu.html> 17 Февраля 2015
7. Коротков К. Г. Основы ГРВ биоэлектрографии.— СПб: СПбГИТМО (ТУ), 2001.— 360 с.
8. Лем С. Сумма технологий// Изд-во: Terra Fantastica, АСТ, 2002,— 668с.
9. Непомнящий А. В. Интегральное образование: методологические основания, концепция, принципы и пути реализации // Таганрог: Изд-во ЮФУ, 2016.— 96 с. электронный ресурс: <http://www.integraledu.ru>
10. Непомнящий А. В. Роль цифровых моделей жизненного контекста в процессе социализации личности. Научно-образовательный и прикладной журнал «Культура. Наука. Интеграция». — Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2017. — № 1(37). — С. 9–29.
11. Пьер Тейяр де Шардён Феномен человека, — М.: Наука, 1987,— 540 с.
12. Ревко П. Искусственные интеллектуальные системы и повседневная жизнь человека. Таганрог: Изд-во ТТИ ЮФУ, 2009.—130 с.
13. Основы инженерной психологии: Учеб. для техн. вузов/Б.А. Душков, Б. Ф. Ломов, В. Ф. Рубахин и др. Под ред. Б. Ф. Ломова. 2-е изд. доп. и перераб.— М.: Высшая Школа, 1986.— 448 с.
14. Ротштейн Л. Универсализм как недостающее звено современного образования// Электронный научный семинар.— Израиль, 13.08.2010, Электронный ресурс: http://www.elektron2000.com/rotshtein_0186.html
15. Талер, Ричард. Новая поведенческая экономика: почему люди нарушают правила традиционной экономики и как на этом заработать / Ричард Талер; [пер. с англ. А. Прохоровой]. М.: Эксмо, 2018. — 384 с.: ил. — (Top Economics Awards)
16. Уилбер К., Паттен Т., Леонард А., Морелли М. Практика интегральной жизни. Модель физического здоровья, эмоционального баланса, умственной ясности и духовного пробуждения для двадцать первого века. Электронное издание. Электронный ресурс www.ipraktik.ru 2014.
17. Уилбер К. Краткая история всего// Кен Уилбер; пер. с англ. С. В. Зубкова — М.: АСТ, Астрель — 2006,— с.
18. Уилбер К. Теория всего. Интегральный подход к бизнесу, политике, науке и духовности /Пер. с англ. Е. Пустошкина.— М.: ПОСТУМ, 2013.— 256 с.
19. Уилбер К. Око духа: Интегральное видение для слегка свихнувшегося мира/ Пер с англ. В. Самойлова; Под ред. А. Киселева.— М.: ООО «Издательство АСТ» и др., 2002.— 476 с. (Тексты трансперсональной психологии).
20. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее. Последствия биотехнологической революции. М., 2004.
21. Шри Ауробиндо. Собрание сочинений. Т. 1. Биография. Глоссарий. Пер. с англ.— СПб.: Издательство «Адити», 1998.— 571 с.
22. Suwa, Mami; Koichi Hara (2007–03–01). «'Hikikomori' among Young Adults in Japan: The importance of differential diagnosis between primary Hikikomori and Hikikomori with High-functioning Pervasive Developmental Disorders.». (Medical and Welfare Research) 3: 94–101.

© Непомнящий Анатолий Владимирович (pibgtsu@mail.ru), Домбрин Игорь Михайлович (dombrin@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИССЛЕДОВАНИЕ КОГНИТИВНОГО РЕСУРСА И ДОМИНИРУЮЩЕГО СТИЛЯ УПРАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ЖЕНЩИН-РУКОВОДИТЕЛЕЙ

RESEARCH OF THE COGNITIVE RESOURCE AND THE DOMINATING MANAGEMENT STYLE OF THE MODERN FEMALE HEADS

*Ju. Chekh
S. Filipchenkova*

Summary. Features of the cognitive sphere and the dominating style of administrative activity are studied (on the example of the commercial and state organizations of the Tver region). The cognitive resource as specific individual style of thinking of female heads was studied by means of A.A. Alekseev and L. A. Gromova's technique. With use of a technique of A. A. Yershov and O. V. Evtikhov the preferred styles of administrative activity of female heads are revealed. The analysis of the results received during psychodiagnostic testing has shown that female heads at the solution of questions prefer to use analytical and realistic styles of thinking. The dominating style of administrative activity at investigated is the initiative style which is characterized by simultaneous prevalence of orientation of the head to business and on itself (himself). Female heads are very initiative and persistent, above all appreciate business qualities at the subordinates, are capable to achieve good results in activity, timely and high-quality performance of a task by all group of employees. Female managers can observe external official formal manifestations of administrative activity of the head, namely, to emphasize the status of the head in interaction and communication with subordinates, to observe a big distance with employees, to develop, strengthen and keep the authority on collective.

Keywords: management style; head; individual style of thinking; female head; administrative activity.

Чех Юлия Юрьевна

*Руководитель, компания «Психологический центр Юлии Чех», аспирант, ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет»
chehyula@gmail.com*

Филиппченкова Светлана Игоревна

*Д.псих.н., доцент, ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет»
sfilippchenkova@mail.ru*

Аннотация. Изучены особенности когнитивной сферы и доминирующего стиля управленческой деятельности (на примере коммерческих и государственных организаций Тверского региона). Когнитивный ресурс как специфический индивидуальный стиль мышления женщин-руководителей изучался с помощью методики А.А. Алексеева и Л. А. Громовой. С использованием методики А. А. Ершова и О. В. Евтихова выявлены предпочитаемые стили управленческой деятельности женщин-руководителей. Анализ полученных в ходе психодиагностического исследования результатов показал, что женщины-руководители при решении вопросов предпочитают использовать аналитический и реалистический стили мышления. Доминирующим стилем управленческой деятельности у исследуемых является инициативный стиль, который характеризуется одновременным преобладанием ориентации руководителя на дело и на себя. Женщины-руководители очень инициативны и настойчивы, превыше всего ценят деловые качества у своих подчиненных, способны добиваться хороших результатов в деятельности, своевременного и качественного выполнения задания всем коллективом сотрудников. Женщинам-руководителям свойственно соблюдать внешние официальные формальные проявления управленческой деятельности руководителя, а именно, подчеркивать свой статус руководителя во взаимодействии и общении с подчиненными, соблюдать большую дистанцию с сотрудниками, развивать, укреплять и сохранять свой авторитет в коллективе.

Ключевые слова: стиль управления; руководитель; индивидуальный стиль мышления; женщина-руководитель; управленческая деятельность.

Современная психология управления постулирует тот факт, что наличие неких общих, внегендерных (или инвариантных) личностных качеств способствует успешному руководству. К таким инвариантным качествам относятся умение вести за собой, умение принимать решения и брать на себя ответственность, интуиция. Однако до сих пор дискуссионным остается вопрос о том, в какой мере указанные качества присущи женщинам и мужчинам. Психологи полагают, что женщины превосходят мужчин по умению решать одновременно несколько дел и концентрироваться на различных мероприятиях одновременно, а также по умению планировать, организовывать повседневность. Это связано

с природой женщины, являющейся, прежде всего, матерью и вынужденной отстаивать интересы своей семьи и детей. Другой особенностью женщин является их более высокая коммуникабельность. Все эти обобщенные характеристики приведены в работе психолога К. Хорни [10], психология деловой женщины достаточно полно изучена в работах М. Хеннинг и А. Жарден [13, с. 101].

Преобладание определенных психологических качеств детерминирует стратегии и стили управления мужчин и женщин. Определено, что эти стратегии и стили различны. По мнению исследователей, стратегически мужчины в большей степени ориентированы на реше-

ние конкретной задачи, в то время как женщины, помимо решения данной задачи, фокусируют внимание на деталях взаимоотношений между членами коллектива. Мужчины ориентированы на результат, в то время как женщины акцентируют внимание не столько на результатах, сколько на процессах [9, с. 97]. Различия в стратегиях и стилях управления мужчин и женщин обусловлены, в том числе, уровнем развития самокритики: мужчины более уверены в себе, в то время как у женщин, как полагают психологи (выявлено на основании теста Т. Лири), уровень самокритики выше [7].

Исследования показывают, что различия в стилях управления у мужчин и у женщин сводятся, прежде всего, к уровню их авторитарности. Согласно исследованиям, женщины чаще используют методы убеждения и реже прибегают к авторитарному стилю управления. Решение конфликтных ситуаций у женщин сводится к поиску компромисса, в противовес принуждению [8]. Мужчины стремятся к иерархии, соревнованию, в то время как женщины более ориентированы на договоренности и горизонтальные связи [1]. В целом, женщина-руководитель способна более чутко вести руководство и сделать отношения в коллективе более доверительными [1]. В исследовании О. В. Котомановой также отмечается, что стили руководства мужчин и женщин различны: женщина-руководитель более законопослушна, дисциплинирована, в меньшей степени склонна злоупотреблять своим служебным положением [4, с. 134].

Отметим, что все выше приведенные выводы не являются, конечно же, абсолютными: они апробированы лишь на небольших выборках руководителей, в связи с чем, имеют ограничения по экстраполяции.

Вообще, в современной психологии существуют два основных подхода к трактовке управленческих качеств женщин и мужчин. При первом подходе женщина рассматривается в ипостаси борца за карьерное равенство, где она отстаивает свои права на наличие «чисто мужских качеств», необходимых для руководителя (феминистический подход). Согласно другому подходу, построение управленческой карьеры не зависит от наличия «чисто мужских» или «чисто женских» психологических качеств, просто управленцы разного пола по-разному выстраивают свою карьеру ввиду необходимости сочетания ролей управленца и матери (гуманистический подход) [6, с. 81]. Действительно, ряд исследований подчеркивает «материнский» характер управления женщин, где они пытаются совместить две социальные роли (руководителя и женщины-матери) [3, 5].

Таким образом, не следует говорить о предрасположенности женщин или мужчин к эффективному руководству; скорее, следует считать, что существу-

ют психологические черты, которые способствуют эффективному руководству женщины и психологические черты, способствующие эффективному руководству мужчин. Так, в работе А. Е. Чириковой данные различия представлены в виде некой иерархии деловых качеств, свойственных эффективному руководителю-женщине и руководителю-мужчине (1998) [11]. Для женщин первые три позиции деловых качеств заняли компромиссность и гибкость; уверенность в своей миссии; умение принимать ответственность и действовать в ситуации риска и конфликта. Соответственно, для мужчин первую тройку качеств успешности руководства составили готовность к изменениям и нововведениям; умение навязать свою позицию (доминирование); умение находить выгоду в ситуации правил и ограничений [13].

Целью проведенного нами психодиагностического исследования являлось выявление специфического индивидуального стиля мышления женщин-руководителей как их когнитивного ресурса, а также доминирующего стиля управленческой деятельности.

Психодиагностический комплекс составили следующие методики: методика диагностики индивидуальных стилей мышления методики А.А. Алексеева и Л.А. Громовой методика диагностики стиля управленческой деятельности А.А. Ершова и О.В. Евтихова.

База исследования: ООО «Волжский терминал», компания «Звезда групп», ООО «Текос», Министерство туризма Тверской области, частная компания «Бренд-бюро Статус», Тверской холдинг «Афанасий». В исследовании приняли участие 100 человек, все женщины, занимающие руководящие позиции в частных компаниях, государственных учреждениях и собственники бизнеса. В возрасте от 22 до 62 лет. Средний стаж работы 20 лет.

Результаты психологической диагностики, направленной на определение индивидуальных особенностей мышления у женщин-руководителей, демонстрируют следующие специфические особенности их когнитивного ресурса. Авторы методики А.А. Алексеев и Л.А. Громова разработали данный тест для определения предпочитаемого способа мышления, манеры задавать вопросы и принимать решения. Психодиагностическая методика содержит 18 неоконченных утверждений, касающихся различных способов принятия решений. Каждому утверждению предлагается 5 возможных вариантов окончаний, соответствующих различным стилям мышления. Тот стиль мышления, который в сумме набрал большее количество баллов, в сравнении с остальными, и является предпочтительным для сотрудника. Исследование, направленное на определение индивидуальных особенностей мышления у женщин руководителей по Тверской области выявило следующую картину:

Таблица 1. Средние показатели по индивидуальным стилям мышления у женщин-руководителей организаций Тверского региона

Переменные	Результаты			
	Минимум	Максимум	Среднее	Стд. отклонение
Синтетический	47,0	64,0	47,29	4,99
Идеалистический	44,0	66,0	52,45	4,65
Прагматический	41,0	65,0	54,78	5,53
Аналитический	39,0	69,0	58,37	7,35
Реалистический	40,0	65,0	57	6,38

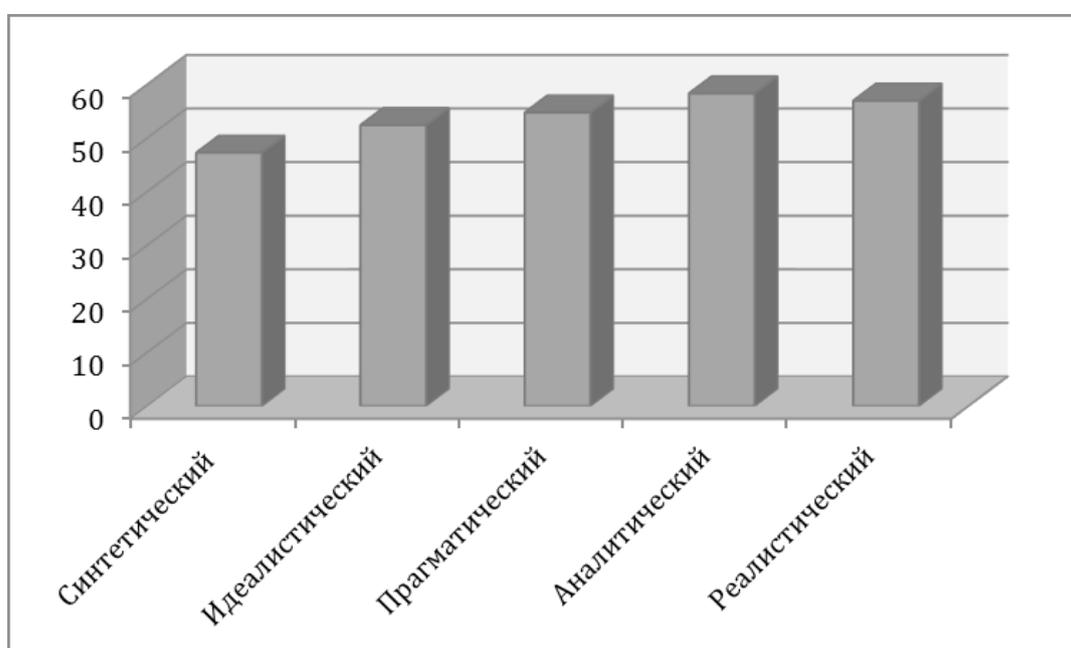

Рис. 1. Распределение показателей шкал по индивидуальным стилям мышления у женщин-руководителей организаций Тверского региона

Испытуемые при решении вопросов предпочитают использовать аналитический и реалистический стиль. Такие результаты подтверждаются тем, что на испытуемых лежит ответственность за принятие решения и выполнение поставленных задач, поэтому они чаще используют аналитический стиль мышления, так как ориентированы на систематическое и всестороннее рассмотрение вопроса или проблемы в тех аспектах, которые задаются объективными критериями. К принятию решений они подходят рационально. Идеалистический стиль мышления испытуемые чаще используют в работе с личным составом, когда нужно учитывать субъективные и социальные факторы, решать такие проблемы, где важными являются эмоции, чувства, оценки и прочие субъективные моменты.

К идеалистическому, синтетическому и прагматическому стилям мышления испытуемые прибегают несколько реже. Эти стили в основном ориентированы только на признание фактов, на непосредственный личный опыт, на использование той информации, которая легко доступна и эти стили используют в тех случаях, когда необходимо быстрое получение конкретного результата (пусть и ограниченного).

Проведено исследование предпочитаемых стилей управления среди женщин руководителей Тверской области. Методика «Стили Управления» создана психологом труда А. А. Ершовым и определяет направленность руководителя на дело, на межличностные контакты, на себя или на официальную субординацию. Позднее

Таблица 2. Средние показатели стиля управления у женщин-руководителей организаций Тверского региона

Переменные	Результаты			
	Минимум	Максимум	Среднее	Стд. отклонение
Д	3	11	6,86	1,92
К	0	5	2,97	1,35
С	3	8	5,70	1,25
О	2	8	4,56	1,96

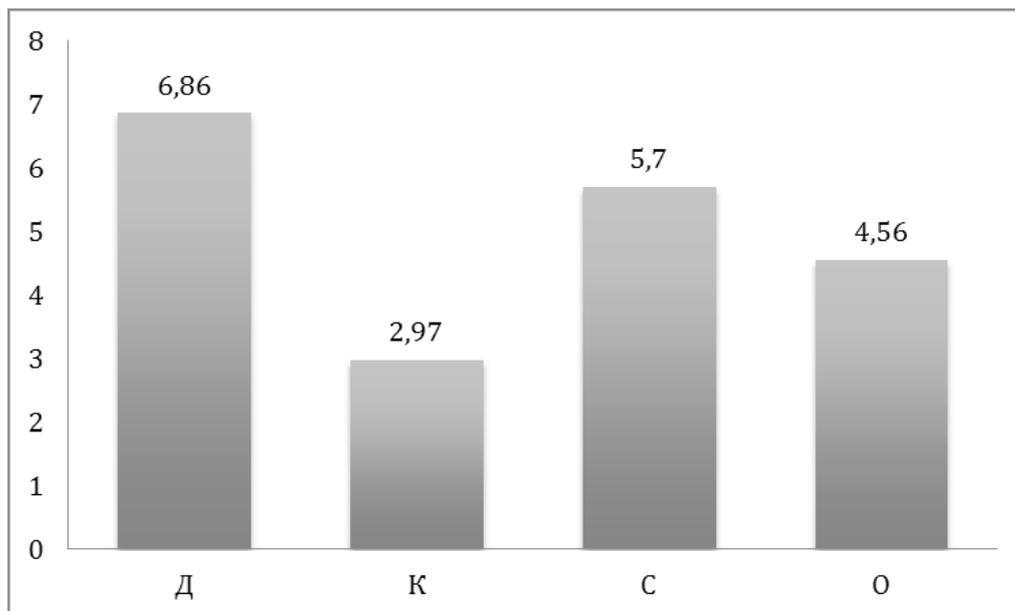

Рис. 2. Распределение показателей шкал стиля управления у женщин-руководителей организаций Тверского региона

данный тест был адаптирован О.В. Евтиховым, который изменил формулировки, сделал их более актуальными, и добавил интерпретацию, касающуюся различных стилей управления.

Исследование, направленное на определение предпочтительного стиля управления выявило следующую картину.

По шкале Ориентация на дело (Д) средний групповой показатель равен 6,86 балла. Высокий показатель по этой шкале характеризует высокий уровень компетентности человека, способность к самостоятельному принятию решений, личную продуктивность.

По шкале Ориентация на межличностные контакты (К) средний групповой результат равен 2,97 балла. Низкое значение по данной шкале указывает на низкую воспитательную, гуманную направленность в работе у испытуемых, их нежелание или неумение делегировать

полномочия, вовлекать членов коллектива в процесс принятия решений.

По шкале Ориентация на себя (С) средний групповой результат равен 5,7 балла. Такой результат характеризует наличие у испытуемых стремления реализовывать себя в руководящей работе, добиться личных целей, стремления к самостоятельности и независимости.

По шкале Ориентация на официальную субординацию (О) средний групповой результат равен 4,56 балла. Это может указывать на то, что испытуемым свойственно соблюдать внешние проявления деятельности руководителя, а именно, казаться руководителем, соблюдать большую дистанцию с подчиненными, сохранять авторитет любой ценой.

Таким образом, можно сделать вывод, что большинство исследуемых при решении вопросов чаще склонны применять инициативный стиль управления. Данный

стиль управления характеризуется одновременным преобладанием ориентации руководителя на дело и на себя. Такой руководитель очень инициативен и настойчив, превышает всего ценит деловые качества, способен добиваться хороших результатов в деятельности, своевременного и качественного выполнения задания всем коллективом (особенно если это подкреплено личным авторитетом). Испытуемым свойственно соблюдать внешние проявления деятельности руководителя, а именно, казаться руководителем, соблюдать большую дистанцию с подчиненными, сохранять авторитет любой ценой. Однако необходимо помнить, что ориентация на чисто деловые отношения с подчиненными оказывает отрицательное воздействие на коллектив. Поэтому благоприятный социально-психологический климат в коллективе возможен, если его руководитель окажется

способным периодически переключаться и на решение социально-психологических задач.

В итоге, опираясь на полученные результаты можно отметить, что женщины-руководители при решении вопросов предпочитают использовать аналитический и реалистический стили мышления. Доминирующим стилем управленческой деятельности у исследуемых является инициативный стиль, который характеризуется одновременным преобладанием ориентации руководителя на дело и на себя. Женщины-руководители очень инициативны и настойчивы, превыше всего ценят деловые качества у своих подчиненных, способны добиваться хороших результатов в деятельности, своевременного и качественного выполнения задания всем коллективом сотрудников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блашенкова В. С., Макастрова Н. С. Женщина-руководитель: некоторые проблемы и пути их решения [Электронный ресурс] — Режим доступа URL: http://www.profiz.ru/sr/10_2008/zhenschina_rukovodite/ (дата обращения 03.01.16).
2. Кибардин М. Женщина-руководитель: «плюсы» и «минусы» [Электронный ресурс] — Режим доступа URL: <http://scientific.ics.org.ru/6-aprel/zhenshchina-rukovoditel-plyusy-i-minusy> (дата обращения 23.12.2016).
3. Комаров, Е. И. Женщина-руководитель / Е. И. Комаров. — М., 2004;
4. Котоманова О.В. О равных правах и возможностях руководителей (мужчин и женщин) // Вестник Бурятского государственного университета. — 2014. — № 5. — С. 132–133.
5. Мишель П. Женская психология / П. Мишель. — СПб.: АСТ, 2007
6. Моор С. М. Женщина на пороге XXI в.: гендерные исследования социально-экономических проблем. — Тюмень, 1999. — 120 с. — С. 81
7. Мужчины и женщины управляют по-разному: [Электронный ресурс] // Деловые тесты. Режим доступа: <http://www.businessstest.ru/art.asp?id=221> (дата обращения: 31.01.2017)
8. Ткачев И. Женщина-начальник: хорошо или плохо? Точка зрения мужчины [Электронный ресурс] — Режим доступа URL: <http://shkolazhizni.ru/archive/0/n-61609/> (дата обращения 04.02.17).
9. Хайруллина А. Д., Хайруллина Я. Ф. Гендерные особенности лидерского поведения женщин-руководителей в современном менеджменте // Электронный экономический вестник № 1 (январь-март 2014 года). С. 97 (С. 94–102)
10. Хорни К. Психология женщины. — М.: Академический проект, 2010. — 213 с. С. 125.
11. Чирикова А. Женщина во главе фирмы. М.: РАН, 1998.
12. Чирикова А. Е. Стили лидерства: «двойной репертуар» управленческих технологий успешного менеджера. — URL: <http://hr-portal.ru/article/sushchestvuet-lizhenskiy-stil-rukovodstva-i-kakov> (дата обращения 06.02.2017)
13. Щепаньский Я. Женщины-руководители в современном мире. — М., 2009. — 248 с. С.101

© Чех Юлия Юрьевна (chehyula@gmail.com), Филиппченкова Светлана Игоревна (sfilippchenkova@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЛИЯНИЕ ФОРМИРУЮЩЕГО ЭКСПЕРИМЕНТА НА РАЗВИТИЕ НРАВСТВЕННЫХ КАЧЕСТВ КУРСАНТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ФСИН РОССИИ

Яковлева Светлана Леонидовна

Адъюнкт, ФКОУ ВО Академия ФСИН России (г. Рязань)
miss.tuz2014@yandex.ru

INFLUENCE OF THE FORMING EXPERIMENT ON THE DEVELOPMENT OF THE MORAL QUALITIES OF CADETS OF EDUCATIONAL ORGANIZATIONS OF THE FEDERAL PENITENTIARY SERVICE OF RUSSIA

S. Yakovleva

Summary. The article presents the data of the analysis of the experimental and experimental study of the assessment of the level of development of moral qualities in the cadets of the educational organization of the FSIN of Russia. The introduction of the program on the formation of moral and volitional qualities of cadets of educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia allowed to modernize the notions of morality qualitatively. Practical use of the Program contributed to the formation of their morally stable behavior, conscientious attitude to work and study, to receive vocational training, to raise the educational and cultural level corresponding to the requirements for the employees of the penal system.

Keywords: forming experiment, value orientations, personal qualities, moral qualities, cadets of educational organizations of the FSIN of Russia.

Аннотация. В статье приведены данные анализа опытно-экспериментального исследования оценки уровня развития нравственных качеств у курсантов образовательной организации ФСИН России. Внедрение программы по формированию нравственных и волевых качеств курсантов образовательных организаций ФСИН России позволило качественно модернизировать понятия нравственности. Практическое использование Программы способствовало формированию у них морально — устойчивого поведения, добросовестного отношения к труду и учебе, получение профессиональной подготовки, повышение образовательного и культурного уровня, соответствующих предъявляемым требованиям к сотрудникам уголовно — исполнительной системы.

Ключевые слова: формирующий эксперимент, ценностные ориентации, личностные качества, нравственные качества, курсанты образовательных организаций ФСИН России.

Современные условия ускоряющихся и трудно прогнозируемых социально-экономических изменений усложняют процесс воспитания молодого поколения. Одно из первых мест занимают проблемы нравственности, нравственной культуры, являющейся основой гуманистического воспитания молодежи в условиях современного развития российского государства.

Под нравственностью понимаются внутренние правила поведения, сформированные требованиями общества, основанные на значимых личностных ценностях.

Процесс нравственного развития личности формируется из следующих составляющих:

- ◆ нравственных понятий («знаю и принимаю»);
- ◆ нравственных качеств, выражающиеся в конкретном стиле поведения;
- ◆ нравственного идеала, представляющего с собой комплекс нравственных понятий и качеств.

Исследователи современного этапа российского общества проявляют неслучайный интерес к проблеме формирования ценностных ориентаций К. А. Абульханова — Славская, Л. И. Божович, Е. С. Джалвах, Ю. С. Исмагилова, И. И. Купцов, В. М. Литвишков и другие, это аргументирует ее актуальность и востребованность в процессе теоретического воспитания и практики образования. Наряду с этим, реальная ситуация такова, что данные вопросы остаются нерешенными по сей день и являются востребованными в образовательных организациях ФСИН России.

Рассматривая вопросы профессионального становления сотрудника уголовно — исполнительной системы, необходимо обратить внимание на развитие ценностных ориентаций как личности, отображая, со стороны курсантов образовательных организаций Федеральной службы исполнения наказаний (далее — ФСИН России), готовность руководствоваться приоритетными общекультурными ценностями, правовыми установками, осознавая высокие жизненные смыслы, несущие ответ-

ственность перед обществом, близкими людьми и государством. В данном случае ценностные ориентации являются опосредующим звеном между социальной средой и индивидуальным сознанием человека.

Необходимо учитывать, что в процессе подготовки курсантов в образовательных организациях ФСИН России, уголовно — исполнительная система (далее — УИС) предъявляет высокие требования не только конкретным знаниям курсанта, а в будущем сотрудника УИС, но и к его личностным качествам, таким как, нравственность, воля, мораль, этика и другие.

В связи с вышесказанным, становится актуальной проблема формирования нравственных и волевых качеств у курсантов образовательных организаций ФСИН России в ходе обучения. Именно они способствуют успешности выполнения поставленных задач, так как отражают интегральные свойства человека и осуществляют саморегуляцию, способствуют овладению всеми видами профессиональных качеств, необходимых для эффективного выполнения будущей профессиональной деятельности.

Организация учебно — воспитательного процесса заключается в планомерном и целенаправленном воздействии на курсантов в целях формирования у них нравственных и волевых качеств. Для достижения этой глобальной цели решаются частные задачи: формирование у них морально — устойчивого поведения, добросовестного отношения к труду и учебе, получение профессиональной подготовки, повышение образовательного и культурного уровня [1, с. 9].

Воздействие, направленное на нравственную и волевою сферу курсантов, осуществлялось нами в рамках реализации специально разработанной психолого-педагогической программы в условиях Академии ФСИН России (далее — Академии).

Организационно работа включала два комплексных взаимосвязанных блока. В рамках первого блока проводились психодиагностические мероприятия, второй блок включает психокоррекционные мероприятия.

Построение Программы по формированию нравственных и волевых качеств (далее — Программы) курсантов в учебно-воспитательном процессе основано на выдвинутой нами гипотезе, заключающейся в предположении о том, что процесс формирования нравственных и волевых качеств курсантов может быть качественно улучшен, если:

1. учитывать внешние условия (объективные, средовые), внутренние факторы (субъективные, личностные) в условиях Академии;

2. реализовать специализированную Программу по формированию нравственных и волевых качеств курсантов (далее — Программа).

Данная Программа разработана с целью формирования у курсантов навыков, умений к усвоению, анализу и оценке в сравнении со своим жизненным опытом, эмоциональному сопереживанию, усовершенствованию свои знаний путем предлагаемых нравственных и волевых установок, действовать в гармонии с полученными новыми знаниями [3, с.149].

В Программе принимали участие 48 курсантов. Экспериментальную группу (ЭГ) составляли 26 человек, контрольную (КГ) — 22 человека.

Реализация Программы запланирована в ходе опытно-экспериментальной работы, которая осуществляется в несколько этапов:

1. *Подготовительный этап.* Его целью является проверка реального состояния уровня развития нравственных и волевых качеств курсантов контрольной и экспериментальной групп с помощью следующих методов исследования: наблюдение, беседа, анкетирование, тестирование, контент-анализ. На этом этапе проводилась диагностика состояния сформированности нравственных и волевых качеств курсантов.
2. *Основной этап* включает в себя работу по реализации Программы, включающий в себя коррекционный блок, направленный на развитие нравственных и волевых качеств.
3. *Заключительный этап* связан с определением эффективности опытно-экспериментальной работы. Проведена повторная психодиагностика состояния нравственных и волевых качеств курсантов для определения динамики изменений в нравственно-волевой сфере курсантов экспериментальной и контрольной групп.

Первый блок апробировался на базе Академии ФСИН России, ЭГ представлена курсантами психологического факультета — 132 учебная группа в количестве 26 чел., КГ представлена курсантами психологического факультета — 131 учебная группа — 22 чел., занятия проводятся по традиционной форме обучения.

Второй блок направлен на рассмотрение различных этических, социальных, психологических проблем, вызывающих интерес у курсантов. Акцент на таких понятиях, как «добро», «зло», «нравственность» позволил корректировать их значение, которое нередко в прошлом носили произвольный и искаженный характер. В процессе реализации предложенной нами Программы курсанты приобретают не просто систему знаний по каждой

теме, у них формируются убеждения, сделанные на основе их собственного выбора и анализа с точки зрения духовно-нравственных ценностей, развивается способность к самореализации с учетом сделанного выбора.

В рамках проведения нашего коррекционного блока использовались следующие задания: обсуждение притч, цитат; лекции и этические беседы на определенную тематику; выполнение тренинговых упражнений, диагностические процедуры (анкетирование, опросник, методика) с последующим обсуждением; дискуссии; знакомство с приемами стимуляции волевых усилий; разъяснение основных форм и методов саморегуляции волевых усилий.

Проводя анализ проведенных занятий, упражнений уже на начальных этапах внедрения нашей Программы отмечается положительная динамика. Так, при проведении диагностики на первом этапе, некоторые курсанты затруднялись дать определение нравственности или давали ошибочно — 13 (27,08%) из 48 курсантов, принявших участие в эксперименте. По результатам проведенного первого занятия необходимо отметить, что результаты улучшились, ошибочно давали объяснение лишь 4 (8,3%) курсанта.

В Программу входит лекционное занятие на тему «Что такое притча?», при обсуждении притчи «Добро и зло» 8 (16,6%) курсантов настойчиво отстаивали свою точку зрения о необходимости присутствия «зла», мотивируя, что оно приводит мир в равновесие. В ходе активного обсуждения притчи, 5 (10,4%) курсантов изменили свою точку зрения, а оставшиеся 3 (6,2%) курсанта колебались в принятии решения. Прослеживается необходимость дальнейшего проведения коррекционного блока занятий для закрепления полученных результатов.

Наша Программа включает обсуждение высказываний, цитат великих людей. Нами было предложено

обсуждение высказывания Аристотеля: «Нравственность — это специфическая сфера человеческого мышления и воли». Поставленное задание было важным и интересным для курсантов, т.к. данный вид коррекционного занятия позволяет формировать мировоззрение курсантов, выстраивая устойчивую систему знаний, убеждая их в необходимости положительной направленности личности. В ходе диспута курсанты дали определение нравственности, подтвердили необходимость развития и совершенствования имеющихся представлений и знаний. По результатам письменного опроса курсантов отмечается положительная динамика, опрошено 48 курсантов, 44 (91,6%) курсанта охотно дали правильное определение «нравственности» и «безнравственности», у одного (2,08%) курсанта данное занятие вызвало затруднение, он не дал определения «нравственности», а 3 (6,25%) курсанта дали ошибочное определение «нравственности» и «безнравственности». Полученные результаты указывают на необходимость проведения дальнейшего обучающего курса по разработанной нами Программе.

Следовательно, на занятиях происходит постепенное формирование ценностей, которые становятся для курсантов мерой прекрасного и с позиций которых они смогут оценивать все жизненные явления, окружающих людей, контролировать себя, свои действия и поступки. При доброжелательном отношении к курсантам, уверенности и оптимизме преподавателя положительный импульс передается и самим курсантам, укрепляет их веру в свои силы и возможности.

Процесс нравственного развития личности протекает длительное и непрерывное время, нуждается в постоянном психолого — педагогическом сопровождении со стороны преподавательского состава в учебно — воспитательном процессе образовательных организаций ФСИН России [2, с. 74].

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксенова Г. И., Аксенов А. А., Аксенов П. Ю. Технология формирования мотива выбора профессии «психолог уголовно-исполнительной системы» Т. 4: Материалы Международной научно-практической конференции «Воспитательная, социальная и психологическая работа в уголовно-исполнительной системе». — Рязань: Академия ФСИН России. Ч. 1. — 2017. — 345 с.
2. Егорушкина, Ю. С. Социально-психологические детерминанты духовно-нравственного развития курсантов вузов ФСИН России / Ю. С. Егорушкина // Вестник института: преступление, наказание, исправление. — 2015. — № 1 (29). — С. 71–74.
3. Пивоварова Т. В. Психолого — педагогические детерминанты формирования нравственных и волевых качеств несовершеннолетних осужденных лиц женского пола: дисс. канд. психол. наук: 19.00.06/19.00.07 Пивоварова Татьяна Васильевна. — Рязань. 2015.
4. Райгородский, Д. Я. Практическая психодиагностика. Методики и тесты: учеб. пособие / Д. Я. Райгородский. — Самара, 2006.
5. Об утверждении Инструкции об организации деятельности психологической службы УИС [Электронный ресурс]: приказ Минюста России [от 12 дек. 2005 г. № 238] // СПС «КонсультантПлюс».

© Яковлева Светлана Леонидовна (miss.tuz2014@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РЕЛИГИОЗНЫЕ ФАКТОРЫ РАЗРУШЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ: ПУТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

RELIGIOUS FACTORS OF THE DESTRUCTION OF THE RUSSIAN STATE: THE WAYS OF CO-OPERATION

A. Bushkova

Summary. The article considers one of the components of Russian statehood — a religion whose state and development is determined by five main factors: «religiousness» of society, the role and status of the ROC, the principle of multi-confessionality, the function of education of religion, the relationship of the state and religious organizations. In the field of action of each of the factors listed, there are events destructively affecting the statehood of the Russian Federation through religion. Unfortunately, in Russia now there are following tendencies. People have a faith that does not always coincide with religious teachings, and religion itself turns into some «fashion». Sometimes religion takes on acute forms, where extremist ideas begin to spread. Among the religious organizations there is a priority of the ROC, but it is not legislated, and sometimes the support of the ROC turns out to be detrimental to other faiths. Some local beliefs can be supported for separatist purposes. The implementation of the educational function of religious organizations is distorted. The rights and freedoms of believers are not always protected from discrimination. Often the support of religious organizations depends not on state legislation, but exclusively on individual officials.

To overcome the devastating impact on religion, the article cites a number of measures that contribute not only to resist the negative influence, but also to strengthen the phenomenon of religion in Russia.

Keywords: religion, statehood, ROC, multi-confessional, upbringing, religious organization, state.

Бушкова Ассель Юрьевна

Аспирант, Московский Государственный Технический Университет им. Н.Э. Баумана
r.yahyaevna@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматривается одна из составляющих российской государственности — религия, состояние и развитие которой определяется пятью основными факторами: «религиозность» общества, роль и статус РПЦ, принцип многоконфессиональности, функция воспитания религии, взаимоотношения государства и религиозных организаций.

В поле действий каждого из перечисленных факторов существуют события, разрушительно влияющие на государственность РФ через религию. К сожалению, в России сейчас существуют следующие тенденции. Людям свойственна вера, которая не всегда совпадает с религиозными учениями, а сама религия превращается в некоторую «моду». Иногда религия приобретает острые формы, где начинают распространяться экстремистские идеи. Среди религиозных организаций присутствует приоритет РПЦ, но он не закреплён законодательно, при этом иногда поддержка РПЦ оказывается в ущерб другим конфессиям. Некоторые локальные верования могут поддерживаться в сепаратистских целях. Искажается реализация воспитательной функции религиозных организаций. Права и свободы верующих не всегда защищены от дискриминации. Зачастую поддержка религиозных организаций зависит не от государственного законодательства, а исключительно от отдельных чиновников.

Для преодоления разрушающего воздействия на религию в статье приведён ряд мер, способствующих не просто противостоять негативному влиянию, но и укрепить феномен религии в России.

Ключевые слова: религия, государственность, РПЦ, многоконфессиональность, воспитание, религиозная организация, государство.

Религия с древнейших времён является важнейшим элементом, формирующим государственность страны, способствует сохранению традиций, обычаев, ценностей, культурных и социальных ориентиров. [8, С.196] Поэтому для любой страны есть цель — сбросить базовые религиозные основания. В России религия играет также значительную роль в развитии общества, в особенности православная церковь. [5, С.942]

Очень часто происходит недооценка силы религии в нашем обществе, хотя религия в некоторой мере находится «над государством». Законодательно религия отделена от государства, но на деле религиозные организации обладают огромным числом людей-сторонников, получая их автоматически: религиозные организа-

ции ещё ничего не сделали, а люди уже лояльно к ним настроены, потому что «верят». К государству такого непосредственного лояльного отношения от общества добиться довольно проблематично, требуются реальные доказательства. Поэтому воздействуя на состояние, развитие религии, на религиозные организации, их служителей, на взаимоотношения государства с религиозными организациями можно достичь очень разных результатов.

Таким образом, чтобы разрушить государственность страны необходимо иметь возможность трансформировать религию, вносить в неё какие-либо изменения. Возможно это становится благодаря влиянию на факторы, формирующие состояние и развитие религии.

Одним из важнейших факторов формирования религии является «религиозность общества», насколько распространена религия среди людей. Действительно то, как воспринимают люди религию, насколько глубоко они веруют, насколько глубоко готовы впустить в свою жизнь религию, и формирует её облик.

Рассматривая данный фактор, нужно подчеркнуть, что религия для каждого человека формируется из трёх источников. Во-первых, личный религиозный опыт. Во-вторых, культурно-цивилизационные основания общества. В-третьих, государственно-религиозные взаимоотношения, существующие в стране и воздействующие на представление о религии в обществе. В совокупности три этих источника будут формировать «религиозность общества» в целом. В силу того, что российское общество светское, для большинства людей в нашей стране религия становится национальной традицией, а совершенно не соблюдением религиозных обрядов и участием в церковной жизни. Хотя тенденции в России таковы, что число людей, считающие себя верующими, растёт. [2] Но при этом складывается такая парадоксальная ситуация, когда люди верят в Бога, но не принадлежат какой-либо конфессии и не считают обязательным для себя в повседневной жизни следовать постулатам и требованиям вероучений. Люди могут верить при этом в некоторую сверхъестественную силу, магию, приметы, что противоречит основам религии. На данный момент стоит констатировать факт, что особенность современного общества — это «вера без религии», когда общество самоопределилось национально-территориально, но не наложило на себя религиозных обязанностей: посещение богослужений, регулярная молитва, соблюдение религиозных ограничений, включая пост и т.д. [6, С.1909] В итоге религия ограничено присутствует в жизни общества, являясь больше культурной традицией, чем соблюдением предписаний.

В силу распространения православия в России, вторым фактором, формирующим религию в стране, будет роль и статус РПЦ, которая значительно повлияла на образ жизни русского народа, его историю, культуру, философию, нравственность и т.п. В истории нашей страны огромное число событий связано с РПЦ: Крещение Руси, действия церкви в собрании и защите русских земель, просветительская деятельность, когда были слабы светские очаги культуры. На сегодняшний день помимо славянских народов православными являются коми, карелы, марийцы, осетины, чуваша, хакасы, якуты и другие. Именно православие, как самая распространённая религия в России, и РПЦ становятся основой большой конфессиональной общности, помогают сблизить культуры и быт, ощутить солидарность народов друг с другом. [5, С.948]

Третий фактор, оказывающий влияние на религию, уже просматривался в факторе статуса и роли РПЦ — это принцип многоконфессиональности. Наша страна отличается от всех огромным опытом сожительства людей различных религий рядом друг с другом, что позволило сформировать терпимые отношения, лояльные и доброжелательные взаимосвязи в сферах как личной, так и общественной жизни, сохранив при этом самобытность каждого народа. [5, С.950]

В поле действия двух факторов (роль и статус РПЦ, принцип многоконфессиональности) разрушительными могут быть трудности, возникающие внутри уже сформировавшихся религий, во взаимоотношениях между ними, а также новые религиозные организации.

Важной проблемой с новыми религиозными организациями является осуществление контроля над ними. Закон о свободе совести содержит в себе недостаточные основания для их ликвидации, которые могли бы быть применены к большинству этих новых религий. Примеры могут быть следующие. Осуществляется «принуждение к разрушению семьи», обосновываясь существованием института монашества в большинстве мировых религий. «Наносится ущерб здоровью» (пост, умерщвление плоти и т.п.), являясь добровольным выбором верующего. Также наносится ущерб психологическому здоровью, что практически нельзя доказать, так как проявление религиозного чувства в любой религии может быть связано с представлениями, воспринимаемыми со стороны как фантазия и бред. Таких примеров может быть множество. Даже когда организация имеет ярко выраженные экстремистские наклонности, собрать адекватную доказательную базу очень проблематично и не всегда возможно. В большинстве случаев потерпевшие, покинувшие организацию, предпочитают не иметь дела со следственными и судебными органами. [6 С.1902]. Таким образом, возникает противоречие между уважением права на свободу совести, с одной стороны, и преодолением негативных, антисоциальных, экстремистских новых религиозных течений и организаций.

Ещё одна важная проблема — явление экстремизма внутри уже сложившихся религиозных традиций. Примером может служить Северо-Кавказский ФО начала 1990-х гг. XX столетия, где стояла проблема исламистских группировок. На данный момент происходит снижение активности террористов на территории России в целом, но ситуация в Северо-Кавказском регионе всё равно продолжает оставаться сложной. [6, С.1903]

Когда речь идёт о традиционной многоконфессиональности России, то встаёт вопрос о взаимоотношении этих конфессий между собой. Тем более в некоторых

регионах РФ, где православие первоначально, органы местного самоуправления, принимая другие религии, не соглашались исключительно на «православную» политику. Однако, в целом на территории РФ приоритет РПЦ всё-таки присутствует, но он не закреплён законодательно. В регионах, где мусульман, язычников и др. больше, власти стараются оказывать поддержку именно им.

В России сейчас актуален вопрос «национальной идеи», но это вызывает негативное отношение в среде элит отечественных буддистов, иудаистов, мусульман. Изменить эту точку зрения кругов нехристианских этносов довольно сложно.

Кроме мировых религии и конфессий, которые присутствуют в России, существенную роль играют традиции малых коренных народов, локальных поселений, которые несут отдельную социальную нагрузку. К сожалению, такой религиозный потенциал может использоваться сепаратистскими группировками, но не стоит приравнивать в данном случае этнический сепаратизм и локальные верования. Когда государство может построить правильный диалог с представителями языческих верований, включить их в легальную систему взаимодействия, то представители таких малых поселений ограничиваются своей этнической самобытностью, не посягают на уже сложившиеся в России федеральные отношения. При этом очень важно сохранить и уважать локальную социально-культурную миссию этих малочисленных народов.

Четвёртым фактором является функция воспитания в религии, которую необходимо формировать почти заново, так как времена атеистического Советского Союза практически уничтожили религиозное воспитание. В религиозных организации сегодня уже уделяют особое внимание воспитанию прихожан в духе религиозной морали, воспитывают светских людей, оказывая положительное влияние на них демонстрацией собственного нравственного поведения. Но очень острым моментом в вопросе религиозного воспитания является сохранение права свободно выбирать не прост веру, а также принять данное воспитание или отказаться от него.

Воспитательный потенциал религиозная организация реализует как внутри самой себя, так и в школах, армии, тюрьмах. Сложность возникает в том, что обучение в школах, например, может осуществляться только с согласия детей, по просьбе их родителей, по согласованию с органами местного самоуправления. Преподавание основ религиозной культуры, истории культуры, светской этики сталкивается с несколькими проблемами: возраст учащихся, компетентные учебные пособия,

подготовка учителей, возможность школ предоставить учащимся выбор профиля. Данные задачи требуют серьёзной проработки.

Религиозные организации на практике сотрудничают также и с силовыми структурами, оформляют часто специальные соглашения. В России существуют военные священники. При положительных сторонах такого положения есть определенные соглашения, которые говорят о 10%-ом присутствии определённой конфессии в части для наличия там капеллана. Тогда возникает вопрос, как, например, двум-трём мусульманам, которые служат в русской части.

Ещё одна трудность, которая возникает в поле фактора воспитательной функции религиозных организаций — это сотрудничество организаций с государством в воспитательной сфере, так как религиозные организации должны прежде всего учить доктрине, ни в коем случае не пропагандировать какую-либо светскую идеологию. При этом политические силы не должны заставлять верующих людей заниматься пиаром и продвижением их идей, иначе будет потеря авторитета религии в обществе, так как она перестанет быть самостоятельным институтом, а станет идеологической прислугой власти.

Пятым фактором, формирующим религию, являются взаимоотношения государства с религиозными организациями. Именно этот фактор имеет связь со всеми выше перечисленными, так как включает в себя вопросы защиты от дискриминации, правового регулирования, функции воспитания религиозных организаций, поддержки социальной работы конфессий, подготовки специалистов в сфере государственно-конфессиональных отношений и др. [5, С.957]

Как в любых взаимоотношениях между государством и религиозными организациями возникают противоречивые вопросы, для избежания которых нужна регламентированность. Россия по Конституции является светским государством, ни одна религия не может быть обязательной, все религиозные организации отделены от государства, равны перед законом. Однако данная норма Конституции не даёт четкое определение светскости, не поясняет, что подразумевается под «отделением от государства». Это отделение друг от друга или запрет одного из на взаимодействие с другим? [6, С.1918]

С одной стороны, государство уважительно относится к правилам и уставам религиозных организаций, если те не противоречат законодательству РФ. С другой же стороны возникает вопрос о нехватке данной нормы для защиты религиозной организации от неправомерного вмешательства государства в её внутренние дела.

Ведь государство на практике оказывает содействие и поддержку деятельности религиозных организаций. Но достаточно ли этого для правомерного социального взаимодействия государства и религиозных организаций? Отсутствуют критерии, по которым государство оказывает помощь той или иной конфессии. Но как было упомянуто выше, религия, тем не менее, особенно РПЦ, усиливает своё влияние на государственное управление на практике.

В качестве партнёра государство явно предпочитает РПЦ, далее следуют иудаисты, мусульмане, буддисты, баптисты, адвентисты и пятидесятники. Местные власти в регионах, признавая многоконфессиональность населения, всё же предпочитают заключать договоры с РПЦ.

Нужно отметить, что нет конечного решения вопроса реституции церковных зданий, регулирования механизма пользования религиозной организацией и государством памятников, относящихся к культурному наследию.

Таким образом, существует ряд проблем, для решения которых нужны как текущие, так и долгосрочные меры в сфере государственного управления.

Первостепенно должно быть закреплено законодательно признательное и уважительное отношение государства к религиям. Нужно раскрыть тему ответственности государства (органов, лиц), отразить реальную гарантию соблюдения свободы совести. Нужно понять принцип отделения как невмешательства государства и религиозные организации в дела непосредственной компетенции данных субъектов, обозначить закрытые для вторжения сферы, а также установить сферы их взаимодействия и принципы. [7]

По средствам выделения сфер будет решаться проблема выдвижения «национальной идеи», вызывающая недоверие со стороны мусульманской, иудейской и буддийской религии. Так как в идее лежат принципы патриотизма, многонациональной культуры и т.д., то есть то, что соответствует их верованиям.

Требуется подготовка кадров в сфере государственно-конфессиональных отношений для предотвращения неграмотности государственных и муниципальных служащих, отвечающих за взаимодействие с религиозными организациями.

Необходимо строить сотрудничество религиозных организаций с государством в сфере образования для решения проблемы наследия духовных ценностей и воспитания учащихся, но нужно учитывать альтернативность таких курсов и принцип выбора. [7, С.3202]

Чтобы была возможность соблюдения религиозных верований и устоев на военной службе, нужно предоставить централизованным религиозным организациям право создавать структурные подразделения по взаимодействию с Вооружёнными Силами РФ (ВС РФ) и другими войсками, а органам власти необходимо обеспечивать их присутствие и деятельность в ВС РФ по желанию военнослужащих. Данные структурные подразделения совместно с ВС РФ должны иметь право также проводить богослужения, религиозные обряды, церемонии в местах лишения свободы по просьбам находящихся там граждан в помещениях, которые нужно выделять администрации для этих целей.

Нужно, чтобы органы государственной власти и местного самоуправления совместно с религиозными организациями реализовывали социально-благотворительные программы. Тем самым будет активирована благотворительная деятельность, её поощрение с помощью религиозных организаций в рамках социального партнерства государства и религии. [7, С. 3203–3204]

В качестве итога подчеркнём, что у российского населения религиозная самоидентификация высокая, но совершенно не связана с осознанием и применением доктринальных религиозных учений. При этом практикующих последователей религии становится меньше, а перспективы роста не наблюдаются. [1] На сегодняшний день общество относится к религиозным организациям положительно и зачастую с доверием, ожидая от них социально-значимых деяний. Бывают, однако, ситуации разочарования, когда религиозные представители уподобляются светской власти. При этом управленческий аппарат старается нарастить сейчас своё инструментальное отношение к религиозным организациям, которые необходимы в первую очередь как приводные ремни госполитики. Такое взаимодействие государства с религиозными организациями может быть непредсказуемым. [4]

В России действительно существенно изменилось положение религии. «Религиозная жизнь стала свободнее» [3], хотя и со своими ограничениями. Состояние религии, как элемента государственности, формирует ряд факторов, в поле действий каждого из которых существуют деструктивные течения. Для преодоления негативных факторов требуются меры как со стороны властных органов, так и со стороны религиозных организаций. При этом и каждый человек в отдельности собственным отношением и поведением формирует облик религии. Правильная концепция выстраиваемых отношений общественности с религией позволяет религии раскрыть свой позитивный потенциал, не скатываясь до крайности, выраженной радикализмом или экстремизмом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богатова О. А. Религиозная самоидентификация и воцерковленность в секулярном обществе (региональные аспекты) // *Религиоведение*. — 2011. — № 1. — с. 135–143.
2. Лещинский А. Н. Религиозная ситуация в современной России: изменения, тенденции, противоречия.
3. Религия в российском обществе. Традиционные религиозные и либеральные взгляды / под ред. М. В. Романова и В. В. Степанова. — М.: Обществ. палата РФ. — 2012. — 98с.
4. Смирнов М. Ю. Религия в России и современное религиоведение, 2014.
5. Якунин В.И., Сулакшин С. С., Багдасарян В. Э. и др. Национальная идея России. В 6 т. Т II. — М.: Научный эксперт, 2012. — 744с.
6. Якунин В.И., Сулакшин С. С., Багдасарян В. Э. и др. Национальная идея России. В 6 т. Т III. — М.: Научный эксперт, 2012. — 704с.
7. Якунин В.И., Сулакшин С. С., Багдасарян В. Э. и др. Национальная идея России. В 6 т. Т V. — М.: Научный эксперт, 2012. — 696с.
8. Якунин В.И., Багдасарян В. Э., Сулакшин С. С. Новые технологии борьбы с российской государственностью. Монография — М.: Научный эксперт, 2009. — 424с.

© Бушкова Ассель Юрьевна (r.yahyaevna@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский Государственный Технический Университет им. Н.Э. Баумана

ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ПОЛЕМИКИ А.А. БОГДАНОВА С В.И. ЛЕНИНЫМ ПО ТЕОРИИ ЭМПИРИОМОНИЗМА

PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF A. BOGDANOV'S POLEMICS WITH V. I. LENIN ON THE THEORY OF EMPIRIOMONISM

M. Zhuravleva

Summary. The article deals with the basics of A. Bogdanov's and V. I. Lenin's polemics concerning the key philosophical views: materialistic and idealistic representation of the world picture. Draws a parallel between the work of A. A. Bogdanov «Empiriomonism» and work of V. I. Lenin «Materialism and empiriocriticism», as well as the teachings of E. Mach. The main differences in the interpretation of the theory of Marxism are highlighted. The opposition of the «theory of reflection» and «socially-organized experience» is given, the question of appropriate use of terms, both in scientific aspect and in everyday life is considered. The opinions of prominent scientists on the theory of A. A. Bogdanov, such as A. L. Andreev, V. N. Sadovsky and others, on the basis of which a comparative analysis of the positions of the authors of the debate on Marxist ideas and empiricism in Bogdanov's theory.

Keywords: Empiriomonism, empiric, experience, knowledge, materialism, monism historical, knowledge, subjective idealism.

Журавлева Мария Александровна

Доцент, ФГБОУ ВПО «Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)
sonyakorrallo@list.ru

Аннотация. В статье рассматриваются основы полемики А. А. Богданова с В. И. Лениным относительно ключевых философских взглядов: материалистического и идеалистического представления картины мира. Проводится параллель между работой А. А. Богданова «Эмпириомонизм» и трудом В. И. Ленина — «Материализм и эмпириокритицизм», а так же учением Э. Маха. Выделены основные разногласия в трактовке теории марксизма. Приводится противопоставление «теории отражения» и «социально-организованного опыта», рассмотрен вопрос уместного использования терминов, как в научном аспекте, так и в бытовом. Приводятся мнения видных научных деятелей относительно теории А. А. Богданова, таких как А. Л. Андреев, В. Н. Садовский и других, на основе которых проводится сравнительный анализ позиций авторов полемики относительно марксистских идей и эмпириокритицизма в теории Богданова.

Ключевые слова: Эмпириомонизм, эмпириокритицизм, опыт, познание, материализм, исторический монизм, познание, субъективный идеализм.

Обращаясь сегодня к научно-историческому опыту прошлого создается условие для дальнейшего развития науки. В этой связи интересным представляется учение А. А. Богданова — ученого, который один из первых предпринял попытку создания монистической картины мира. Параллельно с развитием философских течений, имеющих под собой религиозную подоплеку, развивались и новаторские направления, преследующие цель перестроить общество по своему видению. Время шло, и течения постепенно набирали силу. Общественный хаос после революции и отсутствие четко сформированной идеологии привели к полному расхождению во взглядах на устройство мира. Это затронуло и лидеров большевиков — Ленина и Богданова. Анализ философских концепций сквозь призму полемики у различных авторов позволяет затронуть глубинные слои и сущность тех или иных учений, что делает представленную работу актуальной.

Основная полемика относительно теории эмпириомонизма А. А. Богданова развернулась с В. И. Лениным. Эта теория побудила Ленина написать книгу «Материализм и эмпириокритицизм» [5]. Между двумя политиками основной причиной разногласий служили расхожде-

ния мнений касательно видения марксизма. Богданов модифицировал Теорию исторического материализма под авторством Маркса и Энгельса в «исторический монизм». По мнению Ленина, оставив его без очень важной детали — материалистической диалектики. Существует мнение, что Ленин счел материализм Богданова основанным не столько на исторической составляющей, сколько на идеалистической, разбавленной собственным мировоззрением, а общего с идеями марксизма только слова, которыми обозначаются предпринятые действия, таким образом «упакованные» под труды Маркса, чтобы хотя бы внешне им соответствовать.

Риторика Богданова с критикой философских выступлений Ленина была достаточно частым явлением. Он обвиняет Ленина в том, что тот злоупотребляет с вольным изложением терминологии, а в ответ на претензии лишь ссылается на первоисточники. Мнение самого Богданова на этот счет — цитаты и громкие имена лишь внешняя сторона. Фактическое содержимое, скрывающееся за избытком имен и цитат, вызывал у читателей лишь непонимание и страх, который сковывал сознание читателя и заставлял «содрогаться пред мощью интеллекта». Манера изложения столь трудного материала

и приводила к достижению цели — критическое освоение материала было попросту невозможно [2].

Богданов, критикуя литературные труды Ленина утверждал, что тот шел к власти и диктаторству всеми доступными путями для того времени, так как окружение Ленина не способно было противостоять мощи оппозиции. Отдельно представители, способные в своем авторитете сравниться с Лениным, могли лишь дестабилизировать обстановку, спровоцировав волну хаоса в обществе [7, с. 170].

Стоит заметить, что именно теория отражения, также известная как *copy-theory* под авторством Ленина, заняла доминирующую позицию в советском обществе. Богданов использовал термин «социально-организованный опыт», а в трудах Энгельса мы видим термин «отражение». Плеханов назвал его «иероглиф» [4].

Александр Богданов и Владимир Ленин имели большие разногласия в сфере теории познания по поводу концепции эмпириомонизма. Первый считал, что познание истины должно выглядеть, как «эмпириомонистический» процесс, который или увеличивает содержание, находящееся в данных формах сознания, либо создает для материала более совершенные и прочные формы [3, с. 106]. Только опытное познание может предъявлять права на статус истинного, а познание внеэмпирическое является пустой фикцией, пробелом в познании.

Ленин и Маркс единодушно уверены, что понятие «я» представляет собой объективную реальность, знания о которой человек получает с помощью чувственного опыта, но сама реальность живет абсолютно независимо от наших ощущений. Поэтому получается, что дух противопоставлен материи. Из данного вывода следует ключевой философский вопрос, что из них первично? В зависимости от подхода к решению данной дилеммы, Ленин разделял всех философов на идеалистов и материалистов. Богданова он причислял к первым. Лично Богданов подобное противопоставление категорически отвергает. По его мнению, все упомянутые понятия не имеют четких рамок, поэтому они не могут быть фундаментом для какой-либо философской системы. Он придерживался мнения, что основой мира является что-то одно, а сам он является физической средой жизни, отражением какого-то эксперимента, затеянного живыми элементами, окружающими его. Физическая среда жизни общественно упорядочена с непосредственной средой, состоящей из неорганизованных или почти неорганизованных комплексов [6, с. 745].

Особенно внимательно Богданов относился к вопросу точного и тонкого применения терминов, как в научной, так и бытовой среде. Конкретно на данной пробле-

ме он заострил внимание, в своем ответе на критические замечания Ленина, по поводу фундаментальных положений эмпириомонизма. Рассуждая о труде В. Ильина «Материализм и эмпириокритицизм» Богданов отмечал, что данное сочинение довольно скромное философское произведение, объясняющее небольшой, но важный момент конфликтных отношений науки и веры [13].

Богданов и Ленин сходятся в одном, что каждое познание берет свое начало из практики, с которой тесно связано. Но все же Ленин и здесь нашел повод для критики Богданова, считая его последователем махизма. Мы считаем, что в этом случае обвинения, выдвинутые Лениным против Маха по поводу отсутствия практической составляющей, не имеют под собой оснований [2, с. 145]. Из утверждений Ленина следует, что познание может быть биологически ценно, важно в человеческой практике, ценно в сохранении жизни и вида, когда оно отражает правду, совершенно независимую от людей [8, с. 141]. По мнению приверженца марксизма, именно в этом заключается взаимосвязь практики и теории познания. Но совершенно идентичные вещи присутствуют и в трудах Маха. Философ говорит, что только грамотно организованный эксперимент приводит к получению знаний, совпадающих со своим предметом. Эксперимент — это повторение естественных природных процессов.

Мах утверждает, что практический подход к истине тесно взаимосвязан с теорией познания. По его словам, естественнонаучная позиция была изначально сформирована в области практического существования человека, в его повседневном сознании [9, с. 51]. Оттуда она постепенно была перенесена в сферу науки, и, в конечном счете, образовала новую методiku подхода к личности. Большинство критических выпадов в сторону марксизма со стороны «идеалистов» было основано на упрощении толкования марксистской теории [14]. Тем не менее, подобная критика наглядно продемонстрировала недостаточную проработанность важнейших установок марксизма. Эти установки касались проблем в области этики, и тех проблем, которые происходили в связи с революционными преобразованиями и становлением социалистического общества. Странники «реализма» пытались противопоставить свою точку зрения взглядам идеалистов, однако они были лишены возможности вести полноценную полемику, взяв за основу идеологию Канта — это привело бы к их безусловному поражению.

Богданов, всё время подвергавший критике философскую позицию В.И. Ленина, попытался доработать ту часть учения Маркса, которая была связана с областью деятельности человека. Правда, в своих трудах он иногда приводил лженаучные доводы, часть из которых позднее подвергает тщательному пересмотру и коррек-

тированию. Оставшаяся же часть этих доводов так и вошла в состав его философского наследия. Несмотря на это, Богданов всегда оставался сосредоточен на главных марксистских основах, на отношениях между индивидом и окружающим миром. Суть данных основ была следующей: мышление человека не есть одно только порождение мозга, она является продуктом личности, постоянно пребывающей в условиях окружающего её социума.

Теория Богданова не отвергала идеи, в которых внешняя среда является частью природы личности, а телесная сторона связана с миром индивидуума. В его идеях всегда подчёркивалось, что ничего из перечисленного человек не получает как должное, оно не впитывается из окружающей среды бессознательно, а является следствием осознанного взаимодействия индивида с культурной историей общества.

Можно вспомнить слова Никитиной Н. Н. про то, что идеи Богданова берут в свою основу основы махизма, которые пересматриваются в соответствии с позицией исторического материализма [10, с. 32].

Садовский высказывался на этот счёт, что Богданов всегда оставался сторонником идей Маркса, и, внедряя в своё учение теории из других школ, он всего лишь хотел дополнить марксистское учение идеями, которые заимствовал из других философских концепций [11, с. 334–335].

Д. Стейла в своей работе отмечает, что в теориях Богданова идеи Маха приспособляются для развития

учения Маркса. В философии Богданова лишь слегка преобладают марксистские идеи, хотя наклон в их сторону является очевидным. В работах Богданова теория Маха излагается таким образом, чтобы подстроиться под установки марксизма. Из-за этого «эмпириомонизм» философа является только одним из способов трактовки учения [12].

Сравнивая позиции марксистских идей и эмпириокритицизма в теории Богданова, был сделан интересный вывод А. Л. Андреевым. Он называет позицию Богданова «пограничной» философией, которая получила широкое распространение в стране после войны и состояла из добавления в теорию Маркса идей из других философских школ. Такой подход затронул и других философов, совместивших в своих учениях марксистские идеи с другими философскими учениями — например, с фрейдизмом или структурализмом [1].

Таким образом, в статье были рассмотрены ключевые аспекты полемики А. А. Богданова с В. И. Лениным относительно теории эмпириомонизма, а так же рецензии 1903 года. В результате можно сделать вывод о том, что огромное значение в теории Богданова имеет организация, занявшая ключевую роль в его философской концепции. Понятие организации становится основным определением всех сфер жизни человека, включая историю социума. Все аспекты учения Богданова в конечном счёте сходятся в понятии организации, ставшей центром его философии. Это стало основой позиции философа, который был и частью марксизма, и действовал за его границами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев А. Л. Эмпириомонизм А. А. Богданова // История русской философии / под ред. М. А. Маслина и др. — М., 2001.
2. Богданов А. Падение великого фетишизма: (Современный кризис идеологии). Вера и наука: (О книге В. Ильина «Материализм и эмпириокритицизм»). — М., 1910.
3. Богданов А. А. Эмпириомонизм: Статьи по философии. — М.: Республика, 2003.
4. Грэхэм Л. Философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе / пер. с англ. — М.: Политиздат, 1991.
5. История отечественной философии XX века (марксистская философия и становление «нового религиозного сознания» в начале XX в.): учебное пособие. — Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2003. — 154 с.
6. Красный Гамлет: опыт коллективного анализа творческого наследия Александра Богданова // Вестник Российской Академии Наук. — 1994. — Т. 64, № 8.
7. Коптелов А. О. Гримасы эмпириокритицизма в зеркале ленинской теории отражения // Вестник Челябинского государственного университета. — 2008, № 11.
8. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 18. — М., 1973.
9. Мах Э. Познание и заблуждение. Очерки по психологии исследования. — М., 2003.
10. Никитина Н. Н. Философия культуры позитивизма начала века: пособие для студентов высших учебных заведений. — М., 1996.
11. Садовский В. Н. Эмпириомонизм А. А. Богданова: забытая глава философии науки // Философия не кончается... Кн. 1. Из истории отечественной философии. XX век. 1920–50-е годы. — М., 1998.
12. Стейла Д. В поисках «научного мировоззрения»: соображения о русском махизме // ВИЕТ. — 1994, № 1. — с. 44–59.
13. Уваров М. С. Последняя философская публикация Александра Александровича Богданова. Этические аспекты одной забытой дискуссии. — <http://anthropology.ru/ru/texts/uvarov/bogd.html>

14. Ухов А. Е. Проблема истины в дискуссии А. А. Богданова и В. И. Ленина // Знание и вера (Вторые Хайкинские чтения): мат-лы Междунар. науч. конф. 20–21 ноября 2009 г. / отв. ред. Н. В. Медведев, Н. М. Аверин. — Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2010. — 255 с.
15. Soboleva M. E. A. Bogdanov und der philosophische Diskurs in Russland zu Beginn des 20. Jahrhunderts. Zur Geschichte des russischen Positivismus. — Hildesheim: Georg Olms Verlag, 2007. — 278 s.

© Журавлева Мария Александровна (sonyakorallo@list.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ДЕМОКРАТИЯ В АСПЕКТАХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

DEMOCRACY IN THE ASPECTS OF POLITICAL PHILOSOPHY

V. Kravchenko

Summary. The author examines the actual for the modern issue of the organization of society and the state from the perspective of their democratic reconstruction. Presented are the «models» of a democratic society: antiquity, classical democratic society, «religious-democratic» society and modernity.

Keywords: democracy, society, model, transformation, state, type, people, analogy, freedom, self-government, charisma, management, personality.

Кравченко Владислав Иосифович

Д.ф.н., профессор, Санкт-Петербургский
государственный университет аэрокосмического
приборостроения
vz1612@mail.ru

Аннотация. Автор исследует актуальный для современности вопрос организации общества и государства с позиции их демократического переустройства. Представлены «модели» демократического общества: античности, классического демократического общества, «религиозно-демократического» общества и современности.

Ключевые слова: демократия, общество, модель, трансформация, государство, тип, народ, аналогия, свобода, самоуправление, харизма, управление, личность.

История свидетельствует о том, что именно греки ввели в обиход термин «демократия» («demokratia»: от греч. слов *demos* — народ и *kratos* — править). Справедливости ради следует сказать, что «*demos*» как категорию обычно относили либо к древнегреческой элите (владелице рабов), либо к городскому населению в целом, однако иногда использовали для обозначения простолюдинов или даже бедняков. Некоторые исследователи считают, что термин «демократия», носивший оттенок недоброжелательности, употреблялся аристократами как эмоционально окрашенный эпитет и выражал презрение к простолюдинам, которые сумели оттеснить аристократов от управления государством. Появление демократии в Древней Греции связано с реформами Клисфена — афинского политического деятеля VI века из рода Алкмеонидов, возглавившего после падения тирана Гиппия афинский демос. В 509–507 гг. до н.э. он провел реформы политического устройства, в соответствии с которыми родовое членение граждан было преобразовано в территориальное. В результате этого реформирования, были образованы десять фил с разделением каждой на трети (тритии) — городскую, приморскую и внутреннюю (сельскую), а также с более дробным разграничением на демы. Таких «дем — организаций» было около ста, и они делегировали граждан для отправления должностей. Эта реформа позволила вытеснить родовую лояльность общеполитической. Неустойчивость древнегреческой демократии объяснялась отсутствием системы сдержек и противовесов, защищавших меньшинство от большинства и наоборот. Так в 411 г. до н.э. в ходе Пелопоннесской войны Афины пережили первый олигархический переворот. Однако флот отказался признать новый режим, и под предводительством Алкивиада в 410 г. до н.э. демократия была восстановлена. В 404 г. до н.э. происходит второй олигархический переворот.

В результате переворота, к власти приходят так называемые «тридцать тиранов», о чем более подробно речь идет в диалогах Платона [6]. Под руководством Крития тираны развязывают политические преследования своих противников, в ходе которых было казнено около полутора тысяч человек, включая даже умеренных олигархов. Это вызвало сопротивление демократов, которые под руководством Фрасибула в 403–402 гг. разгромили олигархов. Суть древнегреческой демократии заключалась в стремлении к общему благу. Граждане управляли Афинами при помощи Народного собрания. Сами афиняне называли его экклесией. Граждане принимали участие в административной работе города — в Совете, который готовил повестку дня собрания, в гражданских судах, в различных сборах магистратов (от лат. *magistratus* — начальник). Таким образом, демократия для древних греков — это не просто способ и процесс принятия решений и законов на собрании, но также отправление различных должностей. Политическое участие гражданина расценивалось как долг, а вернее обязанность, при уклонении от которого он мог быть оштрафован или лишен гражданских прав. Созданный в результате реформ Клисфена Совет пятисот (самый первый орган управления) образовался делегированием 50 представителей от 10 новообразованных фил или родоплеменных объединений в древней Греции. В свою очередь, представители, или (советники — булевты), формировали притании (секции). Каждая секция одну десятую года вела все дела Совета, а председатель секции, сменявшийся каждый день, неотлучно дежурил в Совете. В функции Совета входила подготовка вопросов для рассмотрения на Народном собрании, а также принятие прочих решений.

До сегодняшнего дня сохранилась знаменитая надгробная речь Перикла, содержание которой раскрывает

преимущества афинской демократии. «Наш строй,— говорил Перикл, не скопирован с законов соседних государств; мы скорее даем пример для других, чем подражаем кому-либо. Правление склонно учитывать волю множества, а не немногих. Вот почему его именуют демократией.... От беззакония нас удерживает уважение законов, особенно тех, которые направлены на защиту обижаемых,— будь то законы, начертанные или же изустные, но невозможно их нарушить и при этом избежать позора» [6, с. 485]. В настоящее время в различных дискуссиях относительно демократии как понятия и демократического государства приоритетным является мнение непревзойденного философа древности, в мощи ума которого не сомневается даже современная наука, не могущая на имеющемся мировоззренческом фундаменте даже приблизиться к уровню понимания древним мыслителем основных проблем Бытия. Речь идёт о древнеэллинском философе V–IV вв. до н.э.— Платоне. «Демократия... осуществляется тогда, когда бедняки одержав победу, некоторых из своих противников уничтожат, иных разгонят, а остальных уравниют в гражданских правах и в замещении государственных должностей, что при демократическом строе происходит большей частью по жребию» [8, с. 346]. Любопытным, на наш взгляд, является упоминание Платона о возможности получения должностей «по жребию», что еще раз подтверждает возможность создания «выборной» компании в период древнегреческой цивилизации. Далее Платон описывает демократического человека, свойства которого рождаются как результат демократического или иного правления. «Как в государстве происходит переворот, когда некоторой части его граждан оказывается помощь извне их единомышленниками, так и юноша меняется, когда некоторой части его вожделий помогает извне тот вид вожделий, который им родственен и подобен» [8, с. 350]. Результативность такого рода воспитания демократического человека рельефно налагается на образ воспитанника. В дальнейшем «его хвастливые речи... в битве с бережливым началом... одержат верх и с бесчестьем, как изгнанницу, вытолкнут вон стыдливость, обозвав её глупостью, а рассудительность назовут недостатком мужества и выбросят её, закидав грязью... Опорожнив и очистив душу юноши, ...они затем низведут туда... наглость, разнузданность, распутство и бесстыдство, увенчивая их венками и прославляя в смягчённых выражениях: наглость они будут называть просвещённостью, разнузданность — свободой, распутство — великолепием, бесстыдство — мужеством». В демократическом государстве только и слышишь, как свобода прекрасна и что лишь в таком государстве стоит жить...» [8, с. 352–353]. Болезнью такого праздного демократического государства Платон называет появление особого рода людей, праздных и расточительных, под названием трутней. «При демократическом строе они, за редкими исключениями, чуть ли не стоят во главе: самые ядовитые из трутней произносят речи и действуют,

а остальные усаживаются поближе к помосту, жужжат и не допускают, чтобы кто-нибудь говорил иначе. Выходит, что при таком государственном строе всем, за исключением немногих, распоряжаются подобные люди» [8, с. 358].

Помимо трутней как определенного «класса» своевольников, философ выделяет класс дельцов, т.е. богатых людей, у которых трутни «берут больше меда». Таких богатых дельцов Платон называет «сотами трутней». Наконец, третий условный класс в платоновско-демократическом государстве называется народ. Именно народ обладает наибольшим влиянием в демократическом обществе, особенно когда эти люди вместе. Народ как самая многочисленная сила может жестоко расправиться с клеветниками и обманщиками, но само проявление народного зла может быть результатом провокационных действий со стороны трутней.

Таким образом, «идеальная» модель государственного устройства Древней Греции, сегодня оказалась перманентно-актуальной для развития любого общественного строя. Трудно не заметить принцип паразитизма, усиленно и насильственно насаждаемый сегодня в так называемых «демократических» государствах. Современный мир потрясают непрекращающиеся войны, революции и различного рода противоборства, и иногда приходится удивляться не только актуальности самой теории идеального государства, но и прозорливости великого философа. Не забыл Платон и о работниках искусства, инженерах человеческих душ античности в лице трагических поэтов: «Обходя... государства, собирая густую толпу, подрядив исполнителей с прекрасными, сильными, впечатляющими голосами, они привлекают граждан к тирании и к демократии... Они получают вознаграждение и им оказываются почести... со стороны тиранов, а на втором месте и от демократии» [8, с. 358]. Если задаться вопросом, почему Платон, точно выявляя пороки современной ему демократии и словно бы описывая наше современное положение дел, так оценивает этот строй, который он буквально клеймит позором? Всё проясняется при знакомстве с классификацией государственного устройства у Платона. Он выделяет 5 типов государства, из которых «хорошим и правильным» является один — царский (или аристократический), а четыре остальных являются порочными и большими и следуют друг за другом по мере возрастания порочности и деградации: тимократия, олигархия, демократия и тирания. И вот эту третьей степени порочности государственную систему, третью (предпоследнюю) фазу прогрессирования болезни государства нам и сегодня рекламируют и вбивают в сознание как единственный путь в светлое, сытое будущее, путь, которому «нет реальной альтернативы». Справедливости ради, нельзя не заметить определенный прогресс такого рода рекламирования идеи в сознание человека, а проще

его «оболванивания», ибо «слово — великий мыслитель, телом малое и незаметное, свершает оно божественные дела. Ведь оно может и страх пресечь, и горе унять, и радость вселить, и сострадание умножить» [2, с. 29].

Признавая актуальность сказанного, мы не можем не признать, что «... в демократическом государстве народных собраний и свободы слова дар красноречия впервые становится действительно необходимым — он, собственно, делается кормчим веслом в руках государственного человека», которого классическая эпоха называет ритором [4, с. 340].

В наше время страдающие избытком интеллигентности (как разновидность духовной болезни) и учёности (то есть узкофизического взгляда на мир) современные мыслители-идеологи могут возразить насчёт демократии двумя железными аргументами (живём-то не в золотом, не в серебряном и даже не в бронзовом, а именно в железном веке). Платон ведь жил на заре зарождения научной мысли и многого ещё не мог знать. А во-вторых, время тогда было другое — всё-таки почти две с половиной тысячи лет назад и, может быть то, что было тогда болезнью, к нашему времени уже выздоровело? Соглашаясь в целом с такими доводами, нельзя согласиться с моментом выздоровления общества. Последнее может нами только предполагаться сознанием и оставаться желаемым, но не действительным. В реальности «ментальная гордыня», провозглашающая древних мыслителей «недоумками», а современных учёных мужей воздвигающая на вершину человеческих знаний — это естественный результат рассмотрения всех процессов на Земле через призму идеи прогресса. В действительности же, «само наше государственное устройство и тогда было и ныне является аристократией. Эта форма правления почти всегда господствовала у нас, как и теперь. Одни называют её демократией, другие еще как-нибудь — кто во что горазд, на самом же деле это правление лучших с одобрения народа» [7, с. 268].

Как уже ранее отмечалось в работе, тема демократии представляет постоянный интерес и имеет непреходящую ценность в жизни любого государства. В начале XIX века классиком демократического устройства государства был признан третий президент США Джефферсон. Именно этот человек и поныне является воплощением не только американской мечты о свободе и равенстве, но и освободительных идеалов всего человечества. «Демократия, — по словам Джефферсона, — это не добровольный дар благосклонных богов. Если мы не будем мудрыми и просвещёнными, у нас в будущем может и не быть демократии. За каждую ценность нужно бороться, чтобы ее сохранить. В прошлом победа в борьбе за свободу была завоевана людьми, обладавшими умом и волей, чтобы стать свободными» [3, с. 9]. И пер-

вым среди этих мастеров — строителей демократии, был, конечно, Томас Джефферсон, беспримерно сочетавший в себе ученого, писателя, эрудита-исследователя, администратора и бывший вместе с тем одним из самых крупных политических деятелей своего времени, добившихся наибольшего успеха. Согласно исследователю и политику Джефферсону «существо демократии заключалось в идее свободы. Необходимо не забывать, что он был сыном своего века, человеком, изучавшим философию восемнадцатого столетия и наблюдавшим политическую сцену своего времени. Но если то, что он читал, приходило к нему из Европы, то обеими ногами он твердо стоял на свободной земле Америки. Поэтому его поражало разительное несоответствие между концепцией естественных прав человека, розданной европейскими философами, и реальным унижением людей, царившим в окружавшем их мире. Рационалист и поклонник природы, он был полон решимости не допустить, чтобы мракобесие и тирания, эти два врага-близнеца человечества, смогли укорениться на американской земле» [3, с. 13]. Джефферсон, по аналогии с Платоновской моделью государства, предлагает нам свое видение будущего своего народа. Например, он не исключает наличие правительства в государстве, но строго регламентирует его функции. Поскольку все правительства неизбежно склонны деградировать в состояние тирании, перед людьми поколения Джефферсона стояла проблема: как не допустить, чтобы слуга, необходимый обществу, не вырос в чудовище. Или, другими словами, как можно сдерживать правительство от покушений на всеобщую свободу, а применительно к нашей реальности, — как сделать так, чтобы «слуги — депутаты» не превратились в господскую элиту? «Существуют права, — писал Джефферсон в 1789 г., — которые не имеет смысла передоверять правительству и которые все правительства до сих пор всегда стремились нарушать. Это право мыслить и предавать гласности свои мысли устно или письменно; это право свободной торговли; это право на личную свободу и неприкосновенность». Для Джефферсона права правительства были всецело подчинены жизни и свободе, а без свободы человек не способен строить свое счастье. Могущественное государство, писал Джефферсон Джеймсу Монро в 1782 г., «уничтожает радости существования» и заставляет человека думать о том, «что лучше бы ему вообще не родиться на свет» [3, с. 14].

Одна из возможностей решения проблемы заключалась в «самоправлении» или (самоуправлении для современной реальности). «Люди, настаивал Джефферсон (это была разработанная в восемнадцатом столетии доктрина, которую разделяли и многие другие выдающиеся умы), от рождения обладают рядом неотчуждаемых прав, «среди них — право на жизнь, свободу и стремление к счастью». Среди этих естественных прав человека есть также право на самоуправление. Каждый человек и каждая общ-

ность людей, живущих на земле, — пояснял Джефферсон президенту Вашингтону в 1790 г., — обладают правом на самоуправление. Они получают его вместе с жизнью из рук природы. Личность осуществляет это право через свою индивидуальную волю, общность людей — через волю большинства, так как закон большинства есть естественный закон каждого человеческого общества» [3, с. 14].

Сегодня таких политических деятелей как Джефферсон можно отнести к числу харизматичных лидеров, веривших в умственные и моральные силы человека и доверявших «здравому смыслу человечества». Люди, управляющие сами собой, могут совершать ошибки, но у них есть, возможность исправлять их. А у людей, которыми правят, нет иного пути, как страдать, пребывая в терпении или взрываясь в насилии. «Я настолько полагаюсь на здравый ум общности людей и на честность их лидеров, что не боюсь и того, чтобы они предоставляли любым делам идти плохо до любой степени». Людьюми можно плохо руководить или обманывать на некоторое время, но там, где для правды пути открыты, люди научатся отвергать то, что фальшиво и вредно. Там, где люди хорошо информированы, им можно верить управление самими собой; когда же дела пойдут настолько плохо, что они начнут отдавать себе в этом отчет, на них можно будет положиться в том, что они смогут исправить ошибки» [3, с. 15]. Таким образом, главным элементом своей модели демократического общества Джефферсон называет людей, а одной из фундаментальных элементов модели демократического общества, — образование народа. Особое внимание американский исследователь уделяет бытующей в то время тирании, как форме правления. Тирания всегда процветает за счет невежества, а там, где «царит темнота», люди никогда не будут свободны. «В нынешнем стремлении распространить на как можно большую часть человечества благословение образования я вижу перспективу великого продвижения вперед, к счастью всей человеческой расы» [3, с. 16].

С таким же политическим энтузиазмом Джефферсон выступал за «свободную» прессу, что было не только логическим развитием событий, но и актуальным по тем временам. «Если демократия нуждается в гражданах, которые могут читать, — пишет Джефферсон, то из этого следует, что они должны быть свободны в своем чтении. Цензура любого рода и ограничение доступной каждому информации уничтожают саму душу демократии и заменяют деспотическую власть над телом человека тиранией над его разумом» [3, с. 16]. Сегодня трудно не признать актуальность вопросов, связанных с защитой прессы (СМИ), однако сама история свидетельствует о невозможности решения проблемы диалектического соотношения власти и прессы. Тот же самый принцип прилагался и к книгам. Джефферсон говорил, «если приведенные в книге факты

фальшивы — это должно быть доказано и если аргументация ложна — она должна быть опровергнута, но ради Бога ради, предоставьте нам свободу выслушать обе стороны!» [3, с. 17]. Актуальным на наш взгляд, являются представления Джефферсона относительно свободы совести, в частности — демократия, при которой люди свободны думать и говорить, что они пожелают, также подразумевает и свободу совести. При всей актуальности «модели демократического общества Джефферсона», нельзя не заметить тот факт, что автор не рассматривает будущую модель общества как «государственный монолит», напротив, сама модель — это живой организм, которому свойственны перемены и реформы. Джефферсон знал, что в человеческом обществе ничто не вечно и ничто не застраховано от перемен и поэтому в 1816 г. он пишет: «Я, разумеется, отнюдь не сторонник частых и неоправданных опытом изменений в законах и конституциях... Но я также знаю, что законы и человеческие институты должны идти рука об руку с прогрессом человеческого разума... По мере того как совершаются новые открытия, как открываются новые истины, а обычаи и мнения меняются с изменениями обстоятельств, должны развиваться также и институты государства и общества, они также должны идти в ногу со временем. Каждое поколение людей... имеет право избирать для себя ту форму правления, которая, по его убеждению, более всего сможет помочь ему быть счастливым» [3, с. 17]. Сегодня Томас Джефферсон — этот мудрец демократии, сформулировавший фундаментальные принципы «идеального демократического общества» для своего народа, является неоспоримым классиком теоретического преобразования общественной жизни в рамках всемирного масштаба.

В современной исследовательской литературе довольно редко можно встретить серьезные научные изыскания относительно роли религии в организации и определении форм государственного правления. На первый взгляд это можно объяснить наличием некоторого конституционного «водораздела» между церковью и государством, однако такой аргумент сегодня не выдерживает критики, особенно, если коснуться истории института церкви и самой религии как связующего звена в человеческих отношениях (Фейербах). Между тем, сама история свидетельствует о «политической активности» института церкви в деле организации человеческого общества. На одном из церковных собраний в 1904 г. обсуждался вопрос о «демократическом правлении» в государстве и обществе. С тех пор прошло много лет, однако актуальность вопроса о демократическом правлении становится все более злободневной. В частности, в одном из выступлений того времени отмечалось, что «представители современной демократии часто позиционируют себя пророками всенародного блага и прогресса, желая предоставить народу «свой идеал», а именно, участие всего народа и голоса каждого в особенности в развитии

«прогресса». Но вместе с тем, отмечалось в выступлении, они (пророки) и знать не хотят: ни духа народного, ни вековых преданий и верований, на которых утверждалась жизнь народа, и как только демократия попадает в руки «законников от народа», её законодательный механизм принимается орудовать законами для своей цели, издавая закон за законом и не стесняясь нисколько соображением о том, насколько стесняются законом стремления и потребности быта и духа народного. «Этим путем создается и держится прямолинейный деспотизм мнимого народоправления, сосредоточенного в руках преобладающей партии, во имя идеальной истины и народного блага. В этом смысле всего для демократии опаснее и всего противнее — религия и церковь: воля человеческая так тесно связывается с верованием, в особенности церковным, что не легко бывает одолеть ее. Отсюда борьба практической демократии с церковью: самое существование церкви — смущение для демократии» [1, с. 43]. Не обошлось на этом почтенном религиозном собрании без критики в адрес существующей политики того времени и было отмечено, что «на первый раз эта политика нуждается еще в религии, на сколько религия нужна еще для её целей; — но для этого требуется снять с религии по возможности догматический облик, лишить ее способности действовать на душу дисциплиною характера и мышления; пусть остается в ней то, что, по мнению политики, составляет её недогматическую сущность, — то есть общие начала нравственности, соединяемые общим понятием о Боге и о нравственном достоинстве человека. Таким способом, очевидно, вытравляется из религии самая её сущность. Отсекаются корни, без которых растение жить не может, — хотя, как бы имеется в виду сохранить плоды его, то есть удержать результаты христианской совести, отняв ту веру, которая создала ее и хранила. Но политика демократии думает достигнуть тех же результатов, заменяя в школе Закон Божий курсом морали, а в жизни общественной любовью и жалостью христианскую началами и учреждениями альтруизма и филантропии» [1, с. 44–45]. В наше время актуальность подобного утверждения прошлого века, особенно очевидна, когда речь идет о демократических преобразованиях в России и в частности, в нашей образовательной системе.

Нынешний информационный век вносит свои коррективы относительно признания человека «политическим животным» (Аристотель) не только в рамках демократии, но и всех демократических изменений в обществе. Людям нужно не «светлое» будущее, а понятное, стабильное и спокойное, к такому выводу пришли ученые ИС РАН при поддержке Российского научного фонда (РНФ) в октябре 2014 г. Сегодня, учитывая высокий уровень репрезентативности исследований, социологи констатируют: впервые за два прошедших года в умонастроениях россиян наметились позитивные перемены. На фоне роста числа оптимистов, которые смогли адаптироваться к существу-

ющим кризисным явлениям, больше половины (56%) опрошенных россиян не считают ситуацию в стране напряженной. Снизилось количество так называемых «катастрофистов», которые рисуют будущее страны в черных тонах. В ходе опросов социологи выявили любопытную закономерность. О Родине и о других людях наши сограждане печалятся гораздо больше, чем о себе самих. На вопрос о том, какие чувства у них преобладают в повседневной жизни, половина респондентов (48%) ответили «спокойствие и уравновешенность». При этом о безразличии и апатии говорили 23% респондентов. Можно отнести это к особенностям национального характера, но факт остается фактом. В нынешних условиях кризис остается кризисом, а патриотизм патриотизмом. На вопрос, какие чувства испытывают жители нашей страны к своей Родине, россияне произносят добрые слова и не проклинают свою страну, как это было в 90-х годах прошлого столетия. О любви к Родине заявили 13%, о гордости за неё — 20%, об уважении — 24%. Только четверть всех опрошенных (24%) испытывают эмоции со знаком минус — например, обиду (14%), возмущение (10%), 14% дать ответ затруднились, а равнодушных оказалось только 5%.

Прошедшие парламентские выборы показали, что люди устали от изобилия повторяющихся политиков, а к их речам выработали иммунитет, однако будущее свое население страны рассматривает как стабильное и спокойное. Наши люди не горят желанием устраивать перевороты, проводить «российские майданы» менять власть. Наибольшее доверие россияне испытывают к так называемой «державной триаде» — президенту России (81,8%), Российской армии — (65%) и православной церкви — (46%). Зато представительным институтам власти доверяют в меньшей степени: Совету Федераций — 46,4%, Государственной Думе — 45,5%, органам местного самоуправления — 25%, политическим партиям — 15%. Надежность власти по-прежнему отождествляется с высоким уровнем доверия нынешнему президенту В.В. Путину. Люди уверены, что нынешняя власть при всех её недостатках, достойна народной поддержки, а Россия должна стать великой державой. Таковы результаты исследований по данным ВЦИОМ («Новое время» от 31 октября 2016 г.). Конечно, любые результаты исследований при всей репрезентативности, не могут претендовать на истину в последней инстанции, но факты — «упрямая вещь», и поэтому общую положительную динамику существующей демократии в России трудно не признать. При этом нельзя не признать, что современные политические исследования и их результативность уже давно ориентированы не столько на категориальное определение демократии, сколько на выявление особенностей социально-политической трансформации режима власти под названием демократия. Причем внимание исследователей акцентируется на структурной типологии неопатримониальных (неопатримониализм (от лат. *patrimonium* — вотчина, от-

чина) режимов, которая выстраивается на основе различных отношений между ядром режима и его периферией [9]. В этой связи нельзя не отметить, что возникновение неопатримониализма, по мнению Ш. Эйзенштадта, обусловлено тем, что становление политических институтов современного государства во многих развивающихся обществах Азии, Африки и Латинской Америки происходит в рамках специфического режимного «синтеза» традиционного и современного. Становление неопатримониального режима является следствием неудачной или фрагментарной модернизации, что представляет собой одну из проблем демократизации современного общества.

Таким образом, различаются частичная демократия, жесткий тоталитаризм, авторитаризм и при этом каждый со своей спецификой неопатримониальных связей. На этой теоретической основе рассматривается разнообразие неопатримониальных режимов с африканской, латиноамериканской и постсоветской спецификой. В частности динамика постсоветских режимов в научных кругах представлена в трех измерениях: демократия, тоталитаризм и авторитаризм.

Такой подход в анализе динамики постсоветских режимов, на наш взгляд, позволяет выявить условия посткризисного демократического развития нашей страны. Например, особенностью устройства постсоветских неопатримониальных режимов является тот факт, что неопатримониальные элиты в постсоветских государствах разделены и конкурируют между собой, прежде всего, за доступ к клиентарно-патронажной сети, в центре которой находится лидер государства. В этом смысле сущность политической борьбы в неопатримониальной системе состоит в борьбе за расположение и покровительство со стороны главы государства, но отнюдь не за голоса потенциальных избирателей [10]. С этим трудно не согласиться, поскольку высокая стабильность жестких авторитарных и тоталитарных режимов объяс-

няется монополизацией главных политических ресурсов правящей группой, а также сплоченностью, солидарностью элит, благоприятными условиями ренты, личной харизмой правителя, геополитическим престижем и уверенностью, что каждый отступник будет подавлен соединенными усилиями тех, кто сохранил лояльность [9]. Если признать верными эти факторы, то их ослабление, тем более скоординированное, должно снизить стабильность, как минимум, до уровня «турбулентности». Действительно, в прошлой истории тоталитарных режимов смерть диктатора, военное поражение, падение международного престижа, существенное сокращение государственных доходов и ренты для элиты — все это приводило к кризисам, а то и к распадам, глубоким трансформациям режимов. Сегодня, когда активизируется роль личности в истории, на наш взгляд, харизматическая личность становится доминантой любого процесса преобразования общества, а тем более общества демократического толка. Современный лидер-харизматик, обладает харизмой, как социокультурным феноменом, а сама харизма, понимается как «совокупность психофизиологических свойств человека, проявляющихся в определенных социально-политических условиях в процессе коммуникативного распределения личности» [5, с. 50].

Особенности будущей российской «демократической действительности», на наш взгляд, тесно связаны с наличием двух факторов: личности лидера-харизматика, и окружающей его элиты. Будущая стабильность режимов на постсоветском пространстве зависит, таким образом, от того, насколько правящие группы сумеют нивелировать негативные факторы или хотя бы не допускать их одновременного действия. В этом случае сохранение сплоченности современных российских элит, высокий уровень рейтинга лидера, поддержание лояльности силовых структур, — оказываются главными условиями удержания современной авторитарно-демократической власти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вопросы жизни. М.: Синод, 1904. 70 с.
2. Горгий. Похвала Елене Ораторы Греции. Пер. Кондратьев С. П. изд. М.: 1985. с. 290.
3. Джеферсон Т. О демократии. СПб.: Лениздат, 1992. с. 335.
4. Йегер В. Пайдейя. Воспитание Античного Грека. Т. 1. изд. М.: ГЛК, 2001. с. 340.
5. Кравченко В. И. Харизматическая личность: многообразие понимания: Монография. СПб.: ЛГОУ им. А. С. Пушкина, 2005. с. 147.
6. Платон. Полное собрание сочинений в одном томе. М.: АЛЬФА — КНИГА. 2015. с. 1275.
7. Платон. Диалоги. Менексен / пер. с древнегреч. С. Я. Шейман — Топштейн. М.: Мысль, 1986. с. 345.
8. Платон. Государство / пер. с древнегреч. А. Н. Егунова. М.: АСТ, 2017. с. 356.
9. Розов Н. С. Неопатримониальные режимы: разнообразие, динамика и перспективы демократизации. Полис. Политические исследования. 2016. с. 139–156.
10. Фисун А. А. К переосмыслению постсоветской политики: неопатримониальная интерпретация. Политическая концептология. 2016. № 4. с. 158–187.

© Кравченко Владислав Иосифович (vz1612@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И МЕХАНИЗМЫ КУЛЬТУРНОЙ ЭКСПАНСИИ

GLOBALIZATION AND MECHANISMS OF CULTURAL EXPANSION

**E. Mezentsev
N. Vladimirova**

Summary. In the article indoctrination and euphemism is considered a mechanisms of cultural expansion in the context of globalization and elements of waging information wars. Tolerance is a condition, which is make mechanism activity. Overton window is manipulative technology, which can lead to loosing not only national and cultural identity, but human in human beings.

Keywords: globalization, tolerance, cultural expansion, Window Overton, indoctrination, euphemism.

Мезенцев Евгений Анатольевич

К.ф.н.,

Омский государственный технический университет

mez72@mail.ru

Владимирова Наталья Васильевна

К.филол.н., доцент, Омский государственный

технический университет

nathalie_poisson@mail.ru

Аннотация. В статье индоктринация и эвфимизм рассматриваются как механизмы культурной экспансии в условиях глобализации, как элементы ведения информационной войны. Толерантность представляется условием, при котором действие этих механизмов становится возможным. «Окно Овертона» является манипулятивной технологией, способной привести к утрате не только национальной и культурной идентичности, но и человеческого в человеке.

Ключевые слова: глобализация, толерантность, культурная экспансия, Окно Овертона, индоктринация, эвфемизм.

В настоящее время в философии, культурологии, социологии и политологии большее внимание уделяется осмыслению основных тенденций процесса глобализации. При научном анализе системы ценностей современного общества важными являются прежде всего социальный, экономический и политический аспекты, где более актуальным становится изучение проблем культурных трансформаций.

Различные аспекты глобализации, а также подходы к ее определению и изучению освещены работах Р. Робинсона А. Аппадуря, М. Штегера, И. Валлерстайна, М. Уотерса, Э. Гидденса, М. Кастельса, Д. Хелда и Э. МакГрю, П. Хёрста, Г. Томпсона, П. Дайкена, С. Сассен, Т. Фридмана, М. Вольфа, Дж. Штиглица, Н. Кляйн, Дж. Монбиота, М. Хардта, А. Негри, Дж. Томлинсона, М. Фезерстоуна, З. Бауман и др.

Ранее изолированные друг от друга государства, культуры, сообщества, люди, благодаря развитию масс-медиа и системе Интернет, оказываются в постоянном и практически неизбежном контакте. Многообразие глобальных социокультурных коммуникаций создаёт «единое социальное пространство» (Р. Робертсон), в котором человечество оказалось в активном межкультурном взаимодействии.

Глобализация — двойственный процесс. С одной стороны, в ходе культурной интеграции заметно обогащение национальных культур, с другой, — в форме культурной экспансии («культурной гомогенизации» и «культурной экстрюзии») происходит, к сожалению, полная утрата национальной и культурной идентичности.

Многими исследователями глобализация представляется как некий естественный, никем не управляемый процесс культурного взаимодействия, как объективный этап развития культуры, а культурная экспансия — как результат естественного «замещения» культурных, в частности духовных, ценностей менее «развитых» социальных общностей, более прогрессивными ценностями западного общества. Однако, думается, это справедливо только отчасти. Если обратиться к исследованиям П. Бергера, С. Хантингтона [4], то становится понятно, что культурная глобализация есть хорошо отлаженный, целенаправленный процесс, где синергичность глобальных культурных изменений в современных условиях чаще всего является её частным проявлением («альтернативная глобализация»).

Так, в концепции П. Бергера и С. Хантингтона глобальная культура проявляет себя как на элитарном, так и массовом (популярном) уровнях. Содержательную основу первого составляют идеи и ценности крупного международного капитала и западной интеллигенции («давосской культуры»), продуцирующие толерантность, мультикультурализм, феминизм, гендерность и т.д. По мнению авторов, носителями и идеологами элитарной глобальной культуры являются исключительно американцы, а представители других наций не имеют возможности быть частью этого круга.

Ценности глобальной элитарной культуры дозированно в свою очередь проецируются в популярную (массовую) культуру и продвигаются транснациональными корпорациями, где первичной становится не сама форма (товар), а содержание (идеологемы, смыслы, верования

и мифы, растворённые в бренде). Так, например, продукция фирмы Apple — это не столько телефон, планшет или ноутбук, сколько атрибут причастности к высшему обществу, элемент богоизбранности, «знак невидимой благодати» (П. Бергер).

Авторы данной статьи, не отрицая объективного и закономерного процесса усвоения ценностей других культур в процессе глобализации, считают, что глобализация — это глобальный геополитический проект, где гибридизация, субглобализация, глокализация, гомогенизация, культурная экстремизация, культурный конфликт выступают формами его реализации.

«Культурный империализм под диктатом западной идеологии потребления, лингвистическая гегемония английского языка, либерализм и релятивизм — всё это наиболее явные признаки культурной экспансии. Культурная экспансия принимает форму «культурной экстремизации», «продавливания» национальных культур через формулирующее отверстие геополитических интересов Запада» [7, С. 126].

Как известно, «промывание мозгов», «контроль сознания», «несиловые аспекты ведения войны» «информационная колонизация» «культурная экспансия» и т.д.— все это различные названия «информационной войны», происходящей в условиях информационной прозрачности, посредством которой Запад усиленно насаждает свои нормы и ценности национальным культурам. Как верно отмечено В.Г. Красько, информационные войны ведутся «с целью изменения в желаемом направлении их психологических характеристик (взглядов, мнений, ценностных ориентаций, настроений, мотивов, установок, стереотипов поведения), а также групповых норм, массовых настроений, общественного сознания в целом» [3]. Иначе говоря, информационные войны ведутся с целью индоктринации, при тотальном контроле средств массовой информации и отсутствии этого контроля со стороны государства.

Основная задача индоктринации — привитие социальной общности доктрин, идей, ценностных установок, культурных ценностей, законов, традиций, взглядов без их критического восприятия для создания нужных моделей и алгоритмов поведения.

Индоктринация позволяет сформировать нужное общественное мнение, несущее в себе оценку и отношение к какому-либо событию, представляющему интерес для общности, регулирует и предписывает ей определённое поведение и может выступать инструментом контроля и манипуляции общественного сознания.

«Выбор средств индоктринации — это выбор инструментария доступа к сенсорному и поведенческому аппа-

рату человека. Импринтинг, оперантное обусловливание, викарное научение — инструменты доступа к организации поведения человека. Создавая модели поведения, которым следует подражать, формируется общественное поведение» [10, С. 85].

Индоктринирование чаще всего происходит на уровне рационального выбора и воспринимается человеком как его собственный выбор. «Чем более рационально и логично мышление, тем легче его предсказать и внести хаос в логическую цепь. А, следовательно, направить в нужное манипулятору русло» [2 С. 129]. Низкий уровень образования, слабо развитые интеллект и способность критического мышления, клиповость сознания, нравственная и духовная дезориентация только способствуют данному процессу.

Общество постмодерна является благодатной средой для манипуляций, поскольку именно здесь происходит рассинхронизация и дисфункционализация привычных форм повседневной жизни; здесь господствуют симулякры и симуляции, постижение сущности заменяется поиском смыслов, где субъективное мнение выдается как истина, которая сама по себе носит контекстуальный характер.

В качестве одного из механизмов индоктринации предлагаем рассмотреть манипулятивную социокультурную технологию изменения общественного мнения Джозефа П. Овертона, позднее названную «Окном возможностей Овертона». Данная манипулятивная технология позволяет легализовать идеи, совершенно чуждые обществу, относящиеся к разряду немислимого (табу), путем последовательного, системного применения.

Движение Окна Овертона можно представить в следующем виде: немислимое → радикальное → приемлемое → разумное → популярное → нормальное (закреплённое законодательно).

Начало движения Окна возможностей происходит при переводе проблемы из разряда «немислимое» в «радикальное». Введение нужной проблематики сначала в научный, а затем и в общественный дискурс, позволяет растабуировать, десакрализировать идею/проблему, создать «градации серого». Использование метода фрейминга позволяет побудить аудиторию к восприятию различных трактовок явлений, порой даже радикальных, организовать и структурировать социальные смыслы. Это самый сложный этап, требующий управления из единого центра потоком информации, подаваемой под определённым ракурсом, с целью размытия критичности восприятия индивидом фактов, событий, отношений.

Следующим этапом движения Окна является перевод проблемы из стадии «радикального» в стадию «приемле-

мого». Весьма распространённым инструментом манипулирования сознания общества как в рамках внешней (конфликтогенность, информационная война), так и внутренней политики (функция политкорректности) в настоящее время являются эвфемизмы, поскольку, как отмечают учёные [1, 8, 9], «их лингвистическая природа заключается в том, что они, оставаясь эмоционально нейтральными субститутами нежелательных или слишком резких обозначений, выполняют функцию отвлечения внимания реципиента от запретного понятия» [9, С. 299].

Нельзя не обратить внимания и на то, что столь же часто неприятие ценностей одного общества другим заставляет последнего проявлять терпимость. Тем самым происходит актуализация толерантности как высшего «цивилизационного» проявления. В процессе эвфемизации происходит не только «облагозвучивание» явления, но и, самое главное, нередко производится подмена смысла самого понятия. Так в русском языке существует целый ряд слов и сочетаний, обозначающих однополые сексуальные отношения: собирательный термин «сексуальные меньшинства», «лица нетрадиционной ориентации», «гомосексуалист», «гей» и т.д. В этом случае мы можем наблюдать, что данное явление уже открывает возможность говорить о нём не как о сексуальном или психическом отклонении, а как о целом субкультурном процессе [6], что фактически ставит последнее в один ряд с другими разновидностями обычных и абсолютно приемлемых с точки зрения традиционной морали и нравственности субкультур (молодёжных, профессиональных и т.д.) в рамках российской ментальности.

Эвфемизм позволяет передвинуть Окно возможностей от радикального к приемлемому. Чаще всего, к сожалению, все, что табуировано, греховно в культуре, определяется неблагозвучными, инвективными терминами, использование которых в обществе неприемлемо. Отметим, что эвфемизм фактически выступает прикрытием для смысловой подмены, без которой понятийная индоктринация невозможна или затруднительна.

Серьёзные трудности возникают при прохождении первых трёх этапов, однако запущенное движение Окна невозможно остановить. Переход от невозможного до нормального (законного, желанного) — это вопрос времени. На данном этапе имеет место индоктринация посредством «бренд-персоны», или имиджевая индок-

тринация, «смысл которой заключается в воздействии на массовое сознание эталонными стандартами» [11, С. 82]. Действующими лицами имиджевой индоктринации выступают известные личности, разделяющие и популяризирующие растабуированное явление или идею.

Идеология толерантности подается как «прогрессивное» свойство современного цивилизованного общества, как гарантия раскрытия культурного многообразия, реализация свободы и творчества, плюрализма, демократии и правопорядка.

«Толерантность подразумевает принятие иного как своего, снятие границы между свое-чужое, допустимость не только существования иного, но и активное соучастие в жизни иного и (достаточно часто) отказ от своего в пользу иного» [5, С. 11]. Толерантность выступает как необходимое трансгрессивное условие, при котором насаждение, а потом и легитимация ранее неприемлемых культурных норм и ценностей становится возможным.

Основная сложность, однако, состоит в осуществлении начала движения Окна возможностей, а переход от «разумного» к «популярному», а далее к «нормативно закреплённому» является вопросом времени. Процессы культурных трансформаций в странах Запада и ближнего зарубежья позволяют делать вывод, что индоктринация, толерантность, эвфемизм, фрейминг и т.д. выступают не просто абстрактными научными терминами, не имеющими отношения к реальной жизни, а являются действенными, и, к сожалению, не единственными, манипулятивными социокультурными технологиями, позволяющими добиться ранее невыполнимых, разрушительных изменений в общественном сознании.

Эффективные манипулятивные техники установления контроля над сознанием активно разрабатываются и финансируются западными корпорациями и даже государствами. Они способствуют вживлению в социокультурное пространство элементов деградации, интеллектуальной примитивизации, росту девиации и аномии, целенаправленному расшатыванию общественных устоев, разрушению целостности духовной и культурной жизни российского общества, а средства противодействия данным угрозам, к большому сожалению, разрабатываются значительно медленнее.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дубинина, И. И., Барышникова Г. В. Эвфемизация как лингвистическое «оружие» ведения информационной войны / И. И. Дубинина, Г. В. Барышникова // Филологические науки. Вопросы теории и практики — Тамбов: Грамота, — 2016. — № 5(59): в 3-х ч. — Ч. 2. — С. 86–90.
2. Колмакова, Е. А. Рациональность мышления и манипуляции сознанием. / Е. А. Колмакова // Успехи современной науки. — 2017, — Том 9, № 4 — С. 128–130
3. Красько, В. Г. Секреты психологической войны (цели, задачи, методы, формы, опыт) / [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.koob.ru

4. Культурное разнообразие в современном мире / Под ред. П. Бергера, С. Хантингтона. Пер. с англ. В. В. Сапова под ред. М. М. Лебедевой. — М.: Аспект Пресс, — 2004. — 379 с.
5. Мезенцев, Е. А. Проблема границ толерантности / Е. А. Мезенцев // Международный научно-исследовательский журнал. — 2015. — 8–5 (39) — С. 10–12
6. Омельченко Е. Молодежные культуры и субкультуры / Ин-т социологии РАН, Ульян. гос. ун-т. Н.-И. центр «Регион». — М.: Ин-т социологии РАН, 2000. — 262 с. Режим доступа: <http://window.edu.ru/resource/277/42277/files/index.html>
7. Ополе, П. В. Культурные угрозы в условиях глобализации / П. В. Ополе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики — Тамбов: Изд-во Грамота, — 2016. — № 4(66): в 2-х ч. — Ч. 2. — С. 124–127.
8. Павлова, Е. К. Эмоционально-оценочная лексика в политическом дискурсе в условиях современной информационной войны / Е. К. Павлова // Филологические науки. Вопросы теории и практики — Тамбов: Грамота, — 2017. — № 11(77): в 3-х ч. Ч. 2. — С. 129–131.
9. Палажченко, М. Ю. Эвфемизация военно-политической лексики как способ ведения информационной войны / М. Ю. Палажченко // Государственное управление. Электронный вестник — Выпуск № 61. — Апрель 2017 г. — С. 298–309. Режим доступа: http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item_904
11. Савин, Ю.В. Индоктринация и ее влияние на поведение людей / Ю. В. Савин // Труды костромской государственной сельскохозяйственной академии. — Костромская ГСХФ. Караваево. Изд-во Костромская ГСХА. — 2016. — С. 82–87
12. Хмылёв, В. Л. Современные международные отношения: учебное пособие / В. Л. Хмылёв. — Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2010. — 210 с.

© Мезенцев Евгений Анатольевич (mez72@mail.ru), Владимирова Наталья Васильевна (nathalie_poisson@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Омский государственный технический университет

СТАНОВЛЕНИЕ РИТМОЛОГИИ КАК НАУКИ В ЭПОХУ АНТИЧНОСТИ

THE FORMATION OF RHYTHMOLOGY AS A SCIENCE IN THE EPOCH OF ANTIQUITY

S. Pozharsky

Summary. The paper gives a reader an insight into preconditions for the formation of the rhythmological direction of scientific knowledge from the historical and philosophical points of view. The article reveals ontological, epistemological and axiological preconditions for the fundamental principle of rhythmology. Rhythm is considered as the relative position of parts of the cosmos. The attention is focused on the rhythm development in cosmogenesis. The author examines the problems of practical application of the rhythmology theory in achieving harmony of human relationships.

Keywords: rhythm, rhythmology, rhythm system, time, motion, extent, proportionality, alternation, the prime motion (pervodvizhenie), harmony, rhythm process.

Пожарский Станислав Дмитриевич

К.ф.н., доцент, Смольный институт РАО
naumova_elena_07@mail.ru

Аннотация. В статье описываются предпосылки формирования ритмологического направления научного знания с точки зрения историко-философского подхода. Раскрываются онтологические, гносеологические и аксиологические предпосылки первоосновы ритмологии. Ритм как взаиморасположение частей космоса. Ритморазвитие в космогенезе. Рассматриваются проблемы практического применения теории ритмологии в достижении гармонии человеческих взаимоотношений.

Ключевые слова: ритм, ритмология, ритмика, время, движение, протяженность, соразмерность, чередование, перводвижение, гармоничность, ритмопроцесс.

Введение

Современное научное пространство проникнуто размышлениями о человеке и его месте в мире. Существует большое разнообразие подходов к познавательной деятельности человека, остановимся на одном из направлений — ритмологии, которая фокусирует внимание на рассмотрении развития в движении и изменении. В задачи данного исследования входит рассмотрение предпосылок формирования ритмологии как науки в эпоху античности, рассмотрение основ ритмологического знания, основных понятий ритмологии — *ритма* и *ритмики* в трудах античных философов. Актуальность данного направления научного знания обусловлена активным поиском в последние три десятилетия методов, концепций, изменяющих мышление человека и расширяющих его сознание. Появляются исследования, направленные на поиск устройства формы предметов и явлений материального мира в сознании человека. «Речь идёт именно о смене мышления человечества» [4. с. 4].

Методы исследования

В исследовании применялись эмпирические методы исследования: сравнение — выявление сходства или различия объектов и описание — фиксирование результатов опытов. Кроме того, использовались различные теоретические методы теоретического познания: аксиоматический (греч. *axioma* — принятое, бесспорное) ме-

тод — принятие ряда утверждений в качестве бесспорных для дальнейшего построения теории на их основе; метода анализа (греч. *analysis* — разложение, расчленение) — разложение целого на составляющие части; синтез (греч. *synthesis* — соединение, составление) — обобщение, сведение частей в единое целое; индукция (лат. *induction* — введение) — выведение общего умозаключения из частного; дедукция (лат. *deduction* — выведение) — выведение частного умозаключения из общего; аналогия (греч. *analogia* — сходство) — выведение заключений об одних свойствах объектов на основе соответствия, сходства их других свойств.

Результаты исследования

Авторы коллективной монографии «Ритмология культуры: очерки» считают, что ритмология — «...это если не отдельная дисциплина, то научное направление, изучающее условия ритмической организации систем жизнеобеспечения людей. Ритм лежит в основе человекообразности в её психофизиологическом и социокультурном аспектах. С ритмологической точки зрения, человеческое существо — это сложное взаимодействие множества внутренних и внешних пульсаций. Биение пульса, дыхание, речь, движение человека в пространстве — всё это имеет ритмическую основу...» [9. с. 32]. Происходит углублённое понимание обобщённого образа ритма как вида действительности, изменяющегося в процессе развития объективного мира. Объединяющей мыслью для книги стала идея ритма как базово-

го организующего принципа человеческой жизни, его влияние на различные среды и индивидов. Поставлены вопросы о соразмерности ритмов, о проблемах несоответствия ритмов, о трудностях, которые они вызывают, об исторической смене ритмических рисунков.

В произведениях Е. Д. Лучезарновой (Марченко) ритм связывается со временем, которое трактуется как субстанция, физическая величина. Ритмы Е. Д. Лучезарновой — новая жанровая форма, особо организованный текст с взаимопроникающими друг в друга синтаксическими и смысловыми конструкциями, делающими текст объёмным и многосмысловым. С помощью ритмов автор описала весь этот мир, раскрыла особенности человека и планеты.

Ритмология Е. Д. Лучезарновой (Марченко) практична, через систему наблюдения и прочтения знаков позволяет «фиксировать связи, которые невидимы обычным людям» [б. с. 268]. Поддерживая и развивая теорию о нелинейности времени и его активности, Е. Д. Лучезарнова даёт ему следующее определение: «Время — форма, способ, субстанция существования разума» [б. с. 270]. Ритмология как наука о времени, с точки зрения Е. Д. Лучезарновой, исследует человека и его ритм. Научившись фиксировать время и познав законы, по которым оно существует, человек сможет смотреть на происходящее как бы со стороны, при этом все события жизни будут связываться в единую цепочку неслучайностей.

Жизнь человека протекает в структуре единого социального пространства и времени, этот процесс возможен благодаря способности мышления и сознания. Как отмечают исследователи, человек живёт в условиях проявления многообразия ритмов (биоритмы, социоритмы, трудовые ритмы и т.д.), это проявляется в практической деятельности.

Человек остаётся живым существом, вписанный в единый природный ритм жизнедеятельности, он обладает громадной структурирующей силой и приводит в порядок свойства жизни. Вследствие этого при историческом анализе образа жизни ритмическое развитие у оседлых народов характеризовалось размеренностью и абстрактным понятием — протяжённостью. С одной стороны, оно характеризуется общепонятной категорией времени, с другой стороны, предметом, носящим утилитарную функцию — часами, которые фиксируют время и являются материальным предметом ритмической характеристики бытия.

Без понимания философского осмысления времени и его инструмента фиксации движения (часов) не понять практического значения в чередовании ритма жизни. Поэтому не случайно часы как элемент фиксации време-

ни использовались с древнейших времен в Египте, Китае, Греции.

Ритм жизни способствует раскрытию физических и психологических сторон жизни человека и упорядочиванию элементов живой и неживой природы.

Понятие ритма и ритмологии

Положение об изначальной ритмичности объективной реальности пронизывает всё философское и религиозное мировоззрение. В древнеиндийской философии бог Брахма на основе перворитма творит и разрушает время и существующий в нём мир. В греческой мифологии Киклопы, помощники кузнеца Гефеста, чередой ударов молотов по наковальне отбивают ритм строительства мироздания. Пифагорейцы ритмичность космоса нашли в идеях числа и меры (единицы).

В древние времена человек заметил, что вся природа подчиняется определённым ритмам: сменяются времена года, день сменяется ночью, расцветает и погибает растительный мир, жизнь замещается смертью — всё это происходит с определённой повторяемостью. Опыт мировой истории подтверждает эту тенденцию сменой и развитием цивилизаций. Исторические тенденции развития этого понятия восходят к этапам развития греческой и латинской культуры. Ритм в древнегреческом языке определяется как «образ», «вид», «фигура», «соразмерность» [1. с. 41]. Важная характеристика ритма дана в понимании *соразмерности* как динамической основы движения.

В практической ритмологии исследование закономерностей чередования элементов мира, видоизменение форм ритма имеет актуальное значение, когда ритм жизни человека ограничен возрастным пределом, а в процессе развития необходимо осуществить многообразие этапов этого движения.

Данная проблема становится актуальной в свете развития мировой науки, анализирующей процесс развития с созидательной точки зрения, когда для понимания преобразования мира необходима уже не констатация магии ритма, а знание закономерностей чередования не только отдельных процессов, а всего земного и космического пространства.

Современная наука разрабатывает новый концепт понимания *ритма* и *ритмологии* в процессе переосмысления и углубления новых теоретических положений развития и его эмпирических категорий.

В исследованиях многих отечественных и зарубежных авторов это связано с одной из фундаментальных философских и научных категорий — с категорией *раз-*

витие как «...закономерное, направленное качественное изменение материальных и идеальных объектов...» [10. с. 479].

Предшествующие знания о ритмологии позволяют получить ответы на два важных вопроса: (1) в чём состоит сущность этого понятия и (2) каким всеобщим свойством обладает эта категория и какие основания имеются для выделения этой категории и её последующего изучения.

Ритм оказывает особое воздействие на поведение человека, на раскрытие его творческих способностей. Отметим общие свойства ритма: 1) природные и социальные ритмы характеризуются бинарной сущностью своего содержания; 2) характерная особенность ритма заключается в волнообразном чередовании составных частей ритма, эта особенность подчёркивает динамический характер ритмосодержания.

Представление о развитии, движении и ритмологии как способе его реализации формировалось параллельно с осмыслением окружающего человека мира природы. Первый этап античности традиционно связывается с именами натурфилософов, а также некоторых софистов.

Фалес Милетский

В представлениях этого философа первоначально мизогения создала предпосылки для философского, а затем и научного осмысления понятия *ритмология*. Сама постановка проблемы развития содержит в потенциале проблему *ритмологии* как системы функционирования, прерывистости движения, от исхода до конца, определённого движения бытия. Одновременно с этим, первоначально или первоначальное связывается с одним из современных значений *ритма* как фундамента или исходного пункта развития.

У Фалеса существенно присутствие в понятии ритмология определения «конкретная форма». Категория *ритм* рассматривается как стадия в фундаментальной философской категории — *движение*.

Анаксимандр

Рассматривая проблему конечного и бесконечного, пришёл к заключению, что первоначально должно быть бесконечным и неопределённым, ему он даёт название *апейрон* (απειρον — греч. «беспредельное»), который рассматривается как форма материального мира, как элемент *ритма*. На первом этапе изменения *апейрон* порождает противоположности, здесь начинается процесс развития нового и происходит развитие в форме

ритмологического скачка, когда осуществляется переход влажного в сухое, тёплого в холодное.

Это теоретическое положение Анаксимандра имело далеко идущие последствия. Комбинация этих качеств даёт понимание развития различных элементов: земли, воды, воздуха и огня. Так, из тёплого и холодного возникла огненная оболочка, покрывающая мир (*гео*). Важно, что для сохранения целостности мира элементы не должны нарушать своих границ.

Беспредельность — первое и самое существенное свойство первоначала в концепции Анаксимандра. Он рассматривает два противоположных состояния *ритма*, или, в абстракции — точки, каждая из которых граничит с областью неопределённого и охватывающего все свойства *апейрона*. Через них возможен возврат вещи в состояние первоначала, но уже с новыми свойствами. Если действительно исходное состояние есть некое начальное установление границ, то *ритм* как её состояние в процессе чередования является переходным звеном в цепи преобразования и изменения субъекта, в котором достигается максимум индивидуального существования вещи в конкретной форме.

Таким образом, *ритм* — это форма максимального по времени существования вещи в выделенном из *апейрона* состоянии, выражаемое в ненарушении установленных с другими вещами границ.

Пифагор

Опираясь на теорию первоначала природы, Пифагор и его последователи считали число, а более конкретно, единицу выражением единого. В этом смысле пифагорейцы, как отмечает А.Н. Чанышев, дополнили «апейрон Анаксимандра как «беспредель» пределом (дуализм), поняв последний как геометризованное число» [12. с. 501].

У Пифагора конкретное выражение категории предела находится в геометрии. В пифагореизме это не просто человеческая практика, это выражение процесса ритмо-развития в космогенезе.

В учении пифагорейцев были выделены десять пар противоположностей, которые можно рассматривать как формы выражения ритмов: 1. предел и беспредельное; 2. нечёт и чёт; 3. единое и многое; 4. правое и левое; 5. мужское и женское; 6. покоящееся и движущееся; 7. прямое и кривое; 8. свет и тьма; 9. хорошее и дурное; 10. квадратное и продолговатое.

Гармония, наряду с пределом и беспредельным, числом также относится к центральным понятиям пифагореизма. В его развитой форме у Филолая находим, что

«... эти два начала [перас и апейрон] связываются посредством гармонии <...> Гармония есть соединение разнородного и согласие несогласного...» [11. с. 89], «... Гармоничность — особое свойство, выражающее примирение противоположностей...» [7. с. 146]. Достичь гармонии означает стать целостным, т.е. единым, подобным Единому (Богу).

Ритм возможно определить через категорию гармонии. Это состояние наибольшей гармоничности в существовании вещи, выражаемое в балансе противоположностей. Это состояние наибольшей дисгармонии, когда одно из начал максимально подавляет другое. В силу того, что в терминологии пифагорейцев «всем владеет число», соотношения противоположностей в состояниях могут быть выражены количественно.

Гераклит

Первоосновой мироздания у Гераклита является огонь, образ которого наиболее точно характеризует идею вечного движения или изменчивости. Весь мировой процесс выглядит у Гераклита как балансирование между двумя состояниями — максимального единства разнообразных вещей (воспламенение) и максимального различия разнообразных вещей (угасание огня). Эти два состояния, которые можно охарактеризовать как балансирование, названы Гераклитом «путь вверх-вниз».

Закон борьбы противоположностей — центральная идея в концепции Гераклита. Воспламенение и угасание — это две противоположно направленные тенденции в существовании первоначала, максимальная и минимальная степени выраженности его основного свойства, которые образуют суть противоречивости и принципа борьбы. В качестве иллюстрации у Теофраста содержится следующая позиция Гераклита: «... из противоположностей та, что ведёт к воспламенению, зовется *Согласием, Миром* ...» [2. с. 102], а в другую сторону — рознь. Дальнейшее развитие этих идей будет осуществлено Эмпедоклом при рассмотрении категорий Любовь и (Раздор) в форме чередования ритмопроцесса.

У любой вещи может быть бесконечное множество свойств. В этом состоянии *ритм* (как форма) оказывается состояниями пространственно-временной композиции (гармонической структуры) сущностных свойств объекта, характеризующихся определённой степенью их выраженности, вне этого состояния ритм (объект) будет уже другим, потому как изменится композиция (или структура

Истинным достоверным суждением о сущности *ритма* будет установление закона, характеризующего прин-

цип связи сущностных свойств объекта и их динамику. Процедура исследования — это многократные наблюдения и сравнительный анализ.

Высшее достижение развития человека — это слияние его души с мировым логосом. Мера *ритма* определяется природой объекта. Для живых объектов — это генетическая программа. Для человека это генетическая программа в единстве с социальной программой (идеал).

В воззрениях Гераклита обострена диалектика выбора. Если мы предпочитаем одно состояние, то мы удаляемся от противоположного ему. Принципиальный тезис, выявляемый у Гераклита — это то, что *ритм* есть разные степени проявления одного предельного свойства — совершенства.

Именно состояние *ритма* предполагает одновременно максимальную степень выраженности следующих свойств: *мудрость* (предельное сознание), *чистота* (свобода от побуждений тела), *лучезарность* (глубокое понимание сути вещей), *святость* (осознание единства и высшего смысла вещей).

Эмпедокл

Предложил одну из первых теорий биологической эволюции. Для нас Эмпедокл интересен, прежде всего, как мудрец. Он рассматривал движение как чередование вещей, как познание сущности бытия. Движущими причинами у Эмпедокла выступают две противоположно направленные силы — Любовь и Ненависть, сущность которых в соединении и разделении. Различия между ними обусловлены разной пропорцией (количественным соотношением) между Любовью и Ненавистью.

Разница заключается в том, что Любовь соединяет разнокачественные элементы и разъединяет однокачественные, а Ненависть — соединяет однокачественные и разъединяет разнокачественные. Под действием сил элементы смешиваются друг с другом в определённом сочетании, и проявляются глубинные характеристики понимания чередования ритма как процесса движения, а впоследствии изменения сущности рассматриваемого объекта.

В развитии мира Любовь и Ненависть чередуются друг с другом. В этом чередовании существуют четыре состояния: полное господство Любви, переход от Любви к Ненависти, полное господство Ненависти, переход от Ненависти к Любви.

В состоянии господства Любви мир представляет собой высшее состояние, совершенную смесь, бескачественный Сфайрос, полное единство разнородных эле-

ментов. В состоянии господства Ненависти все элементы максимально отчуждены друг от друга. В промежутках между этими крайними состояниями под действием силы Любви возникают разнообразные вещи.

Следовательно, самой высшей или абсолютной формой ритма будет с одной стороны, тот самый бескачественный Сфайрос, совершенное смешение элементов, а с другой стороны это максимум в проявлении Раздора (Ненависти) и состояние отчуждённости элементов.

Движение ритма обусловлено разной пропорцией (количественным соотношением) между Любовью и Ненавистью. В зоне господства Ненависти, когда все элементы максимально отчуждены друг от друга, в образующихся индивидуальных вещах преобладает тенденция к соединению однородных, т.е. однокачественных корней (элементов): огонь-огонь, земля-земля и т.п.

В зоне Любви в образующихся вещах преобладает тенденция к соединению разнородных или разнокачественных корней (элементов): огонь-земля, вода-земля, воздух-огонь и т.п.

Таким образом, можно выделить несколько свойств чередования, которые составляют сущность циклического развития у Эмпедокла: телесная организация (её пропорциональность, соразмерность); формы общения (высшая из них — общение посредством человеческой речи, следовательно, общение есть, в свою очередь, форма проявления Любви); разделение полов и, следовательно, максимальное раскрытие и выражение их природы.

Приближение к истине — это процесс развития, напряжённый труд не одного поколения людей. Следование правильному разуму означает нахождение в согласии с божественным разумом. Истина рассматривается Эмпедоклом как достижение высшего состояния человеческой жизни. Мудрость есть цепь вершин, открываемых Божественным разумом наиболее настойчивым.

«Познай, сделав в уме разумное деление...» [7. с. 743] — фраза, указывающая на то, что истина достигается в результате мыслительных операций с теми фактами, полученными в ходе чувственного восприятия — отделения существенных свойств от несущественных.

Познание истины, в сущности, сводится к раскрытию силы Любви, действующей во всём мире. Обладая от природы этой силой, он обладает способностью видеть созидательную силу Любви и применять её для своего физического и умственного развития.

Наконец, завершающим моментом в гносеологическом плане и подготавливающим плавный переход

к аксиологии является предпосылка того, что развитие человека определяется тем, как он представляет окружающий мир: *«... Ибо человеческий разум растёт соответственно представляющемуся...»* и *«... переменна в (нашем) состоянии сопряжена с переменной (нашего) образа мыслей...»* [7. с. 743]. Состояния человека определяются образом его мысли. Следовательно, закон, его сущностные свойства, есть именно образ мысли.

Смысл жизни — высшее понимание состояния человека — это ежедневное преодоление смерти, постоянное движение к состоянию Сфайроса, как абсолютного единства и растворённости в мире при полном господстве сил Любви.

Любящий видит Высшую сущность (ещё не реализованное, но потенциально способное к такой реализации) в любимом. Это означает, что тот, кто любит, видит в объекте своей любви лучшие свойства, он своим отношением способствует обнаружению и раскрытию этих свойств, далее идёт процесс реализации потенциального, через гармонию единого целого (в семье, в антропогенезе). Так, любящие родители видят лучшее в своём ребёнке и создают условия для его развития. Дети видят лучшее в родителях и уже воздают им благодарность. Учитель видит лучшее в учениках, а ученики — в учителе, развивая лучшие его идеи. Мужчина видит лучшее в женщине, а женщина — в мужчине, и они развиваются во взаимном союзе. Примеров тому есть множество, но суть одна — видение лучшего и вера в это способствует тому, что взаимодействие субъекта и объекта любви приближает их обоих к состоянию непрерывного развития. Это происходит в результате ритмической передачи высшего единства, т.е. раскрытия своей сущности в продолжении чередования поколений в непрерывном ритме человеческой жизни. Из этого же следует важный вывод, что состояние Высшего единства (гармония как минимум двух субъектов) не может быть достигнуто изолированным объектом, а только во взаимодействии с другими, в противном случае, теряется смысл Высшего единства.

Демокрит

Принципиальное отличие миропонимания Демокрита в том, что *«...бытие существует несколько не более, чем небытие. И оба они одинаково являются причинами для возникновения...»* [8. с. 58]. Любая вещь есть совокупность атомов и пустот. Существование вещей во времени связано с действием необходимости: *«... в течение определённого промежутка времени атомы пребывают вместе, пока какая-либо более сильная необходимость, явившаяся извне, не потрясёт [образовавшийся конгломерат] и, разделив*

[атомы], рассеет их...» [8. с. 112]. Необходимость составляют, с одной стороны, вихревое движение, обуславливающее разделение масс, а с другой стороны, возможность столкновений вещей, миров друг с другом. Вихревое движение составляет основу для взаимодействия атомов по принципу подобия. Важно, что в развитии вещи или мира существует стадильность: рост, расцвет и разрушение. Признак расцвета мира, когда он не «в состоянии более принимать [в себя] что-либо извне».

Что нового позволяют увидеть перечисленные положения о бытии Демокрита? Движение вверх как направленность (одна из характеристик развития), как чередование, детерминированное определённым ритмом, есть преобразование в структуре связей элементов атомов (их положения и порядка) в сторону всё большего структурирования нового образования в связях атомов, которые приводят к разделению старого и образованию нового. Силы подобия — это силы движения к Силе столкновения (с неподобным, потому как между сталкивающимися структурами не образуется взаимосвязи) — это силы движения к Раздору.

Таким образом, любая вещь есть совокупность атомов и пустот. Бесчисленность атомов по форме, а также бесконечное разнообразие их сочетаний между собой обуславливает бесчисленность не только вещей конкретных, но и целых миров.

Выводы исследования

Итак, подведём итоги рассмотрения процесса формирования ритмологии.

Во-первых, период античности — это время расцвета различных форм деятельности и идей выдающихся мудрецов в широком кругу лиц, желающих познать действительность.

В методологическом плане значимость первого этапа философской мысли античности заключается в определении понятий *первоначало*, *предел* и *сущность развития*, квинтэссенция этой мысли сформирована в триединстве пространственной сущности мира, выраженной в категориях «*верх-середина-низ*» как универсального пути развития разнообразных природных объектов. Разработка категории *первоначало* приводит к ещё одной триаде — качественно-количественных определённости вещей — «*точка-граница-сферос*».

Происходит процесс выделения высших свойств понятий и категорий, которые являются одновременно и вершиной философской мысли, и характеристикой процесса движения в форме ритма. Обозначаются еди-

ничные категории — исходные состояния, с которых начинается путь любого развития. Совершенствуется система понятий, связанных с категорией гармонии, понимаемой как взаимодействие между частями и целым, осмысливается пифагорейская категория «*единое*» как космическая единица, намечается понимание чередования ритмов как частей объективного мира в форме воды, апейрона, единицы. Рассматривается понятие цикл как чередование ритмов в единстве определённой сущности или сферы, символизирующем полную картину развития. Анализируются материальные элементы научных субстанций: вода, воздух, огонь, земля, число, «корни вещей», атом. Обобщающим фактором деятельности философов данного времени является формирование категориально-понятийного аппарата ритмологии.

Во-вторых, рассматривается особая роль *ритма* и *ритмики* в ходе ритмологического процесса как особого состояния в развитии природы и человека как внутренней гармонии, определённой чувством меры, в пределах которой взаимосвязаны элементы развития.

Вводится понятие «определённости» природного материального объекта, отражается и фиксируется его отличие от других, рассматривается его специфичность. Качественная определённость *ритма* конкретизируется с помощью понятия границы, фиксирующей отличие и взаимосвязь объектов по отношению друг к другу.

В-третьих, для методологического понимания сущности *ритмологии* важно, что всякое конечное имеет внутреннее и внешнее основание для перехода в другое состояние, для выхода за границу. С понятием границы связан принцип справедливости. Так как понятие первоосновы неизбежно предполагает удвоение, порождение противоположностей, то гармония приобретает значение взаимосвязи этих противоположностей в едином целом через взаимодействие: тёплое и холодное, справедливость и несправедливость, разряжение и сгущение, вихревое движение атомов.

В-четвёртых, динамика движения как ритмочередование, как путь к совершенствованию выводится из анализа борьбы противоположностей.

Ключевая категория — это состояние движения на пути к совершенствованию, которое проходит через смену состояний, лежащих в пределах каких-либо противоположных качеств. Существенно, что для мыслителей данного периода совершенствование — это замкнутый цикл, когда с необходимостью наступает возврат к исходному пункту (первоначалу). Для характеристики состояний используются понятия: единство мира, огненная оболочка мира, определённость и неопределённость, огонь, ветер, вода, облака, земля, камни,

напряжённость, гармония сфер, сферос, хаос и космос. Примечательно, что огонь, вода, земля, воздух — это и первоначало, и определённые состояния.

В-пятых, формируется принцип передачи мудрости в форме знаний, научных теорий и организации обучения достигнутым вершинам деятельности. В связи с этим повышается роль системного знания и создаются предпосылки распространения мудрости в организованных формах (школы, лицеи, академии и др.).

Общее заключение

Таким образом, основы ритмологических знаний были заложены ещё в античности. Историко-философский подход позволяет выявить предпосылки формирования ритмологии как науки и этапы её становления, что является важным для понимания современного состояния развития данной области знаний о человеке и мире и даёт возможность определить пути дальнейшего продвижения в развитии ритмологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Весман А. Д. Греческо-русский словарь /Репринт V-го издания 1899 г. М., 1991. — 694 с.
2. Гераклит Эфесский: все наследие: на языках оригинала и в рус.пер.: крат. изд. / подгот. С. Н. Муравьев. М.: 000 «Ад Маргинем Пресс», 2012. — 416 с.
3. Гуревич П. С. Эстетика, М. — Кнорус, 2016. — 454 с.
4. Золотухина И. И. Музыка сфер и геометрия пространства. — Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2003. — 312 с.
5. Каратини Р. Введение в философию — М.: Эксмо, 2003. — 736 с.
6. Лучезарнова Е. Д. Ритмология от события, или к чёрту общество чистых тарелок. — 4-е изд., дополненное — СПб.: РИТМОВЗЛЁТ, 2017. — 392 с.
7. Маковельский А. О. Древнегреческие атомисты, АН Азербайджанской ССР. — 399 с.
8. Материалисты Древней Греции — Государственное изд-во Политической литературы — Москва. 1955. — 238 с.
9. Ритмология культуры: очерки / под ред. Ю. Ю. Ветютнева, А. И. Макарова. СПб.: Алетей, 2012. — 280 с.
10. Философский словарь. М., Издательство «Республика», 2001. — 720 с.
11. Чанышев А. Н. Итальянская философия — Изд-во Московского университета. 1975. — 216 с.
12. Чанышев А. Н. Пифагореизм / Философский словарь под ред. И. Т. Фролова, Ред. колл.: А. А. Гусейнов, В. А. Лекторский, В. В. Миронов и др. Составители: П. П. Апрышко, А. П. Поляков, Ю. Н. Солодухин. — 8-е изд., дораб. и доп. — М.: Республика; Современник, 2009. — 846 с.

© Пожарский Станислав Дмитриевич (naumova_elena_07@mail.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МОДАЛЬНЫЙ ШЕСТНАДЦАТИУГОЛЬНИК

MODAL SHESTNADCATILETNIM

V. Svetlov
N. Sidorov

Summary. The problem of interpreting the modal syllogistics of Aristotle still remains an extremely debatable problem. Some researchers consider it unsolvable in principle because of the contradictions Aristotle had when proving the syllogisms of contingency. Recognizing the existence of this problem, in the article the first and very important step to its correct solution is made — logical relationships are explained between all universal and particular types of apodictic, problematic and accidental judgments. To this end, a modal heccaedecagon is constructed for all simple judgments of the Aristotelian type. It turns out that the reason for Aristotle's accusations is the misinterpretation by modern researches of the difference between contradictor and contrary contingency.

Keywords: Aristotelian logic, assertions, modal operators, the ability, and kontradiktorna contrary accident, the modal shestnadcatiletinim.

Светлов Виктор Александрович

Д.ф.н., профессор, Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I
victor-svetlov@yandex.ru

Сидоров Николай Михайлович

К.ф.н., доцент, Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I
udoml@mail.ru

Аннотация. Проблема интерпретации модальной силлогистики Аристотеля до сих пор остается крайне дискуссионной проблемой. Некоторые исследователи считают ее неразрешимой в принципе из-за противоречий, возникших у Аристотеля при доказательстве силлогизмов о случайности. Признавая наличие данной проблемы, в статье делается первый и очень важный шаг к ее правильному решению — выясняется логическая зависимость между всеми общими и частными видами аподиктических, проблематических и акцидентальных суждений. С этой целью строится модальный шестнадцатигульник для всех простых суждений аристотелевского типа. Выясняется, что причиной обвинений Аристотеля служит неверное истолкование современными интерпретаторами различия между конрадикторной и контранной случайностью.

Ключевые слова: аристотелевская логика, простые суждения, модальные операторы, возможность, конрадикторная и контранная случайность, модальный шестнадцатигульник.

Аристотелевская модальная силлогистика до сих пор остается предметом разнообразных, часто прямо противоположных интерпретаций. В данной статье продолжен анализ модальных отношений между четырьмя видами простых суждений аристотелевской логики — *A*, *E*, *O* и *I*, каждое из которых может быть необходимо, ассерторически, возможно, случайно истинным или ложным [1; 2; 3; 4; 5]. Одной из причин этого стала путаница в понимании аристотелевской интерпретации случайности. Для решения этой проблемы строится модальный шестнадцатигульник.

Пусть \square обозначает оператор необходимости, \diamond — оператор возможности. Случайность можно определить как конъюнкцию возможностей *противоречащих* друг другу суждений (*X* - произвольное суждение):

$$\nabla X \leftrightarrow (\diamond X \& \diamond \neg X) \text{ (возможно как } X, \text{ так и } \neg X) \quad (1)$$

Случайность в смысле (1) мы назовем **контрадикторной**. Из (1) следует, что контрадикторно случайные суждения эквивалентны своим контрадикторно случайным логическим отрицаниям:

$$\nabla A \leftrightarrow \nabla O \quad (2)$$

$$\nabla E \leftrightarrow \nabla I \quad (3)$$

Случайность можно также определить как конъюнкцию возможностей противоположных друг другу суждений (отдельно для общих и частных).

$$\blacktriangle X \leftrightarrow (\diamond X \& \diamond X^*) \text{ (возможно как } X, \text{ так и противоположное ему суждение } X^*) \quad (4)$$

Случайность в смысле (4) мы назовем **контранной случайностью**. Она означает не необходимость истинности и не необходимость ложности суждения *X* и его противоположности. Из (4), в частности, следует

$$(\blacktriangle A \leftrightarrow \blacktriangle E) \leftrightarrow (\diamond A \& \diamond E) \quad (5)$$

$$(\blacktriangle I \leftrightarrow \blacktriangle O) \leftrightarrow (\diamond I \& \diamond O) \quad (6)$$

$$(\blacktriangle A \leftrightarrow \blacktriangle E) \rightarrow (\blacktriangle I \leftrightarrow \blacktriangle O) \quad (7)$$

$$(\blacktriangle A \leftrightarrow \blacktriangle E) \leftrightarrow ((\nabla A \leftrightarrow \nabla O) \& ()) \quad (8)$$

$$(\blacktriangle A \leftrightarrow \blacktriangle E) \leftrightarrow \quad (9)$$

$$(\nabla A \& \nabla O \& \nabla E \& \nabla I) \quad (10)$$

Согласно (4), если общие суждения вида *A* и *E* контранно случайны, из универсума модальных суждений исключаются все — общие или частные суждения, перед которыми стоит знак необходимости \square . Иными словами, дизъюнкция $(\square A \vee \square E \vee \square I \vee \square O)$ представляет логиче-

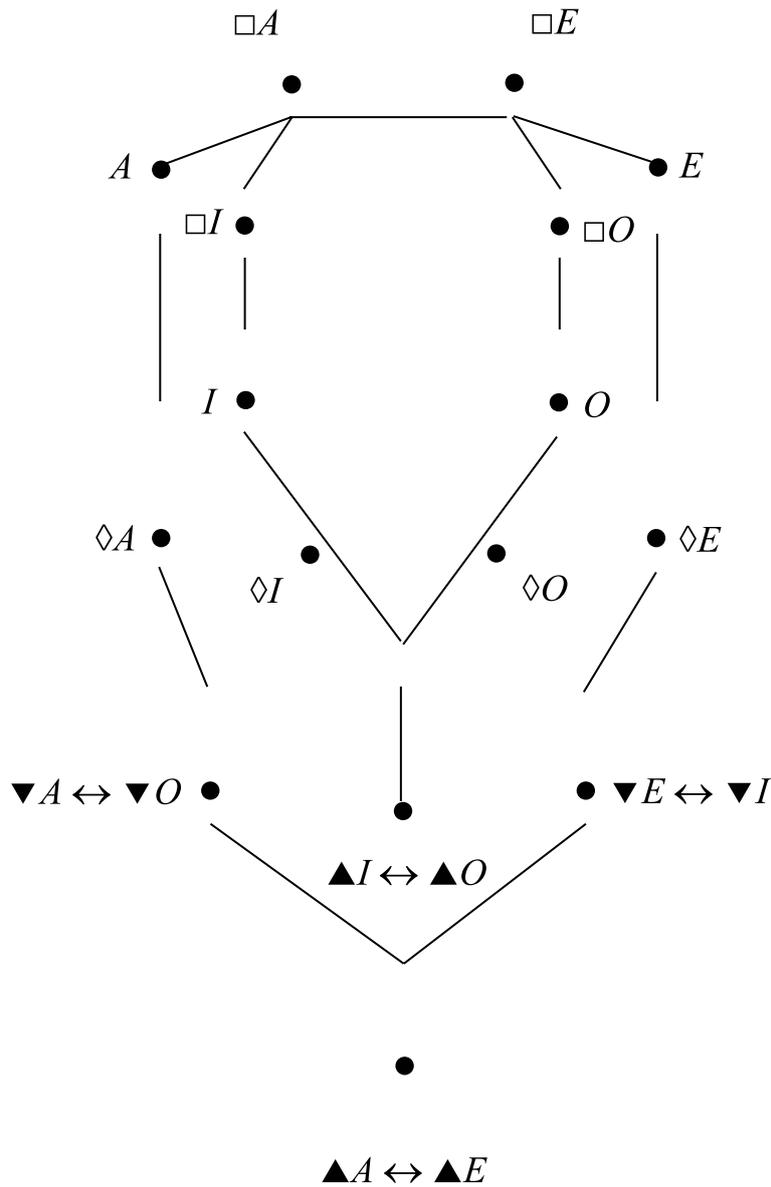

Рис. 1. Модальный шестнадцатигульник

ское отрицание рассматриваемой случайности общих суждений. Но этого нельзя утверждать, если речь идет о контрарно случайных частных суждениях, так как они исключают только дизъюнкцию ($\Box A \vee \Box E$). Значит, контрарная случайность общих суждений представляет определение случайности в более сильном смысле, чем контрадикторная случайность. В то же время контрарная случайность частных суждений логически слабее контрадикторной случайности. Контрарную случайность общих суждений можно назвать **абсолютной случайностью**.

Возможность, случайная в абсолютном смысле, логически сильнее, чем контрарно случайная возможность

для частных суждений и контрадикторно случайная возможность для произвольных суждений и тем самым логически сильнее возможности, совместимой с необходимостью. То есть все, что выполняется для общих суждений, начинающихся со знака \blacktriangle , с необходимостью выполняется для эквивалентных или подчиненных суждений, начинающихся со знака \Diamond , ∇ или \blacktriangle . Все, что не выполняется для суждений, начинающихся со знака \Diamond , ∇ или \blacktriangle для частных суждений, не выполняется для общих суждений, начинающихся со знака \blacktriangle . Исключение составляют следующие два подчинения для частных суждений:

$$\nabla I \rightarrow (\blacktriangle I \leftrightarrow \blacktriangle O) \tag{11}$$

$$\nabla O \rightarrow (\blacktriangle I \leftrightarrow \blacktriangle O) \tag{12}$$

Подчинения (11) и (12) говорят о том, что частные контрадикторно случайные суждения логически сильнее, чем частные контрарно случайные суждения.

Пусть Aab обозначает общеутвердительное суждение с субъектом a и предикатом b ; Iab , Eab , Oab — частноутвердительное суждение, общеотрицательное и частноотрицательное суждения с этими же терминами соответственно.

Тогда истинны следующие подчинения с обращением:

- $\diamond Aab \rightarrow \diamond Iba$ (13)
- $\diamond Eab \leftrightarrow \diamond Eba$ (14)
- $\diamond Iab \leftrightarrow \diamond Iba$ (15)
- $\neg(\diamond Oab \rightarrow \diamond Oba)$ (16)
- $\neg(\nabla Aab \rightarrow \nabla Aab)$ (17)
- $\nabla Aab \rightarrow \nabla Iab$ (18)
- $\nabla Iab \leftrightarrow \nabla Iba$ (19)
- $\nabla Eab \leftrightarrow \nabla Eba$ (20)
- $\neg(\nabla Oab \rightarrow \nabla Oba)$ (21)
- $\neg(\blacktriangle Aab \rightarrow \blacktriangle Aab)$ (22)
- $\blacktriangle Aab \rightarrow \blacktriangle Iab$ (23)
- $\blacktriangle Aab \rightarrow (\nabla Eba \leftrightarrow \nabla Iab)$ (24)
- $\blacktriangle Iab \leftrightarrow \blacktriangle Iba$ (25)
- $\neg(\blacktriangle Eab \rightarrow \blacktriangle Eba)$ (26)
- $\blacktriangle Eab \rightarrow \nabla Eba$ (27)
- $\blacktriangle Oab \leftrightarrow \blacktriangle Oba$ (28)

Полученные результаты в обобщенной форме можно свести к следующим основным утверждениям.

(А) Независимо от модального знака общеутвердительные суждения обратимы только в частноутвердительные суждения соответствующей модальности.

(I) Независимо от модального знака частноутвердительные суждения обратимы в частноутвердительные суждения соответствующей модальности.

(E) Общеотрицательные суждения с модальным знаком \diamond или ∇ обратимы в общеотрицательные суждения соответствующей модальности, но суждения с модальным знаком \blacktriangle не обратимы в суждения данной модальности.

(O) Частноотрицательные суждения с модальными знаками \diamond , ∇ не обратимы, но с модальным знаком \blacktriangle обратимы в суждения этой же модальности.

Всю информацию о логических отношениях между модальными и ассерторическими суждениями содержит следующий 16-угольник (геккайдекаэдр) (рис. 1).

Из теории графов следует, что в графе с 16 вершинами имеется $16 \times 15/2 = 120$ ребер, то есть имеется 120 воз-

можных логических отношений между обозначающими эти вершины суждениями. Лишь незначительная часть из них указана на рис. 1. Полное описание, обозначение и исследование свойств представляет задачу ближайшего будущего.

Много споров до сих пор вызывает экспликация понятия возможности, используемого Аристотелем в силлогистических доказательствах. Чтобы отличить аристотелевское толкование возможности от интерпретации, принимаемой в современных модальных исчислениях, — как возможности, совместимой с необходимостью, первое часто определяют как определение случайного события. Однако выше было показано, что следует различать два понимания случайности — контрадикторное и контрарное. *Только контрарная случайность соответствует аристотелевскому пониманию возможности.* Следовательно, все модусы, принимаемые Аристотелем, в которых присутствует хотя бы одна посылка о возможно присущем, доказываются как модусы с контрарной случайностью. При этом ни один из этих модусов не является ложным.

Как отмечалось, контрарная случайность логически сильнее контрадикторной случайности и тем самым логически сильнее возможности, совместимой с необходимостью. *Значит, все заключения о возможности, совместимой с необходимостью, а также контрадикторно случайные заключения можно получить из посылок с контрарной случайностью.* Обратное следование, конечно, неверно. Особенностью контрарной случайности общих суждений является то, что она несовместима с существованием каких бы то ни было необходимых суждений, общих и частных, то есть представляет абсолютную случайность. Возможно, эта фундаментальная особенность контрарной случайности и стала основанием для ее интуитивного или рационального предпочтения Аристотелем. *Ведь только такая возможность полностью несовместима с миром, в котором существует хоть какая-нибудь необходимость.*

Удивительно, но остается фактом, что свойства контрарной случайности никем не были исследованы сколь-нибудь досконально, хотя критики по поводу аристотелевского понимания возможности было высказано предостаточно. «Аристотелевская теория случайных силлогизмов, — утверждает Я. Лукасевич, один из лучших знатоков аристотелевской силлогистики, — полна серьезных ошибок. ... Может быть показано, что все аристотелевские модусы со случайным заключением ошибочны» [1]. Данное утверждение Я. Лукасевича справедливо, только если под возможностью в аристотелевском смысле понимать контрадикторную случайность. В этом и только в этом случае действительно нельзя получить ни одного контрадикторно случайного

заклучения (все заклучения, если они есть, выводятся только со знаком возможности \Diamond). Использование же контрарной случайности, как было показано, позволяет выводить любые случайные заклучения, включая кон-

трарные, контрардикторные и со знаком возможности \Diamond [2]. Это означает, что все обвинения Аристотеля в алогичности его модальной силлогистики следует считать необоснованными.

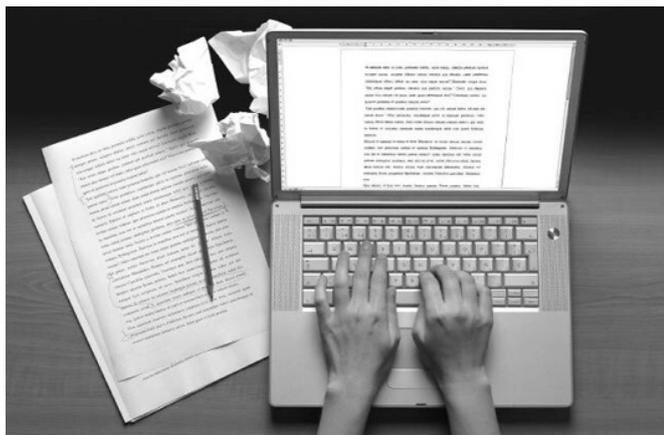
ЛИТЕРАТУРА

1. Лукасевич Ян. Аристотелевская силлогистика с точки зрения современной формальной логики. М., 1959. С. 272, 276.
2. Светлов В. А. Модальная силлогистика Аристотеля (формальная реконструкция основных допущений и результатов) // Я. А. Слинин и Мы. СП б. 2002..С. 445–474.
3. McCall, S. 1963, Aristotle's Modal Syllogisms. Amsterdam: North-Holland Publishing Company.
4. Malink, M. A reconstruction of Aristotle's modal syllogistic. History and Philosophy of Logic 2006, 27: 95141.
5. Patterson, R., Aristotle's Modal Logic. Essence and Entailment in the Organon. 1995. Cambridge: Cambridge University Press.

© Светлов Виктор Александрович (victor-svetlov@yandex.ru), Сидоров Николай Михайлович (udoml@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НАШИ АВТОРЫ

OUR AUTHORS

Bushkova A. — Graduate student, Moscow State Technical University. N.E. Bauman
r.yahyaevna@rambler.ru

Cekh J. — Head of the «Psychological Center of Juliya Cech» company; graduate student, Tver state technical university
chehyula@gmail.com

Dombrin I. — Federal State-Owned Autonomy Educational Establishment of Higher Education «Southern Federal University», (Taganrog)
dombrin@yandex.ru

Filippchenkova S. — Doctor of psychological sciences, associate professor, Tver state technical university
sfilippchenkova@mail.ru

Karnauchov V. — PhD in psychology, associate Professor of Belgorod State National Research University
karnauchov_va@rbcmail.ru

Kildishev A. — Postgraduate Student, St. Petersburg State University (St. Petersburg)
artjom1987@mail.ru

Kravchenko V. — Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation
vz1612@mail.ru

Margaryan V. — Doctor of Psychology, Colonel, Advisor to the Head, National Defense Research University, MoD, RA; Associate Professor, Armenian State Pedagogical University after Kh. Abovyan
margaryanw@mail.ru

Mezentsev E. — Omsk State Technical University
mez72@mail.ru

Nazarewicz O. — Candidate of Psychological Sciences, associate Professor of the Shadrinsky State Pedagogical Institute
OSN24@mail.ru

Nepomnyashchiy A. — Federal State-Owned Autonomy Educational Establishment of Higher Education «Southern Federal University», (Taganrog)
pibgtsu@mail.ru

Pozharsky S. — Candidate of philosophy, associate Professor, Smolny institute of the Russian Academy of Education
naumova_elena_07@mail.ru

Sidorov N. — Candidate of philosophy, associate Professor, Emperor Alexander I St. Petersburg state University of railway engineering
udoml@mail.ru

Svetlov V. — Doctor of philosophy, Professor, Emperor Alexander I St. Petersburg state University of railway engineering
victor-svetlov@yandex.ru

Tutueva I. — Candidate of Psychological Sciences, associate Professor of the Shadrinsky State Pedagogical Institute
medvedeva452010@mail.ru

Vladimirova N. — Omsk State Technical University
nathalie_poisson@mail.ru

Yakovleva S. — Adjunct, FKOU VO Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia (Ryazan)
miss.tuz2014@yandex.ru

Yevtushenko Y. — Teacher–researcher, Belgorod State National Research University; psychologist of Department of the Ministry of internal Affairs of Russia in the Belgorod region
erg3337731@mail.ru

Zakharevskaya E. — Post-graduate student, Russian New University
500.ekaterina@mail.ru

Zhuravleva M. — Senior lecturer, Moscow Aviation Institute National Research University
sonyakorallo@list.ru

Zykin A. — Saint-Petersburg State Agrarian University
zykinalex@mail.ru

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускаются.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Список литературы составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).